Л.И. Богданова

**СТИЛИСТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА
И КУЛЬТУРА РЕЧИ**

Лексикология для речевых действий

Учебное пособие

2-е издание, стереотипное

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
2016

УДК 811.161.1(075.8)

ББК 81.2Рус-5-923

Б73

Рецензенты:

д-р филол. наук, профессор *И.Г. Мирославский*,

канд. филол. наук, доцент *Н.А. Мануйлова*

Богданова Л.И.

Б73 Стилистика русского языка и культура речи :
Лексикология для речевых действий [Электронный
ресурс] : учеб. пособие / Л.И. Богданова. – 2-е изд., стер.
– М. : ФЛИНТА, 2016. – 248 с.

ISBN 978-5-9765-0912-2

В настоящем пособии лексика русского языка рассматривается с двух позиций – с точки зрения человека 1) воспринимающего письменные или устные сообщения и 2) создающего речевые произведения в устной или письменной форме. Изучение лексических средств, связанных с пониманием чужих высказываний и созданием собственных речевых произведений, способствует эффективности общения между коммуникантами. Лексический материал пособия формирует умение видеть в языках универсальное и специфическое, сравнивать лексические возможности языков по разным параметрам, выделять национально-культурный компонент в семантическом пространстве языка.

Для широкого круга специалистов: преподавателей иностранных языков, переводчиков, специалистов в области межкультурной коммуникации, регионоведов, культурологов, журналистов, экономистов-международников и др.

УДК 811.161.1(075.8)

ББК 81.2Рус-5-923

Учебное издание Богданова

Людмила Ивановна

СТИЛИСТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРА РЕЧИ

Лексикология для речевых действий

Учебное пособие

Подписано в печать 30.11.2015.

Электронное издание для распространения через Интернет.

ООО «ФЛИНТА», 117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б, комн. 324.

Тел./факс: (495)334-82-65; тел. (495)336-03-11.

ISBN 978-5-9765-0912-2

© Богданова Л.И., 2016

© Издательство «ФЛИНТА», 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7	
Общие сведения о современном русском языке	9	
Часть I. ЛЕКСИКОЛОГИЯ ДЛЯ РЕЧЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ		
Введение	14	
Предмет и задачи лексикологии	14	
Особенности лексики как объекта лексикологии	15	
Системность лексики и проблемы понимания и говорения	23	
Слово, его формальные и содержательные характеристики	29	
Проблема определения слова	29	
Функции слова	31	
Функциональные типы значений	33	
Предикатная лексика. Актантная структура слова	34	
Лексическое значение слова	37	
Слово и знания о мире	43	
Значение и смысл	46	
Компонентный анализ лексического значения	48	
Социально ориентированные значения	53	
Ассоциативный потенциал слова	55	
Понятие коннотации	58	
Два подхода к описанию лексики	59	
Глава 1. Описание лексики от формы к значению (семасиологический подход)		61
Сущность семасиологического подхода	61	
Мотивированность слова (внутренняя форма)	61	
Лексические категории, осложняющие понимание	66	
Многозначность (полисемия)		
Понятие полисемии	66	
Значение многозначного слова и контекст	69	
Полисемия и коммуникативные неудачи	71	
Типы многозначности	73	
Метафорическая многозначность		
Понятие метафоры	73	
Функциональные типы языковой метафоры	74	
Разновидности метафорических значений по типу сходства	77	
Сферы использования метафоры	77	
Метафора в аспекте понимания	80	
Метафора и проблема переводимости	82	

Метонимическая многозначность	
Понятие метонимии.....	83
Виды метонимических переносов.....	83
Сферы использования метонимии.....	86
Метонимия в аспекте понимания.....	87
Омонимия	
Понятие омонимии.....	89
Типы омонимов.....	89
Омонимия и многозначность.....	91
Омонимия в аспекте понимания.....	93
Паронимы	
Понятие паронимии.....	96
Паронимы и виды речевой деятельности.....	97
Глава 2. Описание лексики от значения к форме (ономасиологический подход).....	
Сущность подхода.....	100
Основные понятия.....	100
Селекция и комбинация языковых единиц.....	100
Отбор слов из лексического ряда с общим значением (селекция).....	101
Лексические категории, ориентированные на говорение и письмо ...	103
Семантическое поле.....	103
Понятие семантического поля.....	103
Структура семантического поля.....	104
Родо-видовые отношения.....	107
Понятия гипонима и гиперонима.....	107
Эндоцентрические ряды.....	110
Синонимические средства языка.....	110
Синонимы	
Проблема определения синонимов.....	111
Типы синонимов.....	114
Синонимы в процессе говорения.....	121
Функции синонимов в продуктивной речевой деятельности.....	122
Способы использования синонимов в речи.....	126
Эвфемизмы	
Понятие эвфемизма.....	129
Темы и сферы эвфемизации.....	132
Цели эвфемизации.....	133
Функциональные типы эвфемизмов.....	135
Средства эвфемизации.....	136
Перифразы	
Понятие перифразы.....	139
Сферы перифразирования.....	141

Техника перифразирования.....	141
Перифразы в продуктивной речевой деятельности	142
Функции перефразирования	142
Перифразы языковые и речевые	146
Антонимия	
Сущность антонимии как лексической категории.....	147
Семантические классы антонимов	151
Многозначность и антонимия	154
Функции антонимов в продуктивной речевой деятельности	159
Средства создания оксюморона.....	167
Проблема отсутствия антонимов и способы её разрешения	168
Конверсия	
Понятие конверсива.....	170
Семантические типы конверсивов.....	172
Источники и техника лексической конверсии	173
Функции конверсивов в продуктивной речевой деятельности	175
Вторичные функции семасиологических категорий	178
Метафора в аспекте порождения текстов.....	178
Функции метафоры в речи.....	179
Метонимия в аспекте порождения текстов	181
Омонимия при создании речевых произведений	182
Паронимы в продуктивной речевой деятельности	184
Правила соединения слов в речи	185
Лексическая сочетаемость	186
Правила сочетаемостных ограничений.....	188
Закон семантического согласования.....	190
Нарушение правил семантического согласования	192
Экспрессивно-эмоциональное согласование	194
Лексические функции	194
Понятие лексической функции	194
Лексические замены	196
Лексические параметры	197
Выражение интенсивности и оценки.....	198
«Оглаголивание» понятий, выраженных существительными.....	199
Каузация ситуации и модификация действия.....	201
Лексические параметры участников ситуации	202
Лексические функции в продуктивной речевой деятельности.....	203
Часть II. ФРАЗЕОЛОГИЯ ДЛЯ РЕЧЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ	
Введение	208
Понятие фразеологизма	208
Мотивированность/немотивированность фразеологизмов	209
Структурная роль фразеологизмов при построении высказывания.....	214

Фразеология и картина мира.....	215
Глава 1. Фразеология в аспекте понимания	222
Семасиологический подход к описанию фразеологизмов	222
Многозначность фразеологизмов	223
Паронимия во фразеологии	225
Омонимия фразеологизмов.....	225
Глава 2. Фразеология для говорения и письма	227
Синонимия фразеологизмов.....	227
Антонимия фразеологизмов	229
Функции фразеологизмов в речи.....	231
Трансформация фразеологизмов в речи.....	232
Сферы использования фразеологизмов	235
Штампы и клише в продуктивной речевой деятельности	237
Литература	242
Словари	244
Контрольные задания	246

ПРЕДИСЛОВИЕ

В основе настоящего учебного пособия – курс лекций, читаемый автором на факультете иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова в рамках учебной дисциплины «Стилистика русского языка и культура речи»¹. Рассчитанная на студентов, глубоко изучающих иностранные языки, эта книга удобна и для самостоятельной работы, и для аудиторных занятий.

В данном пособии представлен подход к описанию лексики, основанный на понимании языка как деятельности. Такой подход предполагает описание языка с двух позиций: с точки зрения человека, воспринимающего чужую речь (в письменном или устном виде), и с точки зрения человека, производящего высказывания с той или иной целью².

Учебники и учебные пособия, представляющие лексикологию как науку, обычно недостаточно последовательно отражают эти два принципа описания языковых средств. Указанное разграничение способствует более адекватному представлению лексики и, следовательно, эффективному овладению языковыми средствами.

¹ Программа дисциплины «Русский язык и культура речи» (авторы: Милославский И.Г., Богданова Л.И., Федосюк М.Ю.). МГУ им. М.В. Ломоносова, факультет иностранных языков, 2002.

Программа дисциплины «Стилистика русского языка и культура речи (лексикология)» // Книга первокурсника РИМО. М.: МГУ, 2009.

² Данный подход реализован в работах И.Г. Милославского: Культура речи и русская грамматика. М., 2002; Русский язык для говорения и письма. Как мысли выразить себя, другому как понять тебя? М., 2008; Краткая практическая грамматика. 2-е изд. М., 2009 и др.

Человек, осознанно желающий стать успешной языковой личностью, должен знать, что лексические категории, напр., многозначность, омонимия, синонимия, антонимия и др., имеют разную функциональную нагрузку в продуктивных и рецептивных видах речевой деятельности. В частности, многозначные слова и омонимы осложняют процесс понимания, а синонимы, антонимы и конверсивы, обогащая ресурс производителя речи, выводят его непосредственно в говорение и письмо, помогая ему либо усилить производящий на адресата эффект, либо смягчить отрицательное воздействие информации на партнёра по коммуникации.

Отличие данного пособия от других состоит именно в том, что лексические категории русского языка систематизированы в нём в указанных двух аспектах: 1) в плане рецептивных речевых действий; 2) в плане продуктивных речевых действий.

Предлагаемое учебное пособие предусматривает и такое представление лексического материала, которое ориентировано на формирование умений видеть в языках универсальное и специфическое, сравнивать лексические возможности языков по разным параметрам, выделять национально-культурный компонент в семантическом пространстве языка.

Конечной целью предлагаемого пособия является формирование у студентов представления о специфике лексической системы русского языка на основе: 1) умения анализировать отношения между словами в аспекте понимания при слушании и чтении; 2) умения перефразировать и трансформировать высказывания, используя различные лексические средства, при продуктивных речевых действиях; 3) умения выявлять лакуны в русском языке и в изучаемых иностранных языках.

Эти умения являются обязательными как для специалистов в области регионоведения, международных отношений и межкультурной коммуникации, так и для будущих переводчиков и преподавателей иностранных языков. Подход к описанию лексического материала, представленный в настоящем пособии, обеспечивает его эффективное использование не только на факультетах иностранных языков, но и на других факультетах гуманитарного профиля.

Таким образом, данное пособие в целом готовит студентов к практической работе в области сравнения языков на материале глубокого изучения лексических средств русского языка, помогающего сделать более эффективным как процесс понимания речевых произведений, так и процесс говорения.

Общие сведения о современном русском языке

Современный русский язык – это прежде всего национальный язык русского народа, духовная основа русской культуры. Это государственный язык Российской Федерации.

По своему происхождению русский язык так же, как украинский и белорусский языки, принадлежит к восточнославянской группе славянской ветви индоевропейской семьи языков. Все славянские языки близки друг к другу, так как восходят к одному и тому же источнику – общеславянскому языку.

Русский национальный язык сформировался в XVI–XVII вв. в связи с образованием Московского государства.

Дальнейшее развитие национального русского языка было связано с формированием в XVIII–XIX вв. русского литературного языка, который объединил в себе многие черты северных и южных говоров.

Особую роль в формировании литературного языка сыграл старославянский язык, который обогатил русский язык, в частности, абстрактной лексикой.

В ходе развития русский национальный язык взаимодействовал с другими языками, заимствуя лексические единицы из немецкого, французского, английского и других языков. Эти заимствования делали русский язык более гибким и стилистически разнообразным.

Современный русский литературный язык – это нормированный и кодифицированный язык, обслуживающий культурные потребности русского народа. Как язык кодифицированный, он противостоит территориальным диалектам, просторечию и жаргону.

Нормированность и кодифицированность литературного языка состоит в том, что произношение, правописание, образование грамматических форм слов, а также значение и употребление слов подчиняются общепринятым образцам и правилам, которые закреплены в грамматиках и словарях. В систему норм литературного языка, которая считается общеобязательной, входят такие частные нормы, как лексические, словоизменительные, словообразовательные, синтаксические, нормы произношения и правописания. Языковые нормы охватывают не только отдельные языковые единицы, но и закономерности выбора и организации этих единиц в пределах текста, а также обуславливают выбор той или иной разновидности языка в соответствии с ситуацией и конкретными условиями языкового общения. Литературная норма закреплена как обязательная и правильная. Говорящий и пишущий должны соблюдать языковые нормы. Без соблюдения норм литературный язык не может успешно выполнять коммуникативную функцию. Именно нормы литературного языка обеспечивают трансляцию культурных ценностей через язык от старшего поколения к младшему. Но чрезмерное увлечение проблемами языковой нормализации вступает в противоречие с реальной жизнью языка. Выдающийся учёный Л.В. Щерба, отмечая тот факт, что суть всякого литературного языка в его стабильности и традиционности, в то же время подчёркивал, что в нормативных грамматиках язык нередко представляется «в окаменелом виде» и такая «чрезмерная нормализация языка зловредна: она выхолащивает язык, лишая его гибкости»³.

В современных условиях нормы литературного языка, испытывая влияние средств массовой информации, становятся менее жёсткими, допуская варианты. В результате, ориентируясь на коммуникативную целесообразность, границы нормативности / ненормативности смещаются и некоторые разговорные, просторечные и даже жаргонные языковые факты становятся вариантами нормы.

³ Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. I. Л., 1958. С. 15–16, 126.

Изучая современный русский язык, необходимо иметь представление о том, что вкладывается в понятие «**современный русский язык**». Хронологические границы понятия «современный русский литературный язык» не установлены строго однозначно. Многие исследователи называют «современным» в широком смысле этого слова язык от Пушкина до наших дней. Одним из аргументов в пользу такого мнения является тот факт, что современным читателям в произведениях А.С. Пушкина понятно почти всё. Тем не менее В.В. Виноградов условной границей современного русского языка считал 90-е годы XIX в. Некоторые учёные предлагают считать «современным» язык начиная с 30–40-х годов XX в. и до наших дней.

При определении границ понятия «современный русский литературный язык» целесообразно, по-видимому, исходить из широкого толкования этого сложного явления, опираясь на тот факт, что именно в художественном языке А.С. Пушкина русский национальный язык нашёл, по словам Г.О. Винокура, ту «воплощённую норму», которая была целью всех сложных событий, происходивших в нём с конца XVII в.

Литературный язык существует в двух формах: письменной и устной. Эти две формы характеризуются специфическими особенностями в области лексики и грамматики, так как они рассчитаны на разные способы восприятия – зрительное и слуховое.

Современный русский литературный язык является языком межнационального общения народов России и ближнего зарубежья. В этой роли он способствует взаимному обогащению национальных культур, распространению научной информации, деловым контактам. Русский литературный язык – один из наиболее развитых мировых языков.

Русский язык изучается как иностранный во многих странах мира. С 1945 г. Уставом ООН русский язык признан одним из официальных, рабочих языков ООН и других международных организаций.

Часть I

**ЛЕКСИКОЛОГИЯ
ДЛЯ РЕЧЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ**

Введение

Предмет и задачи лексикологии

Лексикология (от греч. *lexikos* – относящийся к слову и *logos* – учение) обычно определяется как раздел языкознания, изучающий словарный состав, лексику языка. В задачи лексикологии входит исследование проблем, связанных с разными сторонами слова. Как известно, все разделы языкознания так или иначе связаны со словом, но при этом каждый раздел языкознания фокусирует в слове разные его стороны.

Фонетику интересует звучащая сторона слова, фонологию – его фонемный состав, морфология, изучая механизмы построения и понимания словоформ, обращает преимущественное внимание на окончания. На современном этапе лексикология как наука, сосредоточенная в первую очередь на значении слова, включает в себя семантику, которая складывается из описания лексических значений.

Нынешняя эпоха развития лингвистики – это, бесспорно, эпоха семантики, центральное положение которой в кругу лингвистических дисциплин непосредственно вытекает из того факта, что человеческий язык в своей основной функции есть средство общения, средство кодирования и декодирования определённой информации. Необходимость глубокого изучения лексики и особенно семантики диктуется требованиями культуры. Первое впечатление о человеке складывается не только на основе восприятия его внешности, одежды, манеры поведения, но и благодаря тому, как человек умеет выражать свои мысли и чувства. Известно, что речь – это своего рода визитная карточка человека. Речевой портрет языковой личности определяется богатством её словарного запаса, умелое использование которого обеспечивает человеку свободу, гибкость, эффективность и красоту речевого поведения, способность полноценно воспринимать и перерабатывать поступающую информацию. Словарный запас человека – это ключ к его социальному поведению, индикатор его интеллектуального и духовного уровня. Осознанное

отношение к языку, к его лексическому богатству, стремление точно выражать свои речевые намерения, формирование внутреннего «цензора», определяющего выбор того или иного слова, – всё это, безусловно, способно сдерживать разрушительные процессы в языке и обществе, которые в определённой мере характерны для настоящего периода.

Лексикология как наука связана с другими разделами языкознания. Особенно тесные отношения связывают её с фразеологией (от греч. *phrasis* – выражение и *logos* – наука) – наукой об устойчивых сочетаниях слов (*сбить с панталыку, пальчики облизнешь, верста коломенская* и т.п.). Невозможно глубоко изучить особенности лексики и без обращения к словарям. Науку о словарях называют лексикографией (от греч. *lexikon* – словарь и *graphō* – пишу) и определяют обычно как теорию и практику составления словарей.

В сферу интересов лексикологии входит также изучение словарного состава с точки зрения его происхождения, исследование стилистической неоднородности лексики, сфер её употребления и многое другое.

В настоящем курсе лексикологии мы сосредоточим наше внимание в основном на рассмотрении лексических средств с двух позиций: с позиций человека, воспринимающего речь в устной и в письменной форме, и с позиций человека говорящего или пишущего, который, сообщая партнёру по коммуникации определённую информацию и так или иначе оценивая её, отбирает необходимые языковые средства, рассчитывая на определённый результат.

Особенности лексики как объекта лексикологии

Лексике принадлежит важнейшая роль в освоении мира, поскольку именно слово как имя вещи превращает явление действительности в объект нашего сознания. В качестве характерной особенности лексики обычно отмечают необозримость её элементов. Количественная необозримость лексики связана с её

открытостью и проницаемостью. Лексика откликается на изменения в материальной и духовной жизни человека. Это значит, что слова по мере развития общества и языка могут входить и выходить из словарного запаса, уходить и снова возвращаться к жизни. Примером могут послужить слова, практически утраченные в начале XX в. и вновь обретенные русским языком в конце XX в.: *покаяние, милосердие, благотворительность; дума, губернатор, департамент; лицей, гимназия* и др. Лексические единицы могут переходить из активного употребления в пассивное и наоборот. Так, напр., слова *пионер, соцсоревнование, стенгазета* и др. в конце XX в. ушли из активного употребления в пассивный запас, а слова *беспредел, крутой* (о человеке), *тусовка*, которые раньше употреблялись лишь носителями определённых жаргонов, сейчас пополнили активный запас.

Кроме того, лексические единицы в ходе развития языка могут существенно менять свои значения. Так, напр., в XIX в. слово *инвалид*, имевшее значение ‘вышедший в отставку военный, ветеран’, переносно могло употребляться в значении ‘опытный человек’: *В любви считаясь **инвалидом**, Онегин слушал с важным видом, как, сердца исповедь любя, поэт высказывал себя* (А.С. Пушкин), что для современного употребления явно нехарактерно. Иллюстрирует изменение лексических значений и история слова *щепетильный*. Основываясь на знании современных значений этого слова (1. ‘Строго, до мелочей принципиальный в отношениях с кем-л. или по отношению к чему-л.’ 2. ‘Требующий осторожного и тактичного отношения, деликатный’), невозможно правильно понять такие пушкинские строки из «Евгения Онегина»: *Всё, чем для прихоти обильной торгует Лондон **щепетильный** и по Балтийским волнам за лес и сало возит нам, <...> – всё украшало кабинет философа в осьмнадцать лет*, где слово *щепетильный* имеет значение, утраченное в современном русском языке, – ‘связанный с торговлей галантерейными и парфюмерными товарами’.

В значении слов могут отражаться также сдвиги в оценке тех или иных явлений, напр., в языке А.С. Пушкина слова *повеса, лень, услужливый* и др. не имели той отрицательной оцен-

ки, которая характерна для этих слов в современном употреблении.

Особенностью лексики является и то, что она связана с культурой. Подобно тому, как в культуре каждого народа есть универсальное и специфическое, так и в семантике каждого языка есть отражение и общечеловеческого компонента культуры, и своеобразие национальной культуры конкретного народа. Универсальный компонент культуры связан с единством человеческой психики и её способностью независимо от образа жизни отражать мир в сходных категориях. Так, напр., в любых культурах говорящие различают субъект действия и его объект, предмет и признак, отношения, связанные с пространством и временем. Межкультурное сходство проявляется и в том, что в передаваемую информацию говорящий включает своё отношение, эмоциональную оценку того, о чём идёт речь⁴. Общность человеческой психологии, отражённая в языке, проявляется и в асимметрии положительных и отрицательных оценок. Лексика отрицательной оценки разнообразнее и богаче, чем лексика положительной оценки. Так, напр., класс русских глаголов речи, выражающий одобрение, включает лишь несколько глаголов нейтральной оценки (*хвалят, одобряют*), в значение других глаголов, содержащих общую идею 'хвалить', входит дополнительный признак отрицательной оценки речевых действий того или иного лица (*захваливать, превозносить, славословить, льстят* и т.д.). В то же время группа глаголов с антонимическим значением 'неодобрения' содержит, по наблюдению учёных⁵, более 80 лексических единиц (*ругать, порицать, осуждать, оскорблять, обличать, высмеивать, клеймить, критиковать* и т.д.). Другим показателем асимметричности языка в выражении оценки является тот факт, что слова, которые на оценочной шкале занимают срединное положение, в самых раз-

⁴ См. об этом подробнее: Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. М., 2000. С. 51–57.

⁵ Гловинская М.Я. Система общих семантических признаков для описания речевых актов. Оценка говорящим речевого акта // Проблемы русской лексикографии. М., 2004. С. 19.

ных языках имеют тенденцию сдвигаться к полюсу «плохо». *Средние способности*, напр., – это, скорее, не нормальные способности обычного человека, а способности, не достигающие определённого уровня. *Заурядная* внешность характеризует недостаточную привлекательность кого-либо. Когда человека называют *ни то ни сё*, то вкладывают в эту характеристику отрицательное отношение. Примечательно и то, что слова со значением ‘хорошо’ часто употребляются в значении ‘нормально’, что особенно проявляется в этикетных формулах: – *Как долетели?* – *Хорошо*.

Кроме того, люди самых разных культур обозначают новые явления с помощью ранее созданных слов, сужая или расширяя их прежнее значение на основе метафоры и метонимии (см. раздел «Многозначность»).

Межкультурная общность языков мира обеспечивает возможность перевода с одного языка на другой и составляет основу для взаимопонимания. Тем не менее в любом языке и даже диалекте есть слова, не имеющие точного эквивалента в других языках, в связи с чем переводчики нередко сталкиваются с трудностями из-за наличия лакун в языках. Лакуна (в переводе с латинского *lacuna* – ‘углубление, впадина, полость’) означает пробел, пропуск, недостающее место в тексте. Языковые лакуны образно называют «белыми пятнами на семантической карте языка»⁶.

Причиной таких «белых пятен» является культурная, семантическая, эмоциональная «несимметричность» мировоззрений, представленных в разных языковых картинах мира или, иначе говоря, несовпадение в членении мира разными языками. Принято считать, что существуют два основных вида лакун – внутриязыковые, т.е. отсутствие слова в языке, выявляемое на фоне наличия близких по семантике слов внутри той или иной лексической парадигмы, и межъязыковые лакуны, под которыми понимается отсутствие лексической единицы в одном из языков при её наличии в другом. Наибольшую значимость при

⁶ Степанов Ю.С. Французская стилистика. М., 1965. С. 120.

переводе имеют межъязыковые лакуны. Но было бы ошибкой полагать, что внутриязыковые лакуны не играют существенной роли при попытке передать смысл, выраженный средствами одного языка, используя возможности другого языка.

Тот факт, что в каждом языке существует большое количество внутриязыковых лакун, т.е. пустых, незаполненных мест в лексико-фразеологической системе языка, при переводе также необходимо учитывать. В русском языке, напр., отмечается значительное количество внутриязыковых «пустот»⁷. Так, в частности, по-русски можно одним словом обозначить ученика старших классов – для этого есть слово *старшекласник*, но нет общепринятой лексической единицы для обозначения учащихся младших классов (ср. *младшекласник); есть слово *молодожены*, но нет слова для обозначения супругов, уже имеющих стаж семейной жизни (ср. *старожёны). Русский язык располагает словами, обозначающими понятие «сообщение о негативных фактах» (*жалоба*, *донос*), но в его распоряжении нет обозначения для сообщения о положительных фактах (здесь сказывается асимметрия положительных и отрицательных оценок в языке). Лакунами в русском языке, в отличие от других языков, представлены и понятия, выраженные в форме существительных: *тот, кто ошибается*, *тот, кто падает*, *тот, кто переживает*, *тот, кто перемещается*, *тот, кто платит*, *тот, кто повторяет*, и др. Во французском же такие существительные «на данный случай» с суффиксами **-eur**, **-euse** образуются легко и употребляются широко: ср. *Attendez votre suiveur* – *Подождите того, что следует за вами*; *Elle est devenue sorteuse* – *Она полюбила уходить из дому*, буквально *стала выходчицей* и т.п. Также в английском с суффиксом **-er**: *Who is the speaker at the round table?* – *Кто тот человек, который говорит у круглого стола?* и т.п. Очевидно, что при переводе такие внутриязыковые лексические лакуны необходимо учитывать.

⁷ См. об этом подробнее: Стернин И.А., Быкова Г.В. Концепты и лакуны // Языковое сознание: формирование и функционирование. М., 1998. С. 60–63.

По данным языка учёные могут воссоздавать национальные картины мира. Языковая картина мира частично находит выражение даже в обыденной повседневной речи. Так, напр., приветствуя друг друга при встрече, русские люди желают собеседнику здоровья, говоря: «Здравствуйте!» Немцы и французы интересуются при встрече (буквально): «Как идёт?» (ср. *Wie geht's? Comment ça va?*). Итальянцы приветствуют знакомых вопросом (букв.): «Как стоишь?» (*Come sta?*). По-английски приветствие буквально значит: «Как вы делаете?» (*How do you do?*). Разумеется, современный русский человек, здороваясь, не думает о том, чтобы пожелать собеседнику здоровья, однако, по мнению учёного Г. Гачева, предметом изучения которого были национальные образы мира, уже в простом и повседневном акте взаимного приветствия люди разных народов выражают свои «символы веры», подчёркивая, что представляет для них наибольшую ценность. Для русских такой ценностью являлось здоровье, для англичан (американцев) – работа, труд, для итальянцев – статика, стабильность, для французов и германцев – движение, динамика⁸.

Языковая картина мира проявляется и в том, что в языковом сознании народа действительность может по-разному члениться на понятия с помощью слов. В результате различной «сегментации» объективной реальности фрагменты лексических систем в разных языках не совпадают. Один и тот же «сегмент» объективной реальности, одно и то же понятийное содержание могут быть по-разному распределены между словами в различных языках, и тогда функциональная нагрузка соотносительных лексических единиц, их сочетаемость и объёмы значения полностью не перекрывают друг друга. Это можно проследить, в частности, на хрестоматийном примере обозначения частей тела в разных языках. Ср.: *рука* – *hand / arm* (англ.), *Hand / Arm* (нем.), *main / bras* (фр.); *нога* – *foot / leg* (англ.), *Fuß / Bein* (нем.), *pied / jambe* (фр.). По-русски словом *рука* называют и всю руку, и кисть (*гулять с кем-либо под руку, зажать*

⁸ Гачев Г. Национальные образы мира. М., 1998. С. 7.

деньги в руке), а словом *нога* – и всю ногу, и стопу (*завратиться на диван с ногами, подобрать обувь по ноге*). Как видно из примеров, там, где русский язык обходится одним словом, обозначая недифференцированно человеческий орган (*рука, нога*), другие языки пользуются двумя словами. Однако нетрудно заметить, что аналоги английских, немецких, французских обозначений в русском языке существуют, но используются лишь в специализированных ситуациях, напр., *кисть травмирована, ступня (стопа) повреждена*.

Для русского языка оказывается также неважным различать *берег реки* и *берег моря*, а для английского языкового сознания это оказалось значимым, и поэтому русскому *берег* в английском языке соответствуют два слова: *bank* – ‘берег реки’ и *shore* – ‘берег моря’.

Если перейти к сфере чувств и эмоций, то и там обнаружим несоответствия. В испанском языке, напр., есть два слова, которые соответствуют одному русскому глаголу *любить*: *amar* обозначает высокое чувство, духовную любовь, *querer* – «земную» любовь, желание. Испанское сопоставление *amar y querer* (букв. любить и любить) с трудом поддаётся точному переводу на русский язык (любить и желать?).

С другой стороны, по-русски разными словами названы и имеют различную оценку *отважный, отчаянный и лихой*, а носителями многих других языков отличия между лихостью, отвагой и отчаянным поведением с помощью специальных слов не фиксируются. В русском языке различаются *стирать* и *мыть*, а в английском и немецком языках этим двум словам соответствует одно слово: *wash* (англ.), *waschen* (нем.). Ср.: англ. *to wash one's feet (a cap, the floor); to wash a dress (a shirt)*, русск. *вымыть ноги (чашку, пол)*; но: *выстирать платье (рубашку)*. Таким образом, английский глагол *wash* лишь частично соответствует русскому глаголу *мыть* в силу их различной значимости в системах сопоставляемых языков, а последний «покрывает» лишь часть содержания первого. Ср. также одно слово в английском и немецком языках для обозначения недифференцированного

понятия 'девушка/девочка' и два разных слова в русском языке: *girl* (англ.), *Mädchen* (нем.) – *девочка / девушка* (русск.).

Языковое сознание по-разному членит и семантическое поле времени. Напр., в русском языке представлена лексическая единица, обозначающая 24 часа – *сутки*, а многие другие языки таким словом не располагают. В разных языках сутки делятся на части не одинаково. Так, напр., в немецком языке есть специальное обозначение для времени суток до обеда (*Vormittag*), а в русском языке оно не представлено. Кроме того, для русских период с 12 до 16–17 часов (в зависимости от времени года) определяется как день, а для испаноговорящих после 12 часов начинается вечер. Для русских время начала спектакля в театре – это вечер, а для англичан – ночь (они идут в театр *tonight*).

Не совпадает в разных языках и фрагмент языковой картины, отражающей родственные отношения. Обозначение степени родства может быть более или менее дифференцированным, что зависит от типа культуры. Так, перевод названия пьесы А.П. Чехова «Дядя Ваня», напр., на китайский язык связан с некоторыми затруднениями. Русскому слову *дядя* в китайском языке соответствуют не только слова: 'дядя по матери' и 'дядя по отцу', но и слова, имеющие значение 'старший дядя' и 'младший дядя'.

Итак, к особенностям лексико-семантического уровня языка можно отнести следующие признаки:

1) способность лексики по-разному в зависимости от типа культуры членить понятийное пространство;

2) связь лексики с культурой народа, универсальный и национально-специфический компоненты семантики; ср.: *уют, быт, общаться, пошлость, интеллигенция* – русские слова, не имеющие точных эквивалентов в других языках;

3) способность слова быть знаком эпохи, его обращённость к внешней действительности, напр., слова *сигнализировать, стучать; блат, достать; тусовка, крутой, беспредел, откат* указывают на эпоху, которой они соответствуют;

4) необозримость лексических единиц.

Системность лексики и проблемы понимания и говорения

Итак, лексическое пространство необозримо и изменчиво. Что же позволяет носителю языка ориентироваться в нём, подыскивать нужные слова при создании речевых произведений и понимать чужие высказывания? Дело в том, что лексика языка представляет собой не нагромождение изолированных друг от друга единиц, а микро- и макросистемы, т.е. объединения слов по тому или иному признаку в группы. В сознании конкретной языковой личности лексическая система существует в свёрнутом виде.

Понятие системности складывалось в лингвистике постепенно. Ещё в начале XIX в. В. Гумбольдт отмечал, что каждый отдельный элемент языка проявляет себя лишь как часть целого. Законченная теоретическая концепция системности языка появилась позднее благодаря таким учёным, как Бодуэн де Куртенэ (Россия, конец XIX в.) и Ф. де Соссюр (Швейцария, начало XX в.).

Системность лексики имеет свои особенности. Некоторые учёные, отмечая сложность и многообразие отражённых в словах отношений, заявляли, что если в лексике и есть системность, то она обусловлена не языком, а связями, которые существуют между явлениями внешнего мира. Несомненно, что такая обусловленность действительно существует, но нельзя отрицать и собственно языковую системность.

Системой в лексике считают такую совокупность взаимообусловленных единиц, в которой каждая единица определяется всеми остальными единицами. Напр., если в языке есть такие слова, как *дядя*, *тётя*, то обязательно будут слова *племянник*, *племянница*. Это взаимообусловленные слова. Как говорил известный лингвист XX в. М.В. Панов, без племянника человек не дядя. Более того, если продолжить примеры со словом *дядя*, то можно заметить, что во многих языках, как мы уже говорили, есть слова со значениями: 'дядя со стороны матери' и 'дядя со стороны отца' (ср.: болг. *вуйчо* / *чичо*; древнерусское *вуй* / *стрый*). При этом всегда бывает так: если в языке есть слово

со значением ‘дядя со стороны матери’, то обязательно будет и слово ‘дядя со стороны отца’. Если из языка уходит одно из этих слов, то оставшееся либо расширяет своё значение, т.е. обозначает одновременно дядю и по материнской, и по отцовской линии, либо второе слово тоже исчезает и появляется другое слово с общим, недифференцированным значением (как в русском языке слово *дядя*).

Проявлением системности в лексике может служить и тот факт, что слова высокого стиля имеют свою окраску только потому, что есть слова нейтрального (а также разговорного) стиля. С другой стороны, о словах нейтрального стиля можно говорить лишь в том случае, если есть слова окрашенных стилей. Иначе неясно, по отношению к чему нейтральны эти слова, в чём проявляется их нейтральность.

Итак, лексические единицы языка – это единицы системные. Изучать единицу языка, абсолютно изолировав её от системы, значит, некорректно представить её подлинную сущность.

Системность лексики проявляется не только в том, что её единицы могут быть распределены по семантическим полям⁹ (ср. обозначение времени, пространства, цвета, движения, родства и т.п.), категориальным классам (классы многозначных слов, синонимов, антонимов и др.), оппозициям типа исконное ~ заимствованное, активное ~ пассивное, общеупотребительное ~ ограниченное, нейтральное ~ стилистически маркированное и т.п., но и в самом характере употребления лексических единиц, где есть свои закономерности.

Для человека, создающего речевые произведения, значимым является то, что содержательно тождественные и близкие лексические единицы, принадлежащие к одному семантическому полю, классу, употребляются одинаково или достаточно сходным образом, напр., полные и частичные синонимы: *орфография – правописание, друг – товарищ*. Слова же с далекими друг от друга значениями, напр., *относительность* и *сапог*, напротив, как правило, не употребляются в сходных контекстах.

⁹ См. об этом: Новиков Л.А. Лексикология // Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. М., 1997.

Лексический состав языка представляет собой сложную, гибкую и подвижную систему. Тем не менее нет оснований считать, что все участки лексики в равной степени «системно» организованы. Неодинаковую степень системности легко видеть, сравнивая, напр., с одной стороны, слова, служащие для обозначения родственных отношений, и, с другой стороны, социальных отношений между людьми.

Такие слова, как *отец, мать, сын, дочь, дедушка, бабушка, внук, внучка, дядя, тётя* и т.д., представляют собой действительно микросистему, в которой однозначно реализуются противопоставления по таким признакам, как мужской – женский пол, восходящая – нисходящая линия (*дедушка – внук*), прямое – не прямое родство (*сын – пасынок, дочь – падчерица*).

В группе слов, обозначающих дружеские/недружеские отношения нет, такого строгого разграничения значений: *друг, приятель, товарищ, дружок, знакомый, доброжелатель, недоброжелатель, противник, неприятель, соперник, враг, супостат* и т.д.

Употребление этих слов не регулируется чёткой сеткой однозначных противопоставлений, напр., для обозначения лиц женского пола противопоставлений в большинстве случаев или нет вообще (ср. *товарищ, неприятель; враг* – ср. **врагиня*), или эти соответствия не являются полностью симметричными по значению (*друг* и *подруга, дружок* и *подружка* и т.д.), что затрудняет процесс порождения высказываний, заставляя производителя речи создавать сложные или нестандартные номинации для выражения соответствующих значений (*Этот мужчина для неё в роли подруги – Он её подруга*).

Итак, в последовательном членении семантических сфер лексики на классы, подклассы, микросистемы и более частные группы наряду со строго системными отношениями, обеспечивающими эффективность порождения речевых произведений, можно обнаружить и асистемные участки, отклонения от системы, нередко приводящие к «сбоям» в говорении. Так, в частности, в русском языке ощущается явный недостаток слов с общим родовым значением, т.е. гиперонимов. Члены некоторых лексических групп, хотя и объединяются по принципу наличия

в них общего семантического признака, однако вместе с тем наделяются такой добавочной смысловой нагрузкой, которая «тянет их в разные стороны» и препятствует выделению обобщающего слова¹⁰. В лексическом ряду: *спешить* – *торопиться* – *нестись* – *лететь* и пр. трудно найти слово, которое было бы способно заменить собой все эти слова, вместе взятые (как слово *дерево* заменяет название любой породы деревьев или каждое по отдельности). Нет в русском языке и родового названия садовых кустарников: *смородина*, *малина*, *крыжовник* и т.д. Даже в том случае, если гипероним представлен в языке, то адекватная замена видовых понятий родовыми в процессе продуктивной речевой деятельности не всегда возможна из-за несовпадения, напр., их стилистических характеристик. Иллюстрацией может послужить ряд *шапка*, *шляпа*, *кепка*, *панамы* – *головной убор*, в котором словосочетание с родовым значением употребляется преимущественно в официальной речи.

Отклонения от системности в лексике влияют и на процесс понимания. Так, например, антонимические отношения должны выражаться по правилам системы разными словами: *горячий* – *холодный*, *приходить* – *уходить*, но и здесь могут быть асистемные отступления, когда противоположные смыслы передаются значениями одного и того же слова, что без достаточного контекста может вызвать непонимание: *оговориться* – это ‘сделать оговорку’ специально, сознательно или *оговориться* – значит ‘ошибиться’?

Факты асистемности, имеющие место в языке, должны учитываться, но не должны преувеличиваться: они осознаются на фоне регулярных, системных отношений, превалирующих над ними.

Важно уяснить, что системность в лексике может быть как очевидной, непосредственно наблюдаемой, так и уходить своими корнями в «глубину» языка, т.е. обнаруживаться на определенном уровне абстракции, проявляться в глубинной структу-

¹⁰ См. об этом подробнее: Новиков Л.А. Лексикология // Современный русский язык / Под ред. В.А. Белашапковой. М., 1997.

ре языка. Смысловые различия глаголов *вязать (свитер)*, *снимать фильм*, *наживать (состояние)*, *разбивать (сквер)*, *сажать (пятно)*, *составлять (список)*, *строить (дом)*, как и множества им подобных, оказываются не столь существенными, как кажется на первый взгляд, и обусловлены конкретными значениями соответствующих существительных. Подобные глаголы имеют один и тот же объединяющий их «глубинный смысл» – ‘каузировать’, т.е. делать так, чтобы что-то появилось, начало иметь место. С помощью нескольких десятков таких наиболее общих значений, называемых лексическими функциями, оказывается возможным систематизировать всю несвободную сочетаемость слов языка (см. об этом подробнее в разделе «Лексические функции»).

По мере усложнения культуры усложняется, дифференцируется, развивается лексическая система языка в целом. Развитие общества обычно оценивается положительно, а как оценивать развитие языка, которое неизбежно проявляется в его изменении? Хорошо или плохо для языка, если он быстро изменяется?

Известный учёный, один из основателей социолингвистики Е.Д. Поливанов говорил, что прогресс в языке заключается в том, чтобы он как можно меньше изменялся. Задача культурного сообщества – не торопить изменение языка. Чем выше уровень цивилизации, тем медленнее изменяется язык. Язык хранит в себе культурную традицию. Если бы язык развивался стремительно, люди разных поколений перестали бы понимать друг друга, не передавались бы культурно-языковые традиции. Консерватизм нормы способствует устойчивости литературного языка, благодаря чему облегчается передача культурных ценностей от поколения к поколению. Другой русский языковед А.М. Пешковский писал о том, что если бы литературный язык изменялся быстро, то каждое новое поколение могло бы пользоваться лишь литературой своего времени и предшествующего поколения и при таких условиях не было бы и самой литературы, так как литература всякого поколения создаётся всей предшествующей литературой. Если бы Чехов уже не понимал Пушкина, то,

вероятно, не было бы и Чехова. Сохранению языка способствуют языковые нормы, поэтому нормы не оковы языка, а его благо. Владая нормой, т.е. умея правильно выбирать и употреблять средства языка в зависимости от цели и условий речи, носитель литературного языка может позволить себе сознательные отступления от принятой нормы, языковую игру. Этим человек обращает внимание на предмет речи, или передаёт своё отношение к нему, или обнаруживает перед слушателем своё эмоциональное состояние, свою социальную позицию.

Язык постоянно меняется, но в пределах всех своих изменений остаётся внутренне единым благодаря тому, что в лексической системе существуют ядро и периферия. Ядро любого лексикона является константой, изменяется крайне медленно. Периферия языка, проницаемая для внешних воздействий, изменяется быстрее.

Для целей продуктивной и рецептивной речевой деятельности важно различать понятия лексической системы в широком и узком смысле. Лексическая система в узком смысле – это общеупотребительные слова русского языка, обеспечивающие взаимопонимание всех говорящих по-русски.

Лексическая система в широком смысле – это иерархически организованная, самонастраивающаяся система, включающая в себя общеупотребительную лексику, а также все лексические подсистемы современного русского литературного языка в его устной и письменной разновидностях.

Слово, его формальные и содержательные характеристики

Проблема определения слова

Слово – это основная единица лексикологии. С первого взгляда не может не показаться странным, что в науке о языке до сих пор нет общепринятого определения слова. Из предложенных нескольких сотен определений этой единицы нет пока ни одного, которое удовлетворяло бы если не всех, то по крайней мере большинство лингвистов. Вопрос о том, как определить слово, продолжает оставаться актуальным.

Но чтобы интуитивно понимать, что такое слово, вовсе не нужно изучать лингвистику, хотя, по существу, это «понимание» также является одной из причин того, что так трудно дать вполне удовлетворительное определение этой единицы. Нашему «донаучному» представлению о слове, сложившемуся на основе речевого опыта, не может полностью соответствовать научная дефиниция, и это вызывает в нас чувство неудовлетворенности.

При первой попытке аналитически осмыслить слово обнаруживается его исконная двусторонняя сущность, которая состоит в том, что слово – это материальная звуковая оболочка, иначе говоря, план выражения, с одной стороны, и, с другой стороны, закреплённое за планом выражения содержание, в котором отражается внеязыковая действительность. Но лингвистическая природа слова не сводится только к его двусторонней сущности. Слово – это сложная, многомерная, разноплановая единица языка, представляющая собой и фонетическое, и морфологическое, и лексико-семантическое целое, поэтому оно может быть охарактеризовано с разных сторон – с учетом различных по своей природе признаков. Вместе с тем эти различные признаки не в одинаковой степени характеризуют все те единицы, которые мы привыкли называть словами. Ср., напр., с одной стороны, знаменательные слова, которые способны непосредственно выражать понятия (существительные, прилагательные,

глаголы), и, с другой стороны, служебные слова (предлоги, союзы, частицы), этой способностью не обладающие.

При определении слова к нему подходили как к звуковой последовательности, как к грамматически оформленной единице, как к семантически целостной единице языка.

Стремление выделить слово на основании какого-либо единого критерия неизбежно делает определение односторонним. Это обстоятельство приводило некоторых исследователей к сомнениям в возможности дать общее определение слова. Высказывалась мысль о том, что можно говорить лишь о «графическом слове», о «фонетическом слове», о «словарном слове», а «слова вообще» попросту не существует. Но языковая реальность этой единицы подтверждается непосредственным опытом самих носителей языка, а при изучении различных языковых фактов исследователям всегда приходилось так или иначе обращаться к слову, даже тем из них, которые декларативно отказывались признать за словом статус научного лингвистического понятия.

К основным признакам слова относятся следующие: 1) свободная воспроизводимость в речи; 2) невозможность слова иметь более одного основного ударения; 3) лексико-грамматическая оформленность; 4) непроницаемость в исходной форме, т.е. невозможность вставить внутрь слова другое слово или сочетание слов (ср.: *никто* – исходная форма, но *ни у кого*); 5) семантическая валентность, т.е. способность слова присоединять к себе другие слова и создавать с ними словосочетания; 6) идиоматичность, которая вслед за М.В. Пановым понимается как неполная выводимость значения слова из составляющих его частей, т.е. слово представляет собой смысловое единство, части которого не образуют свободного сочетания.

В лексикологии русского языка наиболее удачным считается компактное определение слова, данное Д.Н. Шмелёвым. Согласно Д.Н. Шмелёву¹¹ каждая единица языка получает опреде-

¹¹ Шмелёв Д.Н. Современный русский язык: Лексика русского языка. М., 1977.

ление прежде всего через её основную функцию. Функция слова определяется в следующем ряду: фонема – смысловоразличительная функция, слово – номинативная функция, предложение – коммуникативная функция. Таким образом, слово является номинативной единицей, т.е. единицей наименования.

Формой слова является одновременно его звуковое выражение и грамматическая структура, содержанием – его лексическое значение.

Выделимость слова дает возможность говорить о его цельнооформленности (фонетической и грамматической), а непредсказуемость значения (немотивированность или неполная мотивированность) – о его идиоматичности. Итак, слово – это единица наименования, характеризующаяся фонетической и грамматической оформленностью и идиоматичностью.

Перечисленные отличительные признаки слова дают лишь общее представление о нём. Семантическая и функциональная роль слова полнее и глубже раскрывается в процессе изучения лексико-семантической системы языка в целом.

Функции слова

Коммуникативный акт не может состояться, если в нашем сознании нет специального обозначения для класса предметов, в который входит данный конкретный предмет.

Функции, которые выполняет слово в акте коммуникации, сводятся к следующим: 1) обобщающая (сигнификативная); 2) номинативная (референтная); 3) экспрессивная (или эмотивная).

1. Сигнификативная функция слова состоит в обобщении однородных, однотипных с точки зрения данного языкового сознания предметов. Мы не можем обозначить предмет восприятия, если у него нет имени, принятого в данном языке. С помощью имени человек классифицирует мир.

Как писал философ А.Ф. Лосев, слово «поднимает вещь в сознание», и таким образом рождается обобщённое поня-

тие – «предмет вообще». «Предмет вообще», или класс предметов, – это денотат. Денотат – это обобщённый образ названного предмета, это предмет-тип, под которым могут подразумеваться разные виды обозначенного предмета. Ср. *Книга – источник знаний*, где **книга** может означать и роман, и сборник стихов, и Уголовный кодекс, и Книгу рекордов Гиннеса. Обобщаются не только предметы, но и действия, причём степень обобщения может быть неодинаковой в разных языках, напр., глаголы *ехать*, *идти*, различающиеся в русском языке по способу передвижения, а в английском языке не различаются, предстают обобщённо. Обобщая объекты в единый класс, слово выполняет дифференцирующую функцию.

2. Номинативная функция слова связана с обозначением не класса предметов, не «предмета вообще», а конкретного предмета восприятия. Конкретный предмет, к которому относится данное высказывание, называется референтом. Между словом и референтом устанавливаются отношения референции (*Это моя любимая книга*). Референция возникает в речи тогда, когда имеются конкретные единичные предметы.

3. Экспрессивная функция.

Слово выполняет в языке не только дифференцирующую функцию, не только обобщает предметы, создавая классы предметов. Кроме всего прочего, человеку важно, обозначив ту или иную вещь, выразить к ней своё отношение. Говорящий выражает самого себя в слове. Есть слова, которые выполняют только экспрессивную функцию: *сволочь*, *мерзавец*, *верзила*, *обормот*, *скряга*, *мымра*, *выскачка* и др.

Выражаемое словом понятие называется сигнификатом (от лат. *signifikatum* – ‘обозначаемое’). Сигнификат противопоставлен денотату как идеальное образование – материальному. Слова могут соотноситься с одним и тем же денотатом, но выражать разные сигнификаты: *любимец* – тот, кого особенно отличают, любят, ценят; *любимчик* (неодобр.) – тот, кто пользуется чьей-то любовью, по мысли говорящего, незаслуженно; *фаворит* – любимец высокопоставленного или влиятельного лица.

Все функции слова имеют речевую реализацию.

Содержание слова проявляется в его сочетаемости.

Функциональные типы значений

Семантика слова во многом формируется под воздействием такого фактора, как функциональная роль слова в сообщении. В предложении слово регулярно необходимо либо для идентификации предметов, о которых идёт речь, либо для предикации, т.е. для сообщения информации об этих предметах.

Согласно концепции Н.Д. Арутюновой¹² значения слов приспособляются к выполнению одного из этих двух предназначений. Имена и местоимения специализируются на выполнении функции идентификации, а прилагательные и глаголы как признаковые слова обычно берут на себя роль сообщаемого, передачи основной информации.

Идентифицирующие, или, иначе говоря, предметные, слова позволяют адресату речи правильно декодировать сообщение на основе выбора нужной вещи из поля восприятия.

Предметные слова имеют следующие семантические разновидности:

1) Дейктические слова. Эти указательные слова, являясь подвижными определителями, приложимы к любому предмету, который нужно обозначить в процессе речевой деятельности. Их содержание обусловлено признаками денотата, выбор которого зависит от конкретной речевой ситуации. Дейктические слова указывают: а) на участников речевого акта (*я* и *ты*); б) на предмет речи (*он*), в) на степень удалённости предмета (*этот*, *тот*) и др.

2) Имена собственные. Этот разряд слов обладает свойством уникальной референции. Собственные имена, как и дейктические слова, семантически ущербны. Собственное имя характеризует объект лишь весьма ограниченно, сообщая о нём минимум объективной информации (например, имя *Иван* сообщает адресату сведения только о том, что это мужчина, предположительно русский). Имя, как правило, не переводится и не перифразируется.

¹² См., например: Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976.

3) Имена нарицательные. Слова этого разряда обладают полной семантической структурой, складывающейся из некоторого понятия (сигнификата) и конкретного содержания, создаваемого свойствами денотата или референта. Значение имени нарицательного описывает свойства предметов, поэтому оно может выступать и в качестве предиката.

Идентифицирующие слова наилучшим образом приспособлены к тому, чтобы называть. Они являются своего рода сигналом, вызывающим у собеседников определённые представления о предмете. Все идентифицирующие слова образуют знаки, которые замещают в процессе коммуникации предмет или класс предметов, о котором делается сообщение.

Предикатная лексика. Актантная структура слова

Как уже отмечалось, лексику принято делить на предикатные и непредикатные слова в зависимости от того, какого рода объекты и действия обозначают эти слова. Непредикатные слова называют конкретные предметы. Предикатные слова – это слова, обозначающие разного рода ситуации.

Среди предикатных знаков выделяют два разряда:

1) слова, обладающие только понятийным содержанием (сигнификатом) и сами по себе не приспособленные к денотации, т.е. к обозначению предметов действительности, – это прилагательные и глаголы;

2) слова, наделённые полной семантической структурой, способные получать как сигнификативное, так и денотативное содержание, – имена нарицательные, семантика которых приспособлена и к тому, чтобы называть, и к тому, чтобы обозначать ситуацию, иметь социально закреплённое значение.

Предикатная лексика – это прежде всего глаголы и существительные (особенно отглагольные), которые способны обозначать действия, процессы, отношения, т.е. разного рода ситуации.

Под ситуацией понимается такой фрагмент действительности, в котором на фоне тех или иных обстоятельств можно выде-

лить одного или несколько участников ситуации либо значимое отсутствие такого участника. При этом участником ситуации может быть не только лицо, но и предмет, информация, любое понятие. Так, напр., в ситуации рассвета нет эксплицитного участника ситуации (ср.: *Светает; Рассвело*); в ситуации сна – один участник: тот, кто спит (*Ребёнок спит*); в ситуации знания – два участника: тот, кто знает, и то, что знает субъект (*Он знает ответ*); в ситуации преподавания – три участника: тот, кто преподаёт, тот, кому преподают, и то, что преподают (*Она преподаёт студентам стилистику*); в ситуации купли-продажи – четыре участника: продавец, покупатель, товар и деньги (*Бабушка продала нам дачу за один миллион рублей*); в ситуации аренды – пять участников: хозяин, арендатор, объект аренды, деньги, период времени (*Она сдала нам квартиру на один месяц за 30 тысяч рублей*) и т.д.

Типичные участники ситуации – субъект, объект, адресат, инструмент, средство и др.

Субъект – тот, кто совершает действие (в широком смысле) или является носителем состояния. Объект – то, на что направлено действие, отношение. Адресат – тот, кому субъектом передаётся какой-либо объект (предмет или информация). Инструмент – то, с помощью чего совершается действие, и т.д. Типичные участники ситуации получили название актантов. Люсьен Теньер, основоположник теории актантов, считал, что глагол (как предикатное слово) представляет собой драму, которая разыгрывается между её участниками – актантами, выполняющими роль актёров в этой драме. Так же, как постановка драмы требует определённых декораций, так и описание ситуации нуждается в дополнении: кроме актантов, ситуацию характеризуют сирконстанты (от франц. *circonstance* – ‘обстоятельство, условие’) – имена тех обстоятельств, на фоне которых разворачивается ситуация (место, время, условия, причина и т.д.).

Если актанты обозначают обязательных участников ситуации, то сирконстанты называют факультативных её участников. Так, напр., ситуация, описываемая глаголом *говорить*, предполагает трёх участников-актантов: субъект, объект (содержание

речи), адресат – тот, кому говорят (*Он говорил ей о любви*). Без учёта этих трёх актантов семантика глагола не полностью раскрывается и предикатное слово не может быть правильно понято и употреблено. Учёт сирконстантов необязателен при осмыслении и употреблении слова, обозначающего данную ситуацию. Так, напр., говорить о любви можно в парке на скамейке, в купе поезда, при свете луны, во время лекции и т.д. Ясно, что ни одно из этих обстоятельств не раскрывает новых аспектов в значении глагола *говорить* и не влияет на правильное его осмысление.

Актанты предикатных слов образуют определённую структуру: каждый актант занимает своё «место» в соответствии со степенью его обязательности для осмысления данного слова, с невозможностью опустить его при истолковании лексического значения¹³.

Способность предикатного слова «притягивать» к себе определённое количество актантов обычно называют семантической валентностью слова. Семантическая валентность соотносится с синтаксической валентностью, которая предстаёт как реализация актантной валентности в виде синтаксически зависимых от предикатного слова словоформ и словосочетаний. Между семантической и синтаксической валентностями существуют достаточно регулярные соотношения. Так, напр., субъект чаще всего выражается формой именительного падежа, объект – формой винительного падежа, адресат – формой дательного падежа, а инструмент – формой творительного падежа (*Он пишет записку другу карандашом*). Однако эти соответствия не всегда столь однозначны. В русском языке каждый актант может выражаться практически всеми падежными формами. Так, напр., субъект может выражаться формой дательного падежа (*Мне нравится зима*), формой винительного падежа (*Девушку знобит*), формой творительного падежа (*Нами будут рассмотрены ваши предложения*), формой родительного падежа (*Сестры нет дома*); объект – формой дательного падежа (*подчиняться правилам*), формой творительного падежа (*гордиться сыном*), формой

¹³ См. подробнее: Крысин Л.П. Современный русский язык. Лексическая семантика. Лексикология. Фразеология. Лексикография. М., 2007. С. 39–42.

родительного падежа (*добиваться успеха*), различными предложно-падежными формами (*надеяться на помощь, мечтать о любви* и др.) и т.д.

В ряде случаев предикатные слова реализуют на поверхностном уровне не все свои актанты. Так, напр., глагол *огрбить* предполагает наличие субъекта (тот, кто грабит), объекта (то, что грабят) и контрагента (тот, кого грабят). Однако по-русски при глаголе *огрбить* нельзя обозначить синтаксически зависимыми словами все указанные актантные позиции. Ср. *Вор украл у пассажира кошелёк*, но невозможно: **Вор огрбил у пассажира кошелёк*.

Лексическое значение слова

Лексическое значение слова – это социально закрепленное за словом как определенным звуковым комплексом его индивидуальное содержание. К лексическому значению слова относят денотат, сигнификат и прагматическую информацию. Лексическое значение слова – это специфически языковое отражение предмета, его краткая характеристика.

В задачу лексикологии не входит описание самих предметов и явлений, обозначаемых словами – в ином случае лексикология стала бы чем-то вроде собрания энциклопедических справок. Истолкование значения слова не равнозначно описанию самих реалий, обозначенных данным словом. Игнорирование этого бесспорного факта заставляло некоторых лингвистов вообще отказаться от последовательного изучения лексико-семантической системы, так было, напр., в американской дескриптивной лингвистике. Основоположник и один из главных теоретиков этого направления в языкознании Л. Блумфилд писал о том, что реальный объём человеческих знаний очень мал, и у человека нет способа точно определить такие слова, как *love* – ‘любовь’ или *hate* – ‘ненависть’, связанные с ситуациями, которые ещё неточно классифицированы.

Однако говорящие независимо от того, знают ли они о психологической характеристике таких чувств, как любовь и нена-

висть, прекрасно понимают, что обозначается данными словами. Можно испытывать очень сложные, даже противоречивые чувства, которые трудно определить и однозначно назвать, но это происходит не вследствие того, что невозможно дать научное определение этим чувствам. Если мы услышим: *я тебя люблю* или *я тебя ненавижу*, то в каждом конкретном случае мы можем очень различно реагировать на каждую из этих фраз – именно потому, что нам известно значение данных слов: *любовь* и *ненависть* сами по себе несут вполне определенную для нас информацию.

Трудности в передаче семантики слова, в выделении наиболее существенных компонентов значения прекрасно показаны русской писательницей Н. Тэффи в рассказе «Блины». Суть рассказа состоит в том, что русские пытаются объяснить итальянцам, что такое *блины*:

— Вот приезжайте к нам ранней весной, – сказали итальянцы, – когда всё цветёт. У вас ещё снег лежит в конце февраля, а у нас какая красота!

— Ну в феврале у нас тоже хорошо. У нас в феврале Масленица. Блины едим.

— А что же это такое – блины?

Мы переглянулись. Ну как им объяснить, что такое блин!

— Блин – это очень вкусно, – объяснила я. Но они не поняли.

— С маслом, – сказала я ещё точнее.

— Со сметаной, – вставил русский из нашей компании.

Но вышло ещё хуже. Они и блина себе не уяснили, да ещё и сметану не поняли.

— Блины – это когда Масленица! – понятно сказала одна из наших дам.

— Блины... в них главное – икра, – объяснила другая.

— Это рыба! – догадался, наконец, один из итальянцев.

— Какая же рыба, когда их пекут из муки! – рассмеялась дама.

— Со сметаной, – опять вставил русский.

— Блинов очень много едят – продолжала дама. – Съедят штук двадцать. Потом болеют.

— Ядовитые? – спросили итальянцы и сделали круглые глаза. – Из растительного царства?

— Нет, из муки. Мука ведь не растёт? Мука в лавке.

Мы замолчали и чувствовали, как между нами и милыми итальянцами легла глубокая тёмная пропасть взаимного недоверия и непонимания. <...>

Положение было не из приятных.

Но между нами был человек основательный, серьёзный – учитель математики. Он посмотрел строго на нас, строго на итальянцев и сказал отчётливо и внятно:

– Сейчас я объясню вам, что такое блин. Для получения его берётся окружность в пятнадцать сантиметров в диаметре. Она заполняется смесью из муки с молоком и дрожжами. Затем всё это нагревается на огне, отделённом железной средой. Чтобы сделать влияние огня менее интенсивным, железная среда покрывается олеиновыми и стеариновыми кислотами, то есть так называемым маслом. Полученная путём нагревания компактная смесь вводится в организм человека, что в большом количестве вредно.

Учитель замолчал и окинул всех торжествующим взглядом.

Итальянцы пошептались и спросили робко:

— А с какой целью вы всё это делаете?

Учитель ответил строго:

— Чтобы весело было!

Этот пример также наводит на мысль о том, что наука о языке, не уклоняясь от достижения своих целей, рассматривает значение слов только до известного предела, не переходя в сферу действия других наук.

Ядро лексического значения – это совокупность существенных признаков обозначаемых словом объектов, которая получила название сигнификат. Сигнификативный слой значения связан не с действительностью непосредственно, а с её отражением в сознании обычного человека. В сигнификативной части слова закрепляются результаты познания мира человеком. В значении слова отображается и закрепляется не весь предмет со всеми его

признаками, а только наиболее существенные его признаки или одно из множества его свойств. В толковых словарях описывается прежде всего сигнификативный компонент значения слова. Напр., в энциклопедических словарях *собака* определяется как млекопитающее семейства волчьих, указывается на то, что собака произошла от волка, что начало одомашнивания собаки относится к мезолиту, что существует свыше 400 пород собак и т.п. В толковых словарях отмечается из этой информации лишь то, что собака – это домашнее животное семейства псовых, используемое человеком для охраны, охоты, езды в упряжке и др., а также даётся переносное значение этого слова – характеристика злого, грубого человека.

Итак, сигнификативный компонент значения – это та его часть, в которой отражается понятийное содержание, на основе которого сформировалось данное лексическое значение. Описать лексическое значение слова – это прежде всего определить его сигнификативное значение.

Мышление человека обращено к миру, характеризуется предметностью, которая понимается широко. Предметный мир, отражающийся в языковом значении, включает в себя не только реально существующие объекты реальной действительности, но и другие виды означаемых – эмоции, чувства, действия, признаки, отношения и т.п. Предметность человеческого мышления объясняет существование в структуре лексического значения денотативного компонента.

Денотат понимается неоднозначно. С одной стороны, это экстенционал, т.е. множество объектов, которые удовлетворяют свойствам, составляющим сигнификат данной единицы. С другой стороны, денотат – это прототип, т.е. образ типичного эталонного представителя данного класса объектов, существующий в сознании носителя языка и ассоциируемый с данным словом. Под денотатом слова *дерево*, напр., может пониматься и множество различных деревьев, и образ типичного дерева (для русского языкового сознания, скорее всего, это будет *берёза*). Представляя себе типичную ягоду, русский, по-видимому, остановит свой выбор на *малине*, типичным фруктом будет *яблоко* и

т.д. В значении различных типов слов соотношение денотативного и сигнификативного компонентов неодинаково. У слов с конкретным предметным значением преобладает денотативный компонент. Описание значения таких слов связано с изучением реальных свойств тех объектов, которые они обозначают. Чтобы объяснить ребёнку, что представляют собой, напр., *бегемот* или *жираф*, надо либо отвести ребёнка в зоопарк, либо показать ему картинки с изображениями этих животных. Конкретная лексика денотативно нагружена и требует к себе другого подхода, чем абстрактная. В рамках абстрактной лексики выделяют следующие подклассы:

1) имена, выражающие обобщённое понятие признака: *относительность, зависимость, общительность* и т.п.;

2) термины как результат особого вида абстракции – идеализации: *прямая линия, точка, квадрат* и т.п.;

3) имена, обозначающие категории реального мира, выступающие в роли родовых понятий по отношению к видовым: *движение, вещество, чувство* и т.п.

У слов абстрактной лексики денотативный слой значения практически пуст, и представление их значений сводится к описанию сигнификативного значения этих слов, которое выявляется с помощью синонимического перифразирования, выделения отличительных признаков, анализа сочетаемости и т.п.

И денотат, и сигнификат отражают в значении слова объект внеязыковой действительности. Но в значении слова есть ещё один компонент, который содержит информацию об отношении человека к тому, что обозначается данным словом, или к адресату сообщения. Этот слой информации чаще всего называют прагматическим или коннотативным.

Информация об отношении говорящего к тому, что он обозначает данным словом, содержится далеко не во всех словах. Большинство слов (напр., *писатель, разведчик, смотреть*) не несёт в себе информацию такого рода. Но если говорящий вместо нейтрального *писатель* использует слово *писака*, то становится ясно, что он отрицательно оценивает деятельность профессионально пишущего человека и выражает с помощью этого слова

свои негативные эмоции. *Шпион* – это то же самое, что и *разведчик*, только с отрицательной оценкой (не наш разведчик!). Одно и то же событие можно назвать нейтрально и даже обнаружить положительное к нему отношение: ср. *революция (великая)* или *восстание (народное)*. При обозначении этого явления можно, кроме того, использовать слова *путч* или *мятеж*, выражая тем самым своё негативное отношение к обозначаемому событию (ср.: *Мятеж не может кончиться удачей, в противном случае его зовут иначе*). Глагол *таращиться* обозначает то же действие, что и *смотреть*, но, используя этот глагол, говорящий выражает свою неприязнь к смотрящему человеку, подчёркивая, что его действие неуместно в данной ситуации. Можно *быстро* принять какое-то решение, а можно это сделать *скоропалительно*, разница между этими двумя наречиями в том, что быстрота тоже нередко оценивается отрицательно, что и выражается в слове *скоропалительно*.

Существуют слова, в которых денотативный и сигнификативный слои пусты, а всё значение является прагматическим. В качестве примера можно привести такие слова, как *целый (целый час)* и *всего (всего час)*, значение которых сводится к тому, что, сообщая: *Я ждал тебя целый час*, говорящий считает, что это много, а сообщая: *Ты ждал меня всего час*, считает, что это мало. Ср. также пример Ю.Д. Апресяна¹⁴: *Серёжа съел **целых** пять арбузов* и *Серёжа съел **всего** пять арбузов*, в котором реально огромное количество съеденных одним человеком арбузов вступает в противоречие с прагматической оценкой пяти арбузов как малого количества (***всего** (!!!) пять арбузов*).

В прагматическом слое лексического значения может содержаться также информация о том, как говорящий относится к адресату сообщения. Своё положительное отношение к адресату говорящий может передавать, используя деминутивы, т.е. слова с уменьшительными суффиксами, напр., *супчик*, *сметанка*, *колбаска*, с помощью которых выражается любовное или доброжелательное отношение к адресату (ср.: *Выпей кофейку! Купите цветочков!*).

¹⁴ Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 2. М., 1995. С. 137.

Слово и знания о мире

Лексическое значение слова, как уже отмечалось, соотносится с формами отражения действительности человеческим мышлением. С одной стороны, посредством языка закрепляется первичное познание человеком окружающей действительности. С другой стороны, через язык человек получает значительную часть знаний о мире. Знания, отражённые в обиходном языке, нередко служат для человека руководством к действию.

Язык упорядочивает мышление, способствуя концептуализации действительности. Термином «концепт» (от лат. *conceptum* – понятие) в современной когнитивной лингвистике обычно обозначают культурно значимое понятие – основную единицу хранения знаний в нашей памяти.

Закрепление в языке ментальных результатов отражения действительности нашим сознанием происходит как в способах обозначения предметов и явлений действительности, так и в лексической семантике.

Обозначение – это процесс и результат называния предметов, явлений, признаков. Современной наукой доказано, что в языке название получает не любое явление действительности, а лишь то, которое по каким-либо причинам входит в сферу интересов данного социума, носителей данной культуры. Например, известно, что из пяти видов васильков название получил только один – тёмно-голубой полевой цветок, который растёт среди ржи и пшеницы. Этот цветок издавна воспринимался как сорняк, приносящий вред зерновым культурам, с которым трудно бороться. Иначе говоря, этот цветок был непосредственно связан с трудовой деятельностью человека, поэтому и получил специальное название. Кроме того, синий василёк гораздо красивее других видов васильков. Остальные виды васильков – луговые цветы (не полевые!), и не такие красивые, поэтому и не получили специального названия¹⁵.

¹⁵ Часть примеров этого раздела из книги: Куликова И.С., Салмина Д.В. Теория языка. Ч. II. Язык – Человек – Народ. СПб.; М., 2009. С. 110–115.

Любой язык, формирующийся в определённых и неповторимых условиях, представляет лишь часть знаний о мире, так называемое относительное знание¹⁶. По словам Дж. Брунера, «на уровне лексики каждый язык кодирует некоторые области опыта более детально, чем другие»¹⁷. Так, в русском языке есть по крайней мере четыре слова для обозначения снежного покрова: *снег, пороша, наст, сугроб(ы)*, в английском – два слова: *snow* ‘снег’ и *snowdrift* ‘сугроб’. По данным специалистов, в эскимосском языке существует несколько десятков слов, обозначающих снег во всех его состояниях и качествах. И это не случайно, так как эскимосы веками строили свои дома из снега, и поэтому к снегу как строительному материалу предъявлялись особые требования. Отсюда следует, что у эскимосов гораздо больше знаний о снеге закреплено языком, чем у англичан или русских, и именно эти знания составляют часть их видения мира.

Лексическое значение обычного слова с научным понятием либо совсем не связано (*головотяп, мерзавец, подлец, лапочка, прелестно*), либо соотносится лишь частично. Так, в значении слова *берёза* ‘лиственное дерево с белым стволом’ с признаками научного понятия совпадают только семы ‘дерево’ и ‘лиственное’. Признак ‘белоствольная’ не является существенным для берёзы с точки зрения научного понятия, так как известны и чёрные берёзы, но человек, говорящий по-русски, именно по этому признаку отличает берёзу от любого другого дерева. Примечательно, что на важность этого признака указывает и этимология этого слова, общая для русского слова *берёза*, немецкого *Birke*, английского *birch*, шведского *bjork* и датского *birk*: общий индоевропейский корень означал ‘сиять, светить’. Это значит, что *берёза* воспринималась уже древними индоевропейцами как дерево со светлой, белой корой и именно по этому признаку и была названа. В современных европейских языках это название

¹⁶ Термин «лингвистическая относительность» был введён в обиход Б. Уорфом: Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1961.

¹⁷ Брунер Дж. Психология познания: за пределами непосредственной информации. М., 1977. С. 337.

уже не мотивировано, но в лексическом значении этот признак сохраняется.

Расхождение между научным и обыденным понятием может отражаться и на грамматическом уровне. Так, напр., *цветок* как научное понятие ('орган размножения растений') имеет форму множественного числа *цветки*. В обыденном сознании человека *цветок* – это не пестики и тычинки, а цвет, запах и красивая форма в виде венчика, при этом форма множественного числа – *цветы*. Следует отметить, что если у цветкового растения нет заметного венчика, то в языке такие «цветы» даже не удостоиваются чести называться цветами, так, напр., цветы берёзы и вербы называются серёжками (*серёжки берёзы, вербы*).

Нередко определение слова, представленное в лингвистических словарях, бывает недостаточно согласованным с его реальным употреблением в языковой практике. В настоящий момент некоторые учёные ставят вопрос о когнитивной дефиниции¹⁸. Прилагательное *когнитивный* (от лат. познаю) в данном случае указывает на то, что содержание словарного определения должно иметь познавательный, а не чисто семантический характер.

Главная цель когнитивной дефиниции – ответить на вопрос о способе восприятия предмета говорящими на данном языке, т.е. о закреплённом в обществе и доступном изучению через язык способе познания мира, категоризации его явлений, их характеристиках и оценках. Следовательно, в словарном определении (в лингвистических словарях) должно получить отражение не собственно научное, а обыденное знание носителя языка о том или ином объекте.

Научность словарных дефиниций особенно бросается в глаза в случае толкования слов, принадлежащих к основному словарному фонду и имеющих давнюю традицию употребления.

Если мы откроем толковый словарь русского языка С.И. Ожегова, то обнаружим, что слово *солнце*, напр., толкуется там как 'небесное светило – раскалённое плазменное тело шаро-

¹⁸ Бартми́нский Ежи. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М., 2005.

образной формы, вокруг которого обращается Земля и другие планеты’.

В этой дефиниции есть элементы специального знания (‘плазменное тело’, ‘шарообразная форма’ и др.), но нет информации о том, какие ассоциации вызывает это слово в сознании рядового носителя языка, какие признаки объекта считаются для него наиболее важными.

Когнитивная дефиниция слова **солнце** применительно к русскому языковому коллективу должна, по-видимому, отражать такие признаки:

‘самое яркое дневное светило на небе’ – отсюда *солнечный день, солнечный человек, солнечное настроение, яркий как солнце;*

‘круглой формы’ – *солнечный круг;*

‘согревает и освещает землю’ (источник света и тепла) – *греться на солнце;*

‘движение солнца служит мерой времени’ – *Солнце всходит, встаёт утром и заходит, садится вечером.*

Мы видим, что солнце осмысливается языком в докоперниковском смысле. Оно всходит и заходит, оно яркое, светлое (ср.: *сиять как солнце*), в русском языковом сознании солнце даёт жизнь и счастье, является символом всего мира в целом (*Нет ничего нового под солнцем*), солнце является знаком расцвета, совершенства (*солнце свободы, истины, солнце русской поэзии*).

Солнце является условием нормальной жизни человека, поэтому воспринимается эмоционально, положительно – *солнышко*.

Разумеется, любовное отношение к солнцу – это географически и культурно обусловленное дополнительное значение, также связанное с отражательной способностью слова. В языках народов, постоянно живущих под палящими лучами солнца, столь положительное к нему отношение в языке не получает соответствующего закрепления.

Значение и смысл

Во многих естественных языках для обозначения плана содержания языковых знаков существует два слова, ср.: *значение* и

смысл в русском языке, *значение* и *смысл* в болгарском, *meaning* и *sense* в английском, *Bedeutung* и *Sinn* в немецком.

Когда говорят о значении слова, имеют в виду, как уже говорилось, его словарное толкование. Когда говорят о смысле слова, то учитываются следующие факторы: 1) множество тех сущностей, которые могут обозначаться этим словом; 2) внутренняя форма этого слова; 3) ассоциации и коннотации этого слова. Не случайно смысл сравнивают с эхом, которое раскатывается от слова и качество которого зависит от социального рельефа жизни вокруг.

Различие между смыслом и значением впервые было введено Г. Фреге (1845–1925) в связи с проблемой тождества. Познавательная ценность выражений, обозначающих один и тот же объект, меняется в том случае, если речь заходит о различии в способах его представления. Например, выражения *Утренняя звезда* и *Вечерняя звезда* имеют одно и то же обозначаемое – планету Венера, но представляют это по-разному. В терминах Фреге данные обозначения обладают одинаковым значением (*Bedeutung*), но разным смыслом (*Sinn*). Значение не совпадает со смыслом. Как способ представления значения смысл частично сближается с понятием внутренней формы по Гумбольдту. В современной терминологии *Bedeutung* (значение) нередко переводят как денотат или референт. Действительно, *Утренняя звезда* и *Вечерняя звезда* идентичны, поскольку соотносятся с одним и тем же объектом, но различаются вместе с тем по видовому признаку ‘утренний’ / ‘вечерний’, и это различие существенно, поскольку данные признаки имеют коннотации, не совпадающие в системе культуры.

Значение и смысл различаются и в психологическом аспекте. В работе «Мышление и речь» Л.С. Выготский разграничивает эти два понятия: «Смысл слова представляет собой совокупность всех психологических фактов, возникающих в нашем сознании благодаря слову. Смысл слова, таким образом, оказывается всегда динамическим, текучим, сложным образованием, которое имеет несколько зон различной устойчивости. Значение есть только одна из зон того смысла, который приобретает

слово в контексте какой-либо речи, и при том зона, наиболее устойчивая, унифицированная и точная. Как известно, слово в различном контексте легко изменяет свой смысл. Значение, напротив, есть тот неподвижный и неизменный пункт, который остаётся устойчивым при всех изменениях смысла слова в различном контексте»¹⁹.

И в реальной живой речи, и в художественном тексте ценным для передачи информации становится не само по себе значение, а способ его представления – смысл.

Компонентный анализ лексического значения

Чтобы правильно употреблять и понимать слово в речи, и говорящий, и слушающий должен представлять, из каких компонентов складывается значение слова. Содержательная сторона слова может быть представлена в виде комбинации элементарных семантических компонентов. Выявить минимальные единицы лексического значения можно с помощью метода компонентного анализа, который связан с идеями Р. Якобсона, считавшего, что принципы фонологии можно перенести на описание грамматики и семантики. Данный метод основан на гипотезе о том, что значение каждой единицы языка состоит из атомов, т.е. семантических компонентов, или сем. Исходя из этого, мы можем предположить, что, разложив значение слова на семы, мы способны описать словарный состав языка с помощью ограниченного числа семантических признаков. Компонентный анализ, оперируя минимальными единицами плана содержания, связан с выделением общих (интегральных) и различительных (дифференциальных) признаков для парадигматически связанных слов. Так, например, при сопоставлении слов *мужчина* и *женщина* выделяются совпадающие элементы ('лицо', 'взрослое') и различительные ('мужской'/'женский пол'). Общие и

¹⁹ Выготский Л.С. Мышление и речь // Собр. соч.: в 6 т. Т. 2. М., 1982. С. 346.

дифференциальные признаки образуют иерархические структуры, напр., интегральный признак 'родство' и дифференциальные признаки 'пол', 'поколение', 'степень родства'. Предполагается, что наиболее общие категориальные признаки имеют универсальную значимость и могут быть представлены, хотя и по-разному, во всех или многих языках.

Для обозначения минимальной единицы значения используют разные термины, среди которых встречаются следующие: атомы, кванты, маркеры, примитивы, семы, дифференциальные семантические признаки и т.п. Наиболее распространенными являются термины *сема* и *дифференциальный семантический признак*.

К настоящему времени учёными разработана типология сем²⁰. Выделяются следующие типы сем:

- 1) общекатегориальная ('предмет', 'процесс', 'признак' и др.);
- 2) лексико-грамматическая ('конкретность', 'вещественность', 'собираемость' и т.д.);
- 3) гиперсема (родовая сема или архисема), обозначающая класс объектов ('растение', 'цвет', 'сосуд' и др.);
- 4) гипосемы (видовые семы), которые обозначают дифференциальные признаки предмета, процесса, признака и различают объекты одного и того же класса (напр., при гиперсеме 'сосуд' в слове *стакан* представлены гипосемы 'стеклянный', 'цилиндрический', 'без ручки'; в слове *кружка* – 'цилиндрический', 'с ручкой'; в слове *бокал* – 'цилиндрический', 'с ножкой');
- 5) коннотативные семы, выражающие дополнительные значения (эмоциональные, оценочные и экспрессивные);
- 6) потенциальные семы, проявляющиеся в конкретном тексте.

С помощью выделения элементарных семантических признаков можно представить значение слова как комбинацию сем.

²⁰ См. об этом: Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М., 2000 (раздел «Компонентный анализ»), а также: Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц / Под ред. Е.Н. Дибровой: в 2 ч. Ч. I. М., 2001.

Так, напр., содержание слова *отец* «раскладывается» на такие составляющие: 1) человек; 2) мужского пола; 3) родитель; 4) в первом поколении. Используя такие характеристики (пол, восходящая / нисходящая линия родства, прямая / побочная линия, степень родства (ср.: *отец, дедушка, прадедушка*), можно точно охарактеризовать содержание, стоящее за терминами родства.

Кроме разложения значения на составные элементы важной задачей является также установление отношений между этими компонентами внутри семантической структуры слова. Различают неупорядоченный и упорядоченный наборы семантических признаков, так, например, в значении слова *дочь* признаки 'человек', 'женский пол' и 'потомок' складываются в пучок (неупорядоченный набор признаков), а в значении слова *стул* признаки 'мебель' и 'предмет для сидения' образуют упорядоченную конфигурацию, так как микрородовой признак 'предмет для сидения' влечёт за собой макрородовой признак 'мебель'. Значение имеет иерархическую структуру: конкретные признаки обобщаются в более общие, которые реализованы в виде основных сем. Значение слова представляет собой единство основных и производных сем, отражающих разный уровень абстракции в семантике слова. В акте речи значение реализуется не в полном объёме, а в той или иной его части. Тот объём семантических признаков, в котором представлено значение в акте речи, получил название актуальный смысл. Реализация значения в конкретном актуальном смысле определяется условиями коммуникации. Так, например, значение слова *женщина* складывается из трех основных семантических признаков: человек, женского пола, взрослый. Это значение согласно концепции И.А. Стернина²¹ может реализовываться в разных актуальных смыслах.

1. *Она добрая женщина.* Актуальный смысл равен архисеме 'человек', так как без ущерба возможна синонимическая замена: *Она добрый человек.*

²¹ См., например: Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985.

2. *Этот фильм рассчитан на женщин.* Актуальный смысл – ‘человек женского пола’.

3. *Женщина, а ведёт себя как ребёнок.* Актуальный смысл – ‘взрослый человек’.

4. *Ей не поднять этот чемодан, она же женщина.* Актуальный смысл – ‘физически слабый человек’. Сема ‘физическая слабость’ является производной от семы ‘женский пол’.

5. *В зале он увидел женщину и девушку.* Актуальный смысл – ‘относительно немолодой человек женского пола’. Сема ‘взрослая’ реализуется как ‘немолодая’. В зависимости от более широкого контекста возможно и другое понимание – ‘замужняя’.

Актуальный смысл, созданный производными потенциальными семами, сообщает адресату информацию не в готовом виде, а заставляет его строить предположения, выдвигать гипотезы, делать выводы, основываясь на личном опыте.

Метод компонентного анализа используется разными учеными в различных целях. Основной его целью считается описание лексического значения. Применение компонентного анализа позволяет выявить закономерности в употреблении слов в речи: правила сложения значений, правила семантического согласования. На их основе можно определить условия правильного выбора слов в словосочетании, что способствует порождению высказываний, адекватных замыслу говорящего. Этот метод используется и при решении таких прикладных задач, как информационный поиск, автоматическое понимание текста и др. С помощью компонентного анализа можно сформулировать проекционные правила, устанавливающие ограничения на синтагматическую сочетаемость. Эти правила определяют, в частности, как сочетаются между собой значения слов и каким образом снимается в контексте неоднозначность некоторых выражений.

Суть компонентного анализа можно представить как определенную последовательность процедур, которая в применении к словам языка для каждого конкретного слова определяет иерархизованный набор семантических компонентов. Компонентный анализ строится на повторяемости сем. Повторяющи-

мися являются такие признаки, как ‘размер’ (*гора – холм, река – ручей*), ‘интенсивность’ (*бедный – нищий, смелость – отвага, поражение – разгром*) и т.д.

Инструмент, с помощью которого значение слова подвергается анализу, – это дифференциальный семантический признак. Значение слова можно описать с помощью семантических признаков и представить его как набор интегральных, дифференциальных и потенциальных сем.

Для выявления семантической структуры конкретной лексики вполне применима процедура вертикально-горизонтального анализа значений. В этом случае необходимо сопоставление значений слов в двух измерениях:

- 1) в вертикальном, т.е. сравнение значений родовых и видовых понятий;
- 2) в горизонтальном, т.е. на одном уровне иерархии (согипонимы).

Так, анализ значения слова *озеро* включает следующие стадии:

1. Определяется гипероним, т.е. слово, называющее родовое понятие, – *водоём*.

2. Подыскиваются гипонимы, т.е. видовые понятия, которые подходят под определение слова *водоём*, – *море, озеро, пруд, лужа*.

3. Устанавливаются лексико-семантические оппозиции, т.е. противопоставления слов, различающихся по одному признаку: *озеро – море* (‘замкнутость’/ ‘незамкнутость’), *озеро – пруд* (‘естественный’/ ‘искусственный водоём’), *озеро – лужа* (‘большой’/ ‘небольшой размер’).

4. Составляется список диагностических признаков, с помощью которых можно удовлетворительным образом описать значение слова. В данном случае это будет набор из таких признаков, как ‘форма’, ‘размер’, ‘характер происхождения’ (естественный/ искусственный).

5. Формулируется значение слова на основе диагностических признаков: *озеро* – ‘большой замкнутый водоём естественного происхождения’.

При компонентном анализе необходимо учитывать «удельный вес» сем в составе словарного значения, поскольку одни из них постоянные и обязательные, а другие периферийные²², например, *кухня* – это не только ‘помещение для приготовления пищи с плитой или печью’. Ассоциативный потенциал этого слова предполагает реализацию (в соответствующих контекстах) и таких периферийных сем, как ‘уют’, ‘быт’, ‘что-то грязное’ и др.

Описанная процедура анализа не всегда подходит для абстрактной лексики, поскольку в ряде случаев требуется подключение к анализу синтагматики, т.е. словосочетаний с данным словом. Однако для того, чтобы показать разницу между сходными по значению словами, выявление интегральных и дифференциальных признаков оказывается очень полезным. Так, напр., сравнивая слова²³ *любовь*, *привязанность*, *обожание*, *влюблённость*, мы можем выделить общее в их значении: все четыре слова обозначают чувство, состоящее в положительном отношении к объекту, которым это чувство вызвано и на который оно направлено. Этот набор признаков характеризует слово *привязанность*. Слово *обожание* обозначает практически то же самое, однако вектор отношения субъекта чувства к объекту – «снизу – вверх». *Любовь* отличается от *привязанности* тем, что предполагает готовность субъекта, забыв собственные интересы, пожертвовать собой ради любимого. *Влюблённость*, совпадая с любовью во всех компонентах, содержит указание на временную ограниченность. Шкала интенсивности этого чувства (по убывающей) выглядит так: *обожание*, *любовь*, *влюблённость*, *привязанность*.

Социально ориентированные значения

Определённые значения слов или компоненты значений обнаруживают свою социальную природу. К социально марки-

²² Норман Б.Ю. Грамматика говорящего. СПб., 1994

²³ Об этом: Милославский И.Г. Русский язык для говорения и письма. М., 2008. С. 35.

рованным лексическим значениям относят метафорические и метонимические переосмысления общеупотребительных слов, характерные для определённой социальной группы говорящих. Напр., в языке таксистов *пиджак* – это пассажир провинциального вида, в жаргоне уголовников *крыса* – тот, кто ворует у своих, в жаргоне наркоманов *колёса* – это наркотик в виде таблеток.

В каждом языке есть лексика, обозначающая отношения между людьми. Лексические значения таких слов содержат указания на характер отношений – подчинение или равенство. Значения слов, обозначающих асимметричные ролевые отношения (подчинение), считаются социально ориентированными: *командовать, подчиняться, разрешить, слушаться* и т.п.

В значении ряда лексических единиц зафиксирован социальный компонент. Так, в частности, Л.П. Крысин²⁴ показал, что близкие по значению глаголы *дерзить* и *грубить* обозначают отношения, в которых субъект имеет более низкий социальный статус, чем адресат. Если статус субъекта выше, чем статус адресата, то использовать эти глаголы нельзя. Ср.: невозможно сказать: **Отец грубит сыну*; **Учитель грубит ученикам*. В то время как оборот *быть грубым*, синонимичный глаголу *грубить*, может употребляться при любых статусных отношениях между субъектом и адресатом: *Мальчик груб с родителями*; *Учитель груб с учениками*; *Начальник груб с подчинёнными* и т.д.

Глагол *дерзить* ещё в большей степени ориентирован на выражение социальных ролевых взаимодействий партнёров речевого общения, чем глагол *грубить*: *дерзить* может только младший старшему, подчинённый начальнику, но не наоборот – *Внук дерзит бабушке*; *Ученик дерзит учителю*; *Секретарь дерзит директору*. Ср. некорректность высказываний типа: **Бабушка надерзила внуку*; **Начальник дерзит своим подчинённым*. Дерзят обычно младшие старшим. При равенстве статусов глагол *дерзить*, в отличие от глагола *грубить*, не употребляется.

²⁴ См., например: Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. М., 1997. Раздел «Социосемантика».

Ср.: невозможно сказать: **Мальчик дерзит своим товарищам.*
**Учитель дерзит своим коллегам.*

Асимметрия социальных ролей характерна и для слов, содержащих указание на позицию старшего, вышестоящего: *веле-ть, взыскивать, даровать, карать, консультировать, помиловать, разрешать, экзаменовать, диктат, головомойка* и др.

Обратные ролевые отношения – от нижестоящего к вышестоящему – зафиксированы в лексемах: *апеллировать, вымолить, испросить, консультироваться, послушаться, отпроситься, повиноваться, наущничать, подпевала* и др.

Ассоциативный потенциал слова

О степени сформированности языковой личности нередко судят по богатству и разнообразию ее ассоциаций. Выявление ассоциативного потенциала слов важно и для говорящего, и для слушающего. Ассоциативный фон многих употребительных слов может не совпадать в разных языках и культурах, что нередко ведёт к коммуникативным неудачам.

Наиболее богатый материал для выявления и сопоставления ассоциативного потенциала слов в разных языках даёт анализ зоонимов – названий животных, используемых для обозначения человека. В основе большинства зоонимов, которые употребляются в переносном значении, зачастую лежит не реальный признак, а эмоционально-оценочное восприятие. Несовпадение оценок у разных народов формирует национально-специфическое субъективное восприятие мира, поэтому трудно объяснить, почему в русском языковом сознании *курица* ассоциируется с глупостью, а в испанском – с трусостью, почему *медуза* для русских что-то неприятное, скользкое, липкое, бесформенное, а для японцев является символом красоты и гармонии.

Однако при всём различии субъективного восприятия мира живущие рядом народы нередко имеют сходные по ассоциативному потенциалу пары. Об этом говорят совпадающие сравнения с животными, напр., в латышском и русском языках. Ср.:

*хитрый как лиса, трусливый как заяц, глупый как индюк, смиренный как овца, заносчивый как петух, трудолюбивый как муравей (пчела), назойливый как муха, сильный как бык, голодный как волк*²⁵.

Но тем не менее слова, обозначающие животных, часто имеют разный ассоциативный потенциал даже в близкородственных языках. Так, напр., поляк или чех может ласково назвать свою подругу *жабкой*, а в русском языке слово *жаба* вызывает неприятные ассоциации, поэтому не используется в качестве ласкового обращения.

В другом славянском языке – сербском – слово *осёл* (*магарац*) не ассоциируется с тупостью и упрямством. В отличие от русского языка и многих других европейских языков у сербов *осёл* – это и носитель ряда положительных качеств, бранным же является слово *конь*. В сербском языке *конь* вызывает представление о глупости, так как много работает, а в русском языке это слово чаще всего ассоциируется не с глупостью, а с грубой силой, крепким здоровьем, выносливостью. Более того, разный ассоциативный потенциал может быть внутри одного языка у слов, которые по-разному представляют одно и то же явление. Так, напр., в русском языке слова *конь* и *лошадь* не совпадают по ассоциативному потенциалу (ср.: *здоровый как конь, быть на коне и устала как лошадь, лошадиное лицо*).

Слова *собака* и *пёс* также различаются в ассоциативном плане: *злой как собака, бегал как собака, устал как собака, собачья жизнь и верный пёс, ходит за ней, как пёс, цепной пёс* и др.

Прямые значения русских слов *осёл* и *ишак* практически одинаковые, но ассоциативный потенциал у них разный: если человека называют *ослом*, значит, он упрямый или глупый, но если человека называют *ишаком*, это значит, что он слишком много работает, причем труд этот подневольный.

Если культуры далеко отстоят друг от друга, то расхождение становится ещё больше. Так, напр., русскому или итальянцу

²⁵ Многие примеры из книги: В.И. Жельвис Поле брани. Сквернословие как социальная проблема. М., 2001. С. 253–260.

трудно понять, что в Индии можно польстить женщине, сравнив её с *коровой* или со *слоном* (*идущая походкой слона*, т.е. грациозная, изящная). Если *слон* в Индии вызывает представление о грации, то в русском языке, напротив, о неуклюжем человеке говорят: *топает, как слон; ведёт себя, как слон в посудной лавке*. Для русских *лев* – эталон силы и храбрости, а для казахов он уродлив и неловок. У русских *черепаха* символизирует медлительность, а у казахов – лень и беспечность.

В японской культуре *лошадь* ассоциируется с дураком, *разиной*, *утка* – с простаком. Распространённый японский зооним, приблизительно соответствующий русскому *дурак*, представляет собой комбинацию «олень + лошадь». *Старый чёрт* из «Ревизора» Н.В. Гоголя (*Беда, если старый чёрт, а молодой – весь на виду*) переводится японским переводчиком как *старый барсук*, что в японской традиции ближе всего к русскому выражению *старая лиса*.

Отношение к крысе во многих культурах отрицательное, но у русских *крыса* не вызывает таких ассоциаций с предательством (хотя и есть выражение – *Крысы бегут с тонущего корабля*), как у англичан, или с жадностью, как у французов (*avoir comme un rat*). Русский оскорбится, услышав в свой адрес сравнение с крысой (ср.: *лицо как у крысы, канцелярская крыса, крысячить* – ‘красть у своих’ в жаргоне уголовников и т.п.), но в немецком языке название этого животного может вызвать ассоциацию с увлечённо работающим человеком. В русском языке подобные ассоциации связаны с насекомыми *муравей* и *пчела* (*пчёлка*).

В странах буддизма *заяц* – символ не трусости, как в русском языке, а мудрости, поэтому сравнение с зайцем не может быть оскорбительным. Но в современном Китае «*Заяц!*» – сильнейшее оскорбление с сексуальным подтекстом. Так же воспринимают китайцы восклицание «*Черепаха!*». А болотная черепаха в Китае ассоциируется с трусостью, как и крыса.

Во французской культуре «*Кошка!*» (*Chat!*) – очень грубое оскорбление в адрес женщины, а в английском языке *Cat!*, обращённое к мужчине, приобретает в последнее время характер комплимента, в русском языке слово *кошка* вообще не может

использоваться в качестве прямого обращения, но выступает как основа для сравнения (*ласковая как кошка, влюбчивая как кошка* и др.).

Некоторые зоонимы в функции обращения настолько эмоционально насыщены, что невозможно без уточнения определить, какое отрицательное качество имеется в виду. Так, восклицание «*Мартышка!*» в русском языке имеет слишком общее значение и может быть связано с несколькими отрицательными качествами: *Глупая мартышка! Вертишься, как мартышка! Кривляешься, как мартышка; Вырядилась, как мартышка; некрасивая, как мартышка* и др.

Как показывают примеры, ассоциативный потенциал слова связан с потенциальными семантическими признаками, т.е. с тем, что не реально существует, а приписывается слову.

Понятие коннотации

На основе ассоциативного потенциала слова формируются его коннотации. Слово *коннотация* происходит от латинского *connotatio* – ‘дополнительное значение’. В связи с этим коннотативное значение традиционно рассматривается как дополнительное значение по отношению к основному, или денотативному, значению, и в этом смысле оно практически смыкается с ассоциативным потенциалом. Денотативное значение основано на прямой связи с означаемым, а коннотация возникает в результате подключения к значению слова дополнительной информации на основе ассоциативных связей с фоновыми знаниями. Коннотация может закрепляться в лексическом значении, если те или иные ассоциации возникают у всех носителей языка. Основной функцией коннотации считают оценочную квалификацию. Так, напр., в толковании слова *петух* в русском языке нельзя ограничиться понятийными признаками типа ‘домашняя птица’, ‘не летает’, ‘самец кур’ и др., необходимо подключить и такие коннотативные признаки, как ‘задиристый’, ‘драчливый’, ‘поёт особым образом’, ‘просыпается на рассвете’ и др. Данные признаки

имеют в языке устойчивый характер, что подтверждают многочисленные производные выражения типа *Он распетушился* ('разгорячился'), *Характер у него петушиный* ('задиристый'), *Она встаёт до петухов* ('до зари'), *с петухами* ('с зарёй', 'очень рано'), *дать петуха* ('сфальшивить при пении') и др.

В широком смысле под коннотативным компонентом значения понимают различного рода сопутствующие значения, которые «дополняют» понятийное значение в эмоционально-оценочном аспекте. К коннотативным признакам в таком случае относят любые признаки, отражающие отношение говорящего к факту высказывания (ср.: *глупышка* – ласкательно, положительное отношение к адресату) или указывающие на принадлежность говорящего к определённой социальной группе (ср.: *в натуре, конкретно, фильтруй базар*).

В более узком смысле коннотативный компонент значения соотносится с понятием вторичной номинации. Коннотация основывается в таком случае на отношении элемента одного семантического класса (напр., человек) к элементу другого семантического класса (животное), с которым его связывают достаточно устойчивые ассоциации, напр., *лиса* в значении 'хитрый человек'.

Владение коннотативными значениями в полной мере предполагает большой опыт осознанного использования языка. Важную роль при этом играет и общее знание о мире, знание культуры и истории.

Два подхода к описанию лексики

Главным в речевой деятельности человека является передача и восприятие определённой информации, точное выражение и понимание нужного смысла. Говорящий и слушающий находятся в разных позициях по отношению к содержанию языковых единиц. В процессе речевого общения слушающий или читающий воспринимает текст, декодируя, расшифровывая его, а говорящий (пишущий) порождает текст, кодируя смысл, при

этом они постоянно меняются ролями. У слушающего (читающего) возникают вопросы: «Как надо понимать это слово?», «Что значит это слово?», а у говорящего (пишущего) – другие вопросы: «С помощью какого слова (или каких слов) можно выразить этот смысл?», «Как в данном языке обозначается определённый смысл?». В связи с этим значения лексических единиц могут исследоваться в двух противоположных направлениях: от формы к значению и от значения к форме. В соответствии с двумя подходами в лексической семантике, которая изучает предметно-понятийное значение слова и его оценочный компонент, выделяются два раздела: 1) **семасиология**, где значение изучается в направлении от знака к выражаемому этим знаком смыслу, т.е. от плана выражения к плану содержания, и 2) **ономасиология**, изучающая значение в направлении от плана содержания к плану выражения. Ономасиологию иначе называют наукой о номинации, т.е. о назывании предметов объективного мира и абстрактных понятий. Эти два аспекта семантики неразрывно связаны друг с другом как теория значения и обозначения.

Выделение указанных разделов в современной семантике существенно для осознания того, что в языке является приоритетно важным для понимания, а что особенно значимо для говорения. Это разделение условно, но оно способствует более глубокому пониманию природы основных лексических категорий, одни из которых являются преимущественно семасиологическими (например, многозначность, омонимия, паронимия), другие – ономасиологическими (например, семантическое поле, синонимия, антонимия, конверсия). Разграничение этих аспектов существенно и для типологии словарей семасиологической и ономасиологической ориентаций (ср. традиционный толковый словарь, с одной стороны, и идеографический или синонимический – с другой).

Глава 1. Описание лексики от формы к значению (семасиологический подход)

Сущность семасиологического подхода

Семасиология (греч. *semaíno* – ‘обозначать’) – это раздел лексикологии, исследующий как значение слова, так и семантическую структуру лексической системы того или иного языка, исходя из его формальной стороны. Одной из задач семасиологии является изучение вопроса о том, как в словах отображается внеязыковая действительность. Семасиологический подход к описанию лексики в данном случае предполагает выявление тех семантических свойств слова, которые значимы для понимания.

Мотивированность слова (внутренняя форма)

В процессе слушания или чтения для более эффективного понимания важно, употребляет ли говорящий мотивированные или немотивированные слова и значения. Проблема мотивированности звучания слова связана с вопросом о соотношении в слове формы и содержания. Этот вопрос волновал ещё античных философов. Согласно одной точке зрения все слова человеческого языка условны, предмет получает название по договорённости (отсюда произошла конвенциональная теория знака), названия зависят от произвола людей. В соответствии с другой теорией существует естественная связь между звучанием слова и значением: имя соответствует природе вещи. Есть ли действительно связь между звучанием слова и его содержанием? Ответ на этот вопрос неоднозначен. Первоначально все предметы получали свои имена мотивированно, но затем очень многие слова утратили мотивированность своего значения, другая же часть слов сохранила ту или иную связь между значением и звучанием. Известный учёный Потебня, наследуя идеи Гумбольдта, разрабатывал проблему соответствия между звучанием и значением. Он выделял внешнюю форму слова – звучание и его содер-

жание, т.е. значение. Связь между внешней формой (звучанием) и его содержанием по Потебне – это внутренняя форма, т.е. мотивированное представление данного значения в данном звучании. Внутренняя форма даёт объяснение, почему данное содержание облечено в данном конкретном языке в соответствующее звучание.

Чтобы дать наглядное представление о внутренней форме, Потебня рассматривал статую богини правосудия. Мрамор, из которого сделана статуя, – это внешняя форма. Содержание – справедливость. Представление справедливости в виде женской фигуры с мечом в одной руке и весами в другой – это внутренняя форма. Внутренняя форма в слове – это способ, которым содержание представлено в данном звучании.

Звучание может быть связано с содержанием, содержание поддержано звучанием. Но рационально постигаемого подобия между значением слова и его звуковой формой не существует. С логической точки зрения связь между звучанием и содержанием условна, т.е. не имеет реального обоснования. Исходя из современного представления о языке, мы не можем объяснить, почему дом обозначается именно этим звуковым комплексом, а не каким-нибудь другим. Однако на уровне восприятия связь между звучанием и значением может существовать, и эту связь называют перцептивным подобием. Звуковой символизм, изучая перцептивные качества звуков, ставит целью выявить зоны совпадения восприятия звучания и значения слова. Там, где звучание связано с содержанием, можно говорить о внутренней форме слова.

Внутренней формой обладают следующие группы слов:

1. Все производные слова, в том случае, если производное связано с производящим формально и семантически: *подоконник* (ср. *окно*), *строитель* (*строить*), *учитель* (*учить*) и т.д. (более подробно вы с этим познакомитесь, изучая раздел «Словообразование»);

2. Все производные значения: *пестух*, *лиса*, *свинья* (о человеке) – в словах такого типа образ животного как бы «просвечивает» при обозначении качеств человека;

3. Омонимы, образованные за счёт метафорических переносов: *мушка* (прицела), *нос* (корабля), *глазок* (в двери);

4. Звукоподражательные и изобразительные слова: *квакать*, *кукарекать*, *куковать*, *шуршать*, *шелестеть*, *шипеть* – в таких словах значение либо представлено в звучании, либо поддержано звучанием.

Внутренняя форма – это свойство предмета (явления), осознаваемое говорящим как лежащее в основе номинации, т.е. наименования данного явления. Носителем мотивации наименования могут выступать объективные свойства предметов: *желток* яйца называется так, потому что он жёлтый. Гриб *лисичка* получил такое название, потому что он рыжий, т.е. такого же цвета, как лиса. Но в данном случае объективный признак приписан объекту субъективно. Внутренняя форма слова, отражая способ языкового мышления, позволяет выводить, как писал Бодуэн де Куртенэ, «своеобразное языковое знание», знание всех областей бытия и небытия, всех проявлений действительности.

Во внутренней форме слов в разных языках проявляется универсальное и специфическое. Объективная внутренняя форма нередко совпадает: *водопад* (рус.) – *waterfall* (англ.) – *chute d'eau* (франц.) – *wasserfall* (нем.); *снегопад* (рус.) – *snow-fall* (англ.) – *Schnee-fall* (нем.). Ср. также: *львиный зев* (название цветка) и (нем.) *Löwenmaul* – букв. ‘пасть льва’. Особый вид сходства представляют собой те случаи, когда признаки, не являясь полностью тождественными, относятся всё же к одному и тому же тематическому ряду: *подошва* горы и (нем.) *Fuß eines Berges* – букв. ‘нога горы’, *копна* волос и (нем.) *Haarwald* – букв. ‘лес волос’.

Но сам подход сознания к миру всегда субъективен, поэтому совпадение признаков, положенных в основу номинации, может быть лишь частичным: *глазное яблоко* (рус.) и *Augapfel* (нем.) совпадают, но в английском языке *eyeball* (букв.) – ‘глазной шар’. В названии растения *подсолнечник* есть общий элемент (‘солнце’), повторяющийся во многих языках: ср. *подсолнечник* (русск.) – *sunflower* (англ.) ‘солнечный цветок’ – *Sonnenblume* (нем.) ‘солнечный цветок’ – *tournesol, soleil* (фр.) ‘повёрнутый к

солнцу'. Однако, как видим, внутренняя форма всё же не идентична. Ср. также название первого весеннего цветка: *подснежник* (русск.) – *snowdrop* (англ.) 'снежная капля' – *Schneeglöckchen* (нем.) 'снежный колокольчик' – *perce-neige* (фр.) 'пробивающийся сквозь снег'.

Выбор свойства для номинации чаще всего бывает субъективен. Поэтому в разных языках одни и те же предметы могут называться по их разным свойствам, и таким образом выявляется идиоэтнический, т.е. национально специфический, присущий только данному народу (данному коллективу) компонент субъективной внутренней формы: ср. цветок *одуванчик* в русских диалектах называется *молоканка*.

Один из распространённых цветков в Европе – *лютик*. В русском языке это название осмысляется как 'лютый (злой) + маленький' (суффикс **-ик**). В немецком языке в названии этого цветка на первый план выходят другие признаки – цвет и маслянистый блеск лепестков: *Butterblume* (букв.) 'масляный цветок'. Те же признаки отражаются и в английском названии: *buttercup* (букв.) 'масляная чашка'.

Другие примеры также показательны в этом плане: ср. *глазунья* (русск.) – *Spiegeleier* (нем.) 'зеркальные яйца' или *Ochsenaugen* (нем.) 'глаза быка'; *веснушки* (русск.) – *Sommersprossen* (нем.) 'летние всходы' – *sun-spots* (англ.) 'солнечные пятна'. Ср. также *половик* (русск.), где мотивирующая основа – пол, и *Lauf-er* (нем.) – мотивирующая основа 'бежать, двигаться'.

Эти примеры показывают, как одно и то же понятие осмыляется народами с разных сторон.

Особый интерес для выявления национального своеобразия, отражающегося в образе мира, представляют случаи, когда одна и та же внутренняя форма в близкородственных языках связывается с разными объектами номинации, напр., *блесна* (русск.) и *błyszczka* (польск.). В основу номинации в обоих языках положен один и тот же объективный признак – способность предмета блестеть, но польское слово кроме блесны обозначает ещё и бабочку с серебристой или золотистой меткой на крыльях.

Для говорящего и слушающего очень важно чувствовать связь между звучанием и значением слова, поэтому он нередко пытается реанимировать умершую или затухающую внутреннюю форму и даже приписать слову никогда не существовавшую у него внутреннюю форму. На этом основан феномен паронимической аттракции, т.е. смыслового сближения слов, близких по звучанию. Такое явление нередко называют народной этимологией. Попытка сблизить форму и содержание касается как заимствованных слов, так и тех, которые утратили внутреннюю форму. Много примеров такого рода находим у Н.С. Лескова: ср. *мелкоскоп* (микроскоп), *буриметр* (барометр) и др.

Б.Ю. Норман²⁶ приводит примеры языковой игры, построенной на конструировании новой (потенциальной) внутренней формы слова: ср. *доходяга* – победитель в спортивной ходьбе (тот, кто дошёл); *чушка* – маленькая чушь; *дворянка* – порода дворовых собак; *столбовая дворянка* – д., привязанная к столбу; *договор* – квалифицированный вор-собачник и т.п.

²⁶ Норман Б.Ю. Язык: знакомый незнакомец. Минск, 1987.

Лексические категории, осложняющие понимание

Для адекватного понимания слушающему (читающему) необходимо осознавать, что слово, которое он слышит или видит и осмысляет при чтении, может обладать далеко не единственным значением. В этом аспекте важно выделять семасиологические лексические категории, т.е. такие, которые в основном ориентированы на рецептивные виды речевой деятельности и поэтому имеют значение в большей степени для понимания письменной или устной речи, чем для говорения и письма. Лексическими категориями такого рода являются многозначность, омонимия и паронимия. Однако следует заметить, что поскольку процессы говорения и понимания неразрывно связаны, то кроме основных функций у семасиологических категорий есть и вторичные: они в определённой степени учитываются также и в продуктивных видах речевой деятельности, что и будет рассмотрено отдельно.

МНОГОЗНАЧНОСТЬ (ПОЛИСЕМИЯ)

Понятие полисемии

«Определяйте значение слов, и вы избавите свет от половины его заблуждений». Эти слова А.С. Пушкина являются хорошей иллюстрацией к тезису о том, какое значение для понимания имеет такая категория, как полисемия.

Слово может иметь одно или несколько значений, т.е. быть однозначным или многозначным, обладать полисемией (от греч. *polýsémos* – ‘многозначный’). Однозначных слов сравнительно немного. Обычно однозначны термины (*атропин, вольфрам, литий*), а также одно значение имеют некоторые слова, называющие конкретный предмет, чаще всего обиходного характера (*сахарница, шкаф, табуретка, брюки* и т.п.), или слова, которые выражают субъективную оценку качества, признака (*малюсенький, крохотный, чудесный, мерзавец, гадко*). Большинство употребительных слов многозначно. Полисемия объясняется тем,

что в процессе развития языка слово, употребляясь в различных контекстах, «обрастает» новыми значениями.

Многозначные слова появляются потому, что человеческое познание беспредельно, ресурсы же языка ограничены, поэтому мы вынуждены обозначать одним и тем же словом различные, но при этом как-то связанные понятия, предметы.

В многозначности слова проявляется фундаментальное свойство языка – его способность ограниченными средствами передавать безграничность человеческого опыта. Причина многозначности состоит не только в принципе экономии языковых средств. Более существенно то, что многозначность отражает важнейшее свойство познания и мышления – обобщённое воспроизведение действительности.

С собственно лингвистической (семантической) точки зрения, развитие многозначности объясняется законом асимметрии знака и значения, открытым С.О. Карцевским. Знак и значение обычно не покрывают полностью друг друга. Если бы каждое слово имело только одно значение, то язык стал бы простым «сбором этикеток». Один и тот же знак стремится обладать иными функциями, отличными от его собственной, а значение стремится к тому, чтобы выразить себя иными средствами. Знак и значение, форма и содержание асимметричны. Неустойчивое равновесие, в котором они находятся, объясняет природу языковых единиц, обладающих свойством быть одновременно и устойчивыми при выполнении коммуникативной функции, и подвижными, изменяясь в соответствии с условиями конкретного контекста. Приспосабливаясь к обозначаемой ситуации, лексические единицы изменяются постепенно и только частично, расширяя своё смысловое содержание, но оставаясь принципиально теми же единицами. Знак и значение, по С.О. Карцевскому, выходят из рамок, предназначенных им исходным симметричным отношением, и постоянно скользят по «наклонной плоскости реальности», что и приводит к многозначности.

Многозначность таких слов, как, напр., 1) *идти* и 2) *роль*, проявляется, когда мы говорим: 1) *до метро я иду пешком, ав-*

тобус туда не идёт, тебе идёт голубой цвет; или 2) в этой пьесе у него второстепенная роль, это не играет никакой роли, в его жизни она сыграла зловещую роль и т.д. Общее родовое значение, которому соответствовали бы частные видовые значения, у многозначного слова нередко отсутствует. Хотя очевидно, что у слова есть прямое значение, а все остальные выступают как переносные. Прямое значение – самое употребительное в сравнении с другими значениями, оно не зависит от контекста. Именно оно прежде всего приходит в голову большинству людей, когда, называя слово, спрашивают, что оно означает. Так, на вопрос о том, что такое *стол*, спрашивающий наверняка получит ответ, что это определённый вид мебели. Что же касается переносных значений, то они в гораздо большей степени зависят от контекста.

Считается, что в момент возникновения слово всегда однозначно. Новое значение является результатом переносного употребления слова, когда название одного явления употребляется в качестве наименования другого. Предпосылкой для употребления слова в переносном значении является сходство явлений и их смежность, вследствие чего все значения многозначного слова связаны между собой. Несмотря на многозначность, слово представляет собой семантическое единство, которое называется семантической структурой слова.

Характерной особенностью многозначности (в отличие от омонимии) является то, что значения, образующие семантическую структуру слов, в системе языка являются повторяющимися, типичными, закономерными, что во многом и обеспечивает возможность понимания. Так, во многих семантических классах слов отмечается параллелизм в развитии значений²⁷, например, *бас* – 1) ‘самый низкий мужской голос’; 2) ‘певец с таким голосом’; 3) ‘медный духовой инструмент низкого регистра’. Такой же набор значений имеют слова *баритон, тенор, альт* и некоторые другие. Если слова обозначают животных, то обычно у них

²⁷ Примеры из: Новиков Л.А. Лексикология // Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. М., 1997. Раздел «Многозначность».

развиваются значения, связанные с именованием людей, напр., *медведь* – ‘неуклюжий, неповоротливый человек’, *осёл* – ‘тупой упрямец’ и т.п.

Итак, многозначность (полисемия) – это семантическое отношение внутренне связанных (т.е. взаимно мотивированных) значений, выражаемых формами одного слова и разграничиваемых в тексте благодаря разным, взаимоисключающим друг друга позициям слова.

Значение многозначного слова и контекст

Многозначные слова реализуют своё значение в контексте. Контекст является необходимым условием вербальной коммуникации. Взаимоотношения многозначной лексической единицы с контекстом исключительно разнообразны: ведь для того, чтобы различать значения полисемичного слова, необходимы соответствующие типовые «опознавательные контексты». Лингвистический энциклопедический словарь даёт типологию контекстов.

Различают собственно лингвистический и экстралингвистический контекст. Под экстралингвистическим контекстом имеется в виду ситуация коммуникации, включающая условия общения, время и место, предметный ряд, партнёров по коммуникации и их отношения друг к другу. Лингвистический контекст иначе называют вербальным. Если рассматривать вербальный контекст в функции, обеспечивающей адекватное понимание, то можно выделить несколько типов вербального контекста: 1) разрешающий, 2) поддерживающий, 3) погашающий, 4) компенсирующий, 5) интенсифицирующий.

Под разрешающим понимается контекст, снимающий полисемию, напр., в предложении *На вечернем небе показалась яркая звезда* многозначное слово *звезда* понимается только в одном значении – ‘небесное тело’.

Поддерживающий контекст обеспечивает повторяемость значения определённой единицы в тексте, это относится, в частности, к употреблению терминов в научной речи.

Погашающий контекст создаёт значение единицы, не совпадающее с её значением в системе языка: *Он с нею танцует особенно как-то, / Рука на весу, и глаза в полусне, / А я в этом деле действительно трактор* – / *Тут даже и пробовать нечего мне* (А. Твардовский). В данном контексте полностью погашается значение слова *трактор* – ‘самоходная машина для тяги, напр., сельскохозяйственных орудий’ и актуализируется скрытая сема ‘тяжёлый, неповоротливый’.

Компенсирующий контекст обеспечивает адекватное восприятие смысла при эллипсисе, т.е. в условиях, когда какой-либо элемент или элементы высказывания не выражены, пропущены.

Интенсифицирующий контекст способствует приращению смысла в процессе восприятия текста, как бы прибавляя новые значения к уже употреблённой единице. Так, напр., во многих произведениях русской поэзии слово *звезда*, вводимое в начале текста в значении ‘небесное тело’, затем начинает приобретать такие значения, как ‘любовь’, ‘судьба’, ‘предназначение’. К интенсифицирующему контексту могут быть отнесены случаи появления «мерцающего» значения, когда в тексте реализуется одновременно несколько значений единицы. Так, напр., в стихотворении А.С. Пушкина «Я помню чудное мгновенье» слово *гений* выступает в двух значениях: а) ‘воплощение идеала душевных свойств человека, высшее проявление чего-либо»; б) ‘божество, дух, вдохновенье’.

В принципе слово предназначено для реализации в контексте только одного из своих значений. Эта предназначённость обеспечивает понимание реципиентом того, что хотел сказать говорящий. Но эмоционально нагруженные слова лишь частично соответствуют данному требованию. Так, слова-обращения, выражающие любовь / ненависть (*голубчик, сволочь*), могут употребляться не только в противоположных значениях, но и иметь двойной смысл в одном и том же контексте. В процессе употребления слово функционирует не само по себе, а как часть системы отношений с другими словами, с другими смыслами. Поэтому в конкретном словоупотреблении могут содержаться намёки

на все другие значения этого слова, сквозь основное реализованное значение нередко просвечивают и другие возможные смыслы. Известный учёный А.Ф. Лосев утверждал, что даже «самый простой разговор одного человека с другим ...возможен только потому, что каждое слово и каждый языковой элемент заряжены бесконечным количеством разного рода смысловых оттенков, и мы даже сами не замечаем, какое огромное количество этих оттенков выступает в наших словах, чтобы мог состояться самый обыкновенный разговор»²⁸. По мнению многих учёных, слово обладает «памятью» о своих прежних употреблениях и благодаря этому в смысловом потенциале слова конденсируются групповые и индивидуальные оценки и ценности. Слово действительно реализует только одно значение в контексте, если данный контекст построен по законам вербально-логического мышления. Чувственно-образное мышление предполагает возможность наложения значений в одном контексте. Поэтому логическое изложение информации способствует уменьшению энтропии, а образное восприятие мира и его отражение в языке, напротив, приводит к её возрастанию, создаёт больше условий для непонимания, коммуникативных неудач. Причиной такого рода неудач может явиться многозначность слова.

Полисемия и коммуникативные неудачи

«Фрагменты» содержания многозначного слова чаще всего понятийно разнородны и не образуют единого пространства. Различные по значению лексико-семантические варианты (ЛСВ) многозначного слова должны дифференцироваться, поэтому они, как правило, употребляются дистантно, т.е. в сильных, взаимоисключающих друг друга позициях. Многозначность слова обычно снимается, как это было показано выше, за счёт контекста, интонации, актуального членения, учёта всей ситуации общения, но тем не менее по причине многозначности

²⁸ Лосев А.Ф. Языковая структура. М., 1983. С. 141.

могут возникать коммуникативные сбои. Ср. примеры неверного понимания многозначного слова:

- (1) – Наша Таня всё копает и копает.
 - Где? На даче, что ли?
 - Зачем на даче. Она материал для диплома собирает.
- (2) – Ты слышал, у Миши проблемы с крышей?
 - А он разве в частном доме живёт?
 - Нет, конечно.
 - А! Умом тронулся, что ли?
 - Да нет же! Просто люди, которые прикрывали его на работе, больше не хотят этого делать.
- (3) – Вчера родители купили новый ящик.
 - Рассаду сажать?
 - Нет, сериалы смотреть.
- (4) – Что вам ближе: кино или театр?
 - Театр.
 - Вот как! А я думал, что кино.
 - Нет, до кинотеатра далеко ехать, а театр за углом.

Как видно из примеров, причина непонимания – в «столкновении» прямого значения слова и его переносного употребления (*копать* землю – погрузиться в материал; *ближе* – расстояние и *ближе* – понятнее); слова общеупотребительного и жаргонного (телевизор – *ящик*). В примере (2) «столкнулись» сразу три значения слова *крыша*: прямое и два жаргонных.

Если в предложении два или более многозначных слова, то трудности интерпретации таких высказываний возрастают, появляются предложения, которые могут обозначать разные ситуации. Напр., высказывание *Мы проехали остановку* может означать два различных положения дел: 1) за определённое время мы преодолели расстояние между двумя условными пунктами; 2) мы не вышли вовремя в нужном месте, где производилась высадка пассажиров.

Небрежное использование многозначных слов может привести к комическому эффекту, на который автор совсем не рассчитывал. Так, например, двусмысленно звучит рекламное объ-

явление одной из туристических фирм: *Несколько часов в самолёте – и вы в раю!* Использование многозначного слова *рай* оказалось некорректным в данном контексте из-за ассоциаций слова *самолёт* с катастрофой. У потенциального читателя данной рекламы может возникнуть представление не о прекрасном отдыхе, а о частых крушениях самолётов. Ср. также комизм (невольный) газетного заголовка: *Если делать, то по-большому!*

Типы многозначности

По характеру языковой мотивированности значений многозначного слова различаются два типа полисемии: метафорическая и метонимическая многозначность. Современной наукой установлено существование двух принципиально различных типов мышления – метафорического и метонимического, за которые отвечают разные полушария головного мозга. У разных людей может доминировать тот или иной тип мышления, но и метафоры, и метонимии используются и понимаются всеми, хотя и в разном объёме.

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МНОГОЗНАЧНОСТЬ

Понятие метафоры

Метафора (от греч. *metaphora* – ‘перенос’) понимается как механизм речи, состоящий в переносе именованного с одного класса предметов (явлений) на другой класс предметов или явлений по аналогии, на основе замеченного между ними сходства.

Считается, что дар человека улавливать общее в разном является врожденным свойством человека. Способность создавать метафоры – фундаментальное свойство человеческого сознания. Метафора – универсальное явление языка. Исследование метафорических переносов в разных языках показало, что существуют регулярные типы метафор, имеющие универсальный характер. Установлено три регулярных типа метафоризации:

1) антропоморфизм (*горный хребет, подошва горы, горлышко бутылки*), 2) перенос от конкретного к абстрактному (*проливать свет на что-либо, блестящий ум*) и 3) синестезия, т.е. использование слова, значение которого связано с другим органом чувств (*холодный голос, кричащий цвет*).

Человек познаёт мир, сопоставляя новое с уже известным, объединяя общим именем новое и старое. С метафорой связаны многие операции по обработке знаний – их усвоение, преобразование, хранение и передача.

Метафора, способная совмещать в себе абстрактное и конкретное, может рассматриваться как механизм, который приводит во взаимодействие и познавательную деятельность, и опыт, и культуру, и языковую компетенцию, чтобы отобразить в языковой форме чувственно не воспринимаемые объекты и сделать наглядной картину мира.

Метафоры можно разделить на группы на основе выполняемой ими коммуникативной функции.

Функциональные типы языковой метафоры

1. Метафора в пределах конкретной лексики используется для целей номинации. Номинативная метафора – это средство создания новых терминов. Таким образом, номинативная метафора предназначена для образования имён предметов, ещё не имеющих собственного наименования: *спутник Земли, застёжка-молния, мушка* (часть прицельного устройства), *ножка стола* (сходство предметов по функции), *носик чайника, нос корабля* (сходство предметов по форме и расположению), а также *ручка чашки, глазок двери, подошва горы, спинка стула, роза ветров, глазное яблоко, белок глаза, лисички* (сорт грибов), *зонтик* (тип соцветия) и др. В этой функции метафора выступает как источник омонимии.

Как показывают примеры, большинство обыденных понятий имеет метафорическую природу. Но метафорическая двуплановость таких наименований существует лишь в момент номинации. Постепенно внутренняя форма метафоры «угасает»,

«умирает», связь с соответствующим объектом утрачивается. Основным источником так называемых мёртвых (лексикализованных) метафор в языке является именно номинативная метафора.

2. Метафоризация значения признаков (предикатных) слов порождает когнитивную метафору, которая имеет познавательную ценность, так как с её помощью человек может постичь абстрактное понятие, исходя из конкретного. Ср.: *встать стеной, провалиться* в значении 'исчезнуть', *тупая боль, тупой взгляд, острая боль, острый взгляд, колючий ответ* и т.п. Согласно концепции Н.Д. Арутюновой из средства создания образа когнитивная метафора превращается в способ формирования недостающих языку значений. Когнитивная метафора является источником полисемии.

3. Метафоризация значения может сопровождаться синтаксическим сдвигом: существительное переходит из именной позиции в предикатную. Это свойство образной метафоры: *Собакевич был настоящий медведь; Он такой заяц, всего боится* и т.п. Метафора этого типа имеет целью индивидуализацию или оценку объекта. Образная метафора способствует расширению синонимических средств языка, ведёт к появлению новых синонимических обозначений (ср.: *пугливый* и *заяц*).

4. Концептуальная метафора понимается как способ думать об одной области опыта через призму другой, напр., выражение *Любовные отношения зашли в тупик* можно интерпретировать как реализацию концептуальной метафоры «любовь – это путешествие».

Образы, в которых осмысливается мир, как правило, стабильны и универсальны внутри одной культуры. Американские учёные Дж. Лакофф и М. Джонсон дали описание концептуальных типов метафоры. В основе метафор этого типа лежат образы вместилища, канала (дороги), машины, развития растения или человека, некоторых форм человеческой деятельности. Политика также осмысливается в базовых образах: *предвыборная машина, президентская гонка, ростки демократии*. Особую роль в осмыслении политики играет метафора театра или цирка: *поли-*

тическая арена, закулисные интриги, политический сценарий и т.д. Несмотря на то что образ от многократного использования метафоры стирается, связанная с ним положительная или отрицательная оценка сохраняется. Доля тех или иных базовых образов в разные эпохи может меняться. Так, напр., считается, что при тоталитарных режимах возрастает роль военной метафоры, и это не только отражает протекающие в обществе процессы, но и побуждает человека к деятельности в русле данной метафоры. Как считают Дж. Лакофф и М. Джонсон, всей нашей деятельностью в определённом смысле управляют созданные нами метафоры. Наша понятийная система является метафоричной по своей природе. «Понятия, которые управляют сознанием, – это не только продукты интеллекта. Они также управляют нашими повседневными действиями, включая самые незначительные детали. Понятия выстраивают то, что мы воспринимаем из окружающего нас мира, как мы в нём ориентируемся, и регулируют наши отношения с другими людьми»²⁹.

Концептуальная метафора призвана выполнять в языке функцию формирования новых понятий-концептов на основе уже сформированных, напр. *поле деятельности*.

Значение метафоры постепенно сводится к немногим конвенционально (условно) закреплённым за ней компонентам.

Оба типа однозначных слов (предметные и предикатные) могут порождать метафоры. Способность слова к метафоризации зависит от его информативной ёмкости: чем больше признаков содержит значение слова, тем легче оно метафоризируется.

Считается, что семантический сдвиг, который происходит при образовании метафоры, порождает алогичные высказывания в языке, так как метафора чаще всего возникает тогда, когда между сопоставляемыми объектами имеется больше различного, чем общего. Но тем не менее обязательным условием для появления метафоры является всё же обнаруженное сходство между объектами или их функциями.

²⁹ Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. М., 2003. С. 5.

Разновидности метафорических значений по типу сходства

Выделяются следующие разновидности многозначности на основе сходства обозначаемых предметов, явлений, признаков, действий:

- сходство формы, внешнего вида, производимого впечатления: *круг – спасательный круг, кольцо колбасы, лента дороги, головка сыра, пузатый чайник, сладкий сон*;
- сходство расположения: *голова (хвост) кометы, поезда, газетный подвал, крыло здания*;
- сходство цвета: *коралловые губы, шоколадный загар, медь волос, бледное небо, золотая листва*;
- сходство количества, размера: *поток слёз, гора вещей, море цветов, лес рук, туча комаров (много); на грош любви, горстка храбрецов (мало); каланча (о высоком человеке)*;
- характер звучания: *дождь барабанит, визг пилы, вой ветра, скрипучий голос, шёпот листьев, мачты стонут*;
- степень ценности: *золотые слова, цвет общества, жемчужина поэзии, ноль, пустое место (о человеке)* и др.

Как особую разновидность метафоры выделяют функциональный перенос: *kozyрёк подвезда, дворники (в машине)*, а также *цепи рабства, брачные оковы, паутина лжи, погасить ссору, ключ проблемы* и т.п.

Некоторые метафоры заключают в себе не один, а несколько признаков сходства. Так, метафора *крылья (крылья мельницы)* отражает и сходство формы, и сходство движения с крылом птицы (*мельница машет крыльями*); метафора *серебро (серебро волос)* подчёркивает сходство в цвете и блеске; метафора *зеркало (зеркало озера, вод)* – неподвижность и гладкость, ровность поверхности, а также способность отражать предметы; метафора *крупа (снежная крупа)* отражает сходство в форме и величине и т.д.

Сферы использования метафоры

Метафоры различаются не только характером сходства, но и сферой употребления, степенью распространённости и об-

разности. С этой точки зрения выделяют такие группы метафор³⁰:

- 1) общеязыковые «сухие»;
- 2) общеупотребительные образные;
- 3) поэтические;
- 4) газетные;
- 5) индивидуальные (или авторские);

Общеязыковые «сухие» метафоры – это метафоры-названия, образность которых стёрлась: *стрелки часов, собирать лишички, вишить молнию, солнце встаёт, шляпка гриба (звезда)*. Не случайно говорят, что язык – это словарь потускневших метафор. Эти метафоры используются говорящим как готовые единицы и никак не влияют на характер понимания текста.

Общеупотребительные образные метафоры – это не прямые, а иносказательные обозначения предметов, явлений, признаков: *море огней, ручьи слёз, лес рук, туча комаров; бархатные щёчки, ворковать, звезда экрана, здоровая идея, пилить кого-нибудь* и другие. Эти метафоры также используются как готовые единицы в процессе создания текста, но когда говорящий выбирает эти метафорические обозначения, предпочитая их прямым наименованиям, то тем самым он рассчитывает на усиление воздействия на адресата. Экспрессия влияет на процесс понимания, ускоряя его за счёт наглядной картины, которая создаётся с помощью метафоры: *лес рук* – это гораздо выразительнее, чем *много рук*.

Поэтические образные метафоры более характерны для художественной речи. Напр., *весна* – в значении ‘молодость’, *утро года* – в значении ‘весна’, *зеркало* – в значении ‘спокойная, гладкая поверхность’. Ср.: *Как весело, обув железом острым ноги, скользить по зеркалу стоячих, ровных рек* (А.С. Пушкин). Ср. также: *В открытое окно к нам плыл смутный гул большого города* (А.И. Куприн), где глагол *плыть* используется в метафорическом значении ‘распространяться, плавно разноситься’. Эти

³⁰ См. о метафоре и метонимии: Рахманова Л.И., Суздальцева В.Н. Современный русский язык: учеб. пособие. М., 1997.

метафоры используются для украшения текста, для создания художественного образа.

Газетные метафоры – это метафоры, представленные в языке средств массовой информации и, как правило, не свойственные ни обиходной речи, ни языку художественной литературы. Напр., *слагаемые успеха, рубежи года, дирижёр атак, флагман науки* и т.п. Метафоры этого типа легко превращаются в штампы, теряя от частого употребления свою первоначальную экспрессию (*маяки производства, зелёная улица*), или терминологизируются (*голубой экран, чёрное золото*). Употреблённые в разговорной речи, метафоры-штампы могут стать для адресата либо свидетельством плохого языкового вкуса говорящего, либо знаком смещённого, иронического употребления.

Индивидуальные метафоры – это необычные образные употребления слов того или иного автора: *Вас притягивали Луну двух огромных глаз* (М. Цветаева), *На ветке облака, как слива, златится спелая звезда* (С. Есенин).

Метафора имеет неодинаковую функциональную активность в различных сферах общения. Основные сферы использования метафоры – художественная литература и публицистика. Довольно активно употребляется метафора в устной публичной речи с целью воздействия на слушателей, чтобы убедить их в чём-либо. Применяется она и в педагогическом дискурсе как яркое пояснительное средство. Метафора свойственна и научной речи, поскольку с помощью метафорического переноса реализуется фундаментальная потребность человеческого мышления в одновременном использовании абстракций и образов.

Существует определённая тематическая классификация метафор. Так, напр., давно в систему метафорических средств речевого обихода, языка художественной литературы попали названия металлов, минералов, материи и т.п., напр., *железный кулак, железная хватка, железное здоровье, золото увяданья, золотые руки, золотое сердце, медь листовы, серебро волос, серебряный иней, бронзовый загар, шёлковые косы, шёлк травы, атласная кожа, бархат щёк, бархатный голос* и т.п.

Широко используются и благоприятны для понимания переносные употребления названий, относящихся к явлениям, состояниям природы: *вихрь танца, молния взгляда, град насмешек, снежная скатерть, буря аплодисментов, гром негодования, волна недовольства, туманный намёк, сумерки сознания, на закате жизни, на заре юности, облако сомнения, над ним сгущаются тучи, пожар чувств* и т.п.

В лексике газеты тоже проявляется тяготение к использованию метафор определённых тематических разрядов. Напр., активно используются метафоры из области медицины и биологии. Они характеризуют состояние политического, социального, хозяйственного «организма», его «болезни», «возбудителей» болезни и т.д. (ср.: *агония, диагноз, симптом, эпидемия, эйфория, пульс времени, бактерия сомнения, вирус* и т.д. и т.п.).

Итак, метафора проникает во многие сферы языка и нашей жизни: в художественную литературу, в язык СМИ, в повседневную речь, в живопись и кино. Недаром философ Ортега-и-Гассет говорил, что «всё огромное здание Вселенной покоится на крохотном и воздушном тельце метафоры». Но всё же, по-видимому, есть такие сферы коммуникации, которые остаются вне метафоры. В деловом дискурсе, в приказах, военных указах, инструкциях, досье метафоры не уместны.

Метафора в аспекте понимания

Функциональная нагрузка метафоры в рецептивных видах речевой деятельности далеко не однозначна. Метафора может быть, с одной стороны, катализатором понимания, ускоряя за счёт своей образности процесс восприятия. С другой стороны, метафоры, особенно индивидуальные авторские метафоры, вызывают трудности, связанные с их интерпретацией.

Понимание метафоры связано с её структурой. В этом плане различают метафору **простую**, в которой всего одно слово является носителем метафорического образа (напр., **золото заката, море цветов** и др.), и метафору развёрнутую (или цепочку ме-

тафор), в которой носителями одного метафорического образа является целая группа ассоциативно (напр., тематически) связанных слов. В плане затруднённого (из-за перенасыщенности образами) понимания в целом логично развёрнутой метафоры показателен следующий пример: *Перестроечный плуг, установленный пахарями-самоучками на несоразмерную идиллическую глубину, сразу же завяз в слежалой толще общественного неустройства, перевитого корнями цепкой большевистской идеологии* (Е.И. Носов).

Развёрнутая метафора включает в себя³¹:

- 1) исходную метафору;
- 2) метафорическую развёртку.

Исходной в рассмотренной метафоре является метафора *плуг перестройки*, которая обеспечивает развёртку и даёт толчок к восприятию текста.

Понимание метафоры во многом зависит и от того, в полном или редуцированном виде она представлена в тексте или в потоке речи.

Лежащее в основе метафоры сравнение может быть подано в контексте двумя способами.

1. Названы и основной, и вспомогательный субъекты метафоры, например *бриллианты росы*. При переводе в сравнительную конструкцию легко установить, что *роса* – субъект, а *бриллианты* – объект сравнения, то есть роса сравнивается с бриллиантами. Слово, называющее субъект сравнения (*роса*), называют ключевым, так как именно оно является опорным при понимании метафоры.

2. Назван только объект сравнения: *Шлейф, забрызганный звездами, / Синий, синий, синий взор* (А. Блок). При слове *шлейф* не дано ключевое слово (шлейф ночи?). Метафорическое наименование, не имеющее при себе опорного слова, называют метафорой-загадкой. Хотя при такой метафоре нет ключевого сло-

³¹ В этом разделе частично использованы материалы из: Москвин В.П. Стилистика русского языка. Волгоград, 2000.

ва, играющего роль «отгадки», однако есть широкий контекст, подсказывающий смысл метафоры.

Иногда такого рода широкий контекст охватывает целое художественное произведение. В этом случае метафора-загадка вводится в заглавие текста: «*На дне*» (М. Горький), «*Мёртвые души*» (Н.В. Гоголь), «*Обрыв*» (И.А. Гончаров). Смысл такой метафоры обнаруживается только после знакомства с произведением.

Нередко по характеру и тематической общности метафор можно определить их авторство. Ср.: *берёзовый язык рощи, ситец неба, зёрна глаз, костёр рябины красной* – С. Есенин; *вокзал – несгораемый ящик разлук и встреч, лабиринт лиры* – Б. Пастернак.

Развёрнутая метафора-загадка (чаще всего двучленная) активно используется в некоторых малых жанрах фольклора. Так, в частности, большинство русских загадок строится на метафорическом описании предметов или явлений: *Скатерть бела весь свет одела* (снег), *Чёрная корова все поля перепорола* (соха) и т.п. Развёрнутая метафора-загадка, используемая для выражения какого-либо намека, поучения, нравоучения, получила название аллегории, или иносказания.

Метафора и проблема переводимости

Метафорическое значение многокомпонентно, и не все компоненты метафоры являются переводимыми в равной степени. К трудно переводимым компонентам относят коннотативно-ассоциативные значения, которые формируются на образном и эмотивном уровнях отражения. Эти значения, с одной стороны, национально-специфичны, с другой стороны, личностноориентированы. Особую трудность при переводе представляют собой метафорические названия художественных произведений, которые нередко воплощают в себе весь смысл произведения.

Метафора играет заметную роль при порождении текстов, что будет рассмотрено во второй главе.

МЕТОНИМИЧЕСКАЯ МНОГОЗНАЧНОСТЬ

Понятие метонимии

Слово *метонимия* происходит от греческого *metonymia*, что означает 'переименование'. Метонимия – это механизм речи, который состоит в переносе имени с одного объекта (класса объектов) на другой на основе смежности, сопредельности или включённости данных объектов в одну ситуацию.

Механизм метонимии составляют синтагматические, т.е. линейные, горизонтальные связи между объектами (ср. с метафорой, которая основывается на парадигматических, т.е. вертикальных связях по сходству). Метафора и метонимия дополняют друг друга. Но их взаимодействие не исключает явных или скрытых предпочтений, так как под влиянием типа культуры или мышления говорящий, скорее всего, неосознанно отдаёт предпочтение какому-нибудь одному из указанных механизмов, а речевое поведение протекает либо по оси метафоры, либо по оси метонимии.

Противопоставление этих центральных фигур речи связано с их существенными различиями, которые проявляются согласно Н.Д. Арутюновой прежде всего в том, что метафора – это сдвиг в значении, а метонимия – сдвиг в референции, т.е. в обозначении, напр., *шляпа* в метафорическом употреблении – это растяпа, а в метонимическом – человек в шляпе. Метонимия привлекает слушателя или читателя к какой-либо индивидуализирующей детали, но, хотя внимание фокусируется на части, отдельно взятая деталь обычно не отчуждается, а воспринимается как часть целого, кроме гротескно-фантастических (ср. «Нос» Н.В. Гоголя) или некоторых фольклорных произведений.

Эта специфическая особенность метонимии отражается в сочетаемостных ограничениях. Метонимические выражения получают определения, которые, как правило, относятся к части, а предикаты согласуются с целым: *Красная шапочка, заходи!*

Виды метонимических переносов

Основанием для переноса названия по смежности служат пространственные, причинно-следственные, понятийные ло-

гические отношения между предметами и событиями. Перенос имени с одного объекта или класса объектов на другой объект или класс объектов может быть регулярным или единичным, окказиональным. К распространённым случаям пространственной метонимии относят следующие:

- перенос наименования с помещения, места, населённого пункта, страны на совокупность людей, живущих или работающих там: *Вся страна обсуждала это событие; Общезжитие погрузилось в сон; Университет был не согласен с этим решением; Ликует буйный Рим...* (М.Ю. Лермонтов);
- перенос названия с вместилища на его содержимое: *Чайник уже кипит; Она выпила 2 чашки; Он выкурил 3 пачки; ...Шипенье пенистых бокалов...* (А.С. Пушкин);
- перенос названия географических пунктов на то, что в них производится: *циндалли, гжель, палех* и др.

Название действия может переноситься на различных участников ситуации (актанты) и обстоятельства (сирконстанты):

1) на субъект действия, ср.: *осуществлять руководство – руководство страны; защита ворот была неудачной – защита не подвела команду; происходит смена власти – пришла новая смена;*

2) на объект или результат действия: *Издание книги было трудным делом – подарочное издание; Перевод занял почти месяц – прекрасный перевод; резьба по дереву – украсить резьбой;*

3) на инструмент или средство осуществления действия: *отдел упаковки покупок – яркая упаковка; замазка окон – высохшая замазка; Их села и нивы за буйный набег обрек он мечам и пожарам* (А.С. Пушкин);

4) на место действия: *Я забыла книгу на работе, где работа – место осуществления трудовой деятельности; ср. также: вход, выход, объезд, переход, поворот – это слова, которые могут обозначать и действие, и место.*

Регулярным является также перенос имени автора на его творение, ср.: *Траурный Шопен громыхал у заката* (М.А. Светлов); *пользоваться Ожеговым, перечитывать Толстого, любить Куинджи.*

Название материала нередко переносится на изделие из него, ср.: *Фарфор и бронза на столе* (А.С. Пушкин); *разбить хрусталь, купить чешское стекло, ходить в мехах*.

Регулярным является и перенос свойства вещества на носителя, субъекта свойства: *красота природы – красота (красоты), талант учёного – талант, молодые таланты, ср. также: говорить глупости* (глупые слова, фразы), *совершить бестактность* (бестактный поступок) и т.п.

Метонимический перенос характерен и для качественных прилагательных, напр., *глупый человек – глупая физиономия* (физиономия глупого человека), *коварный человек – коварная улыбка, смелый человек – смелый ответ, умный человек – умный совет*.

В реальности метафорические и метонимические связи значений соседствуют и взаимодействуют: *голова₁* – ‘часть тела’, *голова₂* – ‘ум, рассудок’ (метонимия), *голова₃* – ‘пищевой продукт в форме шара’: *головка сыру* (метафора).

Особый вид метонимии представляет собой **синекдоха** (от греч. *synekdoché*) – это перенос наименования части предмета на весь предмет или, наоборот, перенос наименования целого на его часть. Так, народом называют и все население какой-нибудь страны (*народ России, народы мира*), и трудовую его часть (...*страшно далеки они от народа*...). Ср. также: *вишня, слива, груша* – ‘дерево’ и ‘плод’. Такие синекдохи, как *лицо, рот, рука, голова*, давно известны. Ср.: *в семье 5 ртов, в стаде 100 голов крупного рогатого скота, главное действующее лицо; ср. также: столовая отделана дубовыми панелями, квартира оклеена обоями* (имеются в виду стены), *окно покрашено* (имеется в виду подоконник и рамы).

Более сложным случаем синекдохи является такой, когда состояние человека характеризуется через внешние проявления этого состояния. В этом плане синекдоха свойственна глаголам. Ср. ...*Лукерья, по которой я сам втайне вздыхал*... (И.С. Тургенев), где речь идёт о любви, но указаны лишь её внешние проявления. Ср. также: *Он отправился немного всхрапнуть* (храп – это действие, сопровождающее сон); *Надо чего-нибудь поже-*

вать – в значении ‘поесть’; *Хочу подышать свежим воздухом* – в значении ‘погулять’, *дымить* – в значении ‘курить’ и т.д.

В когнитивной семантике, исследующей лексику в связи с процессами познания, многозначность, основанная на метонимии и синекдохе, интерпретируется как перенос наименования внутри фрейма с одного слота на другой, где фрейм – структура, связанная с информацией об определенной сфере человеческого опыта, а слот – элемент этой структуры. Так, имя *мысль* обозначает: 1) процесс мышления: *Я потерял нить его мысли*; 2) инструмент мышления: *Он убеждает силой своей мысли*; 3) результат мышления: *Он пришел к мысли, что надо уехать*; 4) совокупность результатов мышления (философия): *Тема его диссертации – Русская мысль первой половины XIX века* и т.д.

Сферы использования метонимии

Как и метафора, метонимия (в том числе и синекдоха) может отличаться по степени распространённости и выразительности. С этой точки зрения выделяют общеязыковые невыразительные метонимии, поэтические, газетные и индивидуальные.

Общеязыковыми являются такие метонимии, как *литьё*, *серебро*, *фарфор*, *хрусталь* (в значении ‘изделия’), *замазка*, *протитка* (в значении ‘вещество’), *защита*, *нападение*, *смена*; *вход*, *выход*, *поворот*; *лисий*, *норковый*, *песцовый* (признак изделия). Эти метонимии обычно не воспринимаются как переносные значения и не вызывают трудностей в процессе понимания.

К поэтическим выразительным метонимиям относят слова типа *лазурь*: *Последняя туча рассеянной бури! Одна ты несёшься по ясной лазури* (А.С. Пушкин); *прозрачный*: *В прозрачном холоде заголубели доли* (С.А. Есенин); *свинец* (*гибельный свинец*); *синий* (*синий вечер*). Эти метонимии также понятны читателю, но их образность продолжает осознаваться, кроме того, они содержат в себе указание на сферу употребления. В разговорной речи они не всегда уместны.

К газетным метонимиям можно отнести такие, как *белый* (*белая Олимпиада*), *быстрый* (*быстрая дорожка*), *зелёный* (*зелёный патруль*), *золотой* (*золотой прыжок*) и др. Метонимии

такого рода склонны превращаться в штампы, они регулярно воспроизводятся в СМИ и постепенно теряют выразительность.

Источники метонимических сближений неисчерпаемы, что порождает множество индивидуальных (авторских) метонимий: *Трактиров нет. В избе холодной высокопарный, но голодный для виду преискурант висит...* (А.С. Пушкин); *Тихой сказкой усыплю. Сказку сонную скажу* (А.А. Блок); *Соседей наших клавиши сердили* (Б. Ахмадулина). Такие метонимии создаются в процессе творчества. С позиции адресата они интересны тем, что нарушают автоматизм восприятия и заставляют задуматься.

Метонимия в аспекте понимания

Метонимия – это не просто проявление лексической многозначности, это способ установления эквивалентности по ассоциации между причиной и следствием, предметом и свойством. Эти ассоциации создают основу для понимания даже в том случае, если высказывание за счёт переноса по смежности редуцируется до предела. Напр., метонимический перенос по типу «человек – отношение принадлежности» создаёт в разговорной речи особую модель понимания. Компрессивные высказывания типа *моя уехала*, при условии того, что говорящий – мужчина, не допускают, как правило, множества интерпретаций и позволяют толковать их однозначно: имеется в виду, что уехала скорее всего жена, а не сестра или дочь. Ср. также высказывание *Мои уехали*, интерпретация которого зависит от учёта того факта, кто именно произносит эту фразу: в устах взрослого семейного человека она будет, скорее всего, означать, что уехали члены его семьи (муж/жена и дети), а в устах ребёнка – что уехали его (её) родители.

Нередко метонимичное по сути высказывание может звучать парадоксально, но всё же подлежит расшифровке. Например, любитель детективов может сказать: «*Хорошее убийство – это всегда интересно*». Ясно, что убийство как таковое не может быть хорошим, но нарушение семантической сочетаемости в данном случае не является причиной коммуникативной неудачи. Собеседник вряд ли подумает, что говорящий столь крово-

жаден, что реальное убийство может казаться ему хорошим. Из ситуации общения очевидно, что имеется в виду убийство, хорошо представленное (раскрученное) писателем детективного жанра.

В аспекте понимания метонимия интересна ещё и тем, что позволяет совмещать в тексте сразу два значения лексической единицы³², тем самым придавая слову «стереоскопичность»: *Когда-нибудь монах трудолюбивый найдёт мой труд усердный; безымянный...* (А.С. Пушкин, «Борис Годунов»), где в сочетании *усердный труд* отражается понимание труда как деятельности, а *безымянный труд* – это труд как ‘произведение’.

Понимание как процесс метонимично по своей природе. Так, мы можем догадаться о значении производного слова, основываясь на знании его частей: *гитарист* – ‘человек, который играет на гитаре’, где значение ‘играет’ не выражено, но легко восстанавливается на основе наших знаний о мире. По нескольким ключевым словам можно догадаться о смысле всего предложения. Даже одна выразительная деталь может указать на общий смысл целого текста. Достаточно вспомнить, какое значение имеет деталь в творчестве А.П. Чехова, Л.Н. Толстого (осетрина с душком, уши Каренина, глаза княжны Марьи и т.д.).

Метонимия в широком смысле может быть представлена не только на уровне слова, но и на уровне морфемы и даже на уровне целого текста. Ср.: *зал вздохнул* – метонимия на уровне слова; *клавишник* – это музыкант, играющий на инструментах, у которых есть клавиши (отношение: часть – целое) – метонимия на уровне морфемы. *Они там чай пьют на балконе* – эта чеховская фраза вовсе не означает, что люди реально пьют чай на реальном балконе, фраза предполагает осмысление ‘они отдыхают, получают удовольствие от ничегонеделания’, но отдых может быть соположен с питьём чая, поэтому можно считать, что это тоже отношение: часть – целое, и, следовательно, перед

³² См. об этом: Раевская О.В. О некоторых типах дискурсивной метонимии // Известия АН СЛЯ. 1999. Т. 58.

нами метонимия на уровне текста. Творчество А.П. Чехова даёт много примеров текстовой метонимии, напр., в «Даме с собачкой» вместо того, чтобы описывать душевное состояние героя, писатель отмечает, что чернильница в гостиничном номере – серая от пыли, ковёр сделан из серого солдатского сукна, а далее описывает забор, утыканный гвоздями. Все эти детали без лишних слов указывают на настроение Гурова.

Метонимия может оказаться значимым средством и в продуктивной речевой деятельности, что будет рассмотрено в разделе «Вторичные функции семасиологических категорий».

ОМОНИМИЯ

Понятие омонимии

Омонимия (от греч. *homonymia* – одноимённость) – это звуковое совпадение языковых единиц, значения которых на данном этапе развития языка не связаны между собой: *брак* – ‘изъян’ и *брак* – ‘женитьба’, *брань* – ‘ругань’ и *брань* – ‘война’. Омонимия, свойственная подавляющему большинству языков мира, считается универсальным явлением. Ср., напр., англ. *light* – ‘лёгкий’ и *light* – ‘светлый’, нем. *die Mutter* – ‘мать’ и *die Mutter* – ‘гайка’, франц. *(la) balle* – ‘мяч’ и *(la) balle* – ‘пуля’.

Типы омонимов

Центр, или ядро, омонимии образуют полная и частичная лексическая омонимии.

Полные лексические омонимы принадлежат к одной части речи, совпадают во всей системе их форм в звучании и написании, но абсолютно различаются по значению: *заставить* комнату мебелью и *заставить* сына сделать домашнее задание, *домино* (игра) и *домино* (маскарадный костюм), *ладья* (лодка) и *ладья* (шахматная фигура).

Явление частичной, или неполной, омонимии характеризуется тем, что разные по значению слова совпадают в звучании и написании лишь в части форм, а не во всей системе форм. Так, напр., не совпадают все формы у слов-омонимов *завод* (действие по глаголу *заводить*), у которого нет форм множественного числа, и *завод* (предприятие), *долг*, *долги* (взять в долг, огромные долги) и *долг* (священный долг). К неполным лексическим омонимам относятся и многие совпадающие в звучании и написании глаголы: *закапывать* лекарство и *закапывать* что-то в землю, у которых будут разные глагольные модификации, обозначающие результат действия (*закапать* и *закопать*). Ср. также: расположить / *располагать* кого-нибудь где-нибудь и *располагать* временем; выговорить / *выговаривать* слова и *выговаривать* кому-нибудь за опоздание и т.д.

Периферию категории омонимии составляют омоформы, омофоны, омографы и синтаксические омонимы.

Омоформы, или грамматические омонимы, – это совпадающие по звучанию и написанию отдельные неравнозначные формы разных слов: «А что же делает *супруга* одна в отсутствии *супруга?*» (А.С. Пушкин). Ср. также: разинуть *пасть* и *пасть* смертью храбрых; горячая *печь* и *печь* пироги; в чём моя *вина?* (провинность) и налейте мне *вина*; *ели* (деревья) и *ели* (прош. время от глагола *есть*); *мой* посуду и *мой* друг; *три* товарища и *три* спину и т.п. Встречаются трёхчленные ряды омоформ, напр., *слив* (род. п. мн. ч. от *слива*) – *слив* (отглагольное существительное) – *слив* (деепричастие от глагола *слить*). Особая группа омоформ – это те слова, которые перешли из одной части речи в другую: *прямо* (наречие) и *прямо* (усилительная частица); *хотя* (деепричастие) и *хотя* (уступительный союз) и т.п.

Омофоны, или фонетические омонимы, представляют собой разные слова или сочетания слов, совпадающие по звучанию, но различающиеся по написанию: *кот* и *код*, *док* – *дог*, *рок* – *рог*, *столт* – *столб*, *компания* – *кампания*, *вести* (за руку) – *везти* (на машине), *косный* (взгляд) и *костный* (мозг), *бочок* и *бочок*, а также *лица* – *литься*, *мог ли* – *мокли* и т.д. Встречаются и многочленные омофонические ряды: *паз* (отверстие) – *пас* (переда-

ча мяча в игре) – *пас* (отказ делать ставки в карточной игре) – *пасс* (движение руки гипнотизёра).

Некоторые учёные относят к омонимии слова, которые пишутся одинаково, но имеют разное звучание. Их называют **омографами**: *мука́* и *му́ка*, *па́рить* (в небесах) – *па́рить* (в кастрюле), *за́мок* (дворец) – *замо́к* (на двери), *стрё́лки* (часов) – *стрелки́* (из лука), *та́я* (секрет) – *та́я* (на солнце).

Для процесса понимания важную роль играет и **синтаксическая омонимия**, т.е. неразличение в одной синтаксической конструкции разных актантов (чаще субъекта и объекта): *чтение Маяковского* – кто-то читает стихи Маяковского (объект) или Маяковский сам (субъект) читает свои стихи; *подарок матери понравился* – кто-то подарил матери подарок, и он ей понравился, или мать подарила кому-то подарок, который понравился этому человеку. Ср. также неразличение омонимических предлогов: **Перед ними** выступило пять человек (неясно, выступали эти люди раньше, до того как выступили **они**, или выступление пяти человек было адресовано непосредственно **им**).

Более сложным случаем для понимания является омонимия, возникшая в предложении на основе взаимодействия значений в структуре высказывания. Так, напр., фразу *Вы не должны ходить туда* можно понять и как разрешение (т.е. можно не ходить), и как запрещение ('вам нельзя ходить туда').

Ср. также неудачное рекламное объявление: «*Лада*» по цене завода, которое может быть понято неоднозначно: отпускная заводская цена машины или цена, равная цене завода.

Омонимы, которые возникают в результате расщепления многозначности, активно появляются и в наше время, в частности, одним из источников омонимии такого рода является современный молодёжный жаргон (ср., напр., *ботаник*, *конкретный*, *тащиться*, *крутой* и др.).

Омонимия и многозначность

Одна из важных лингвистических задач – это разграничение омонимии и полисемии. Это не только теоретическая про-

блема, но и лексикографическая, так как для составителей словарей важно, как трактовать те или иные явления: как разные слова или как значения одного слова? В связи с этим необходимо найти критерии разграничения многозначных слов и омонимов.

Главный критерий – семантический, т.е. утрата значениями слова их языковой мотивированности. Сложность состоит в том, что распад полисемии обычно осуществляется постепенно, процесс расхождения значений может быть в завершённом состоянии и в незавершённом.

Поэтому считается, что лучше говорить об омонимии относительно определённой языковой эпохи. То, что было многозначным для одной эпохи, может оказаться разбитым на омонимы для другой. Напр., омонимы *рак*₁ – «покрытое панцирем животное с клешнями, которое живёт в воде» и *рак*₂ – «злокачественная опухоль» возникли из полисемии. Название болезни дано по сходству внешнего вида *рака*₁ со способом, формой распространения опухоли, т.е. на основе метафоры. Эта внутренняя форма была в своё время прозрачной. В дальнейшем изучение раковых заболеваний расширило представление об этой болезни, появились новые диагностические признаки слова, внешнее сходство с живым существом постепенно перестало осознаваться.

Семантический критерий омонимии (утрата значениями общности внутренней формы) поддерживается дополнительными критериями, напр., несовпадением лексической сочетаемости: *морской, речной рак, большие раки, маленькие раки* и *рак желудка, рак печени; ловить, варить, есть раков* и *лечить кого-нибудь от рака*. Слово *рак* в значении «болезнь» не имеет формы множественного числа; каждый из омонимов входит в своё словообразовательное гнездо: с одной стороны, *рак, раковые шейки, ракообразные, рачьи норы, рачиха, раколов*; с другой стороны, *рак, раковый корпус, раковая опухоль*. Кроме того, один из омонимов имеет широкое фразеологическое окружение: *на безрыбье и рак рыба; показать, где раки зимуют; покраснеть как рак* и т.п.

При всей важности показателей лексической и фразеологической сочетаемости, несоотносимых словообразовательных гнёзд, различной морфемной членимости главным критерием разграничения омонимии и полисемии остаётся семантический. Иногда говорят, что между омонимами нет ничего общего ни на одном шаге толкования.

Но такая формулировка не совсем точна. Напр., *медвежатник*₁ ('охотник на медведей') и *медвежатник*₂ ('место для содержания медведей в зоопарке'), безусловно, являются омонимами, но в их толковании есть общий семантический компонент. По-видимому, в данном случае можно говорить об относительно регулярной омонимии (человек / место или сосуд), которую с некоторой долей вероятности можно предсказать (ср. *ягодник*, *телятник*, *молочник*). У омонимов может быть и другая общая часть, которую Ю.Д. Апресян называет тривиальной («тривиальная» – значит повторяющаяся во многих словах): *топить масло*, *топить печку*, *топить лодку*. Общая часть этих омонимов: 'делать так, чтобы...' или 'каузировать'. Значение 'каузировать' содержится в обширной группе слов (*шить платье*, *писать роман*, *снимать фильм* и т.п.).

Омонимия в аспекте понимания

Как правило, омонимы взаимно исключают друг друга в тексте, так как говорящий или пишущий обычно не употребляет омонимы контактно, поэтому у носителя языка достаточно редко возникают проблемы, связанные с пониманием омонимов: ситуация общения и контекст снимают возможные трудности восприятия.

Но всё же в ряде случаев лексические омонимы (полные и частичные), омоформы, омофоны и синтаксическая омонимия создают трудности при понимании речи на слух в недостаточных контекстах.

Напр., вопрос *Какой у вас код?* может вызвать недоумение у слушающего, если ему неясно из ситуации, о чём именно идёт

речь, о домашнем животном или о дверном запирающем устройстве. Если о незнакомом человеке говорят, что он доктор, у партнёра по коммуникации может возникнуть сомнение, является ли интересующий его человек врачом или доктором наук. Трудно понять и такие предложения: *Экипаж находится в отличном состоянии* (о чём идёт речь, о транспортном средстве или о команде?); *Бабушка хранила свои деньги в банке* (банк или банка?); *Он остепенился* (стал степенным или получил учёную степень?). Особые трудности возникают при восприятии названий. Так, напр., название фильма Люка Бессона в русском переводе звучит как *«Поцелуй дракона»*, но до просмотра фильма неясно, является ли дракон субъектом данного действия либо, напротив, в названии содержится призыв совершить данное действие. Люди, не знакомые с творчеством Кнута Гамсуна, будут гадать, о чём может идти речь в романе под названием *«Пан»*. Двусмысленным является и заглавие газетной статьи *«И снова простой»*.

Таким образом, омонимы могут создавать ситуации неугадывания, «нераспознавания» подлинного смысла. Омофоническое сближение слов нередко приводит к эффекту «ослышки», основанному на переразложении слов в потоке речи. Так, напр., бабушка дочитывает сказку внуку: *Стали они жить-поживать да добра наживать*. Дослушав, внук спрашивает: *«Бабушка, а какого они жевали добра?»*.

Подобная парадоксальная ситуация положена в основу повести Юрия Тынянова *«Подпоручик Киж»*. Молодой, неопытный писарь, переписывая приказ, допускает ошибку: вместо слов *«подпоручики же Стивен, Рыбин и Азначеев назначаются»* он, прерванный офицером, сбившись, пишет: *«подпоручик Киж»*. Обстоятельства вынуждают объявить подпоручика Киж реально существующим. Так случайно созданное омонимическое созвучие даёт жизнь невероятному герою, который был объявлен особой «секретной» и «фигуры не имеющей», оказывается сосланным в Сибирь, возвращённым оттуда по воле императора, женится на фрейлине, делает военную карьеру и, наконец, «умирает» в чине генерала.

Сдвиг на основе омофонии, т.е. осмысление в потоке речи двух или нескольких соседних слов как одного, нередко является источником нераспознавания подлинного смысла даже в произведениях художественной литературы, если они воспринимаются со слуха:

О Север, Север-чародей!

Иль я тобою околдован? (Ф. Тютчев).

Случайная игра слов в результате омофонии встречается у М.Ю. Лермонтова (*С свинцом в груди лежал недвижим я*), у В.Я. Брюсова (*И шаг твой землю тяготил*). Омофония может возникнуть при переводе произведения на другой язык, напр., в переводе одного стихотворения оказалась такая строчка: *Можно ли быть равнодушным ко злу?*

Неоднозначными для восприятия могут быть и высказывания с использованием слов, имеющих омоформы: *Депутаты теряют очки* или *Это замечательная финка!* (нож или женщина?).

При восприятии письменных текстов омофоны не влияют на понимание, но омографы в минимальных контекстах могут вызвать трудности, напр., предложение *Это старый замок* неоднозначно вне более широкого контекста.

Ср. также: – *Конечно, я извиняюсь, – говорил дорогой следователь, – я тогда погорячился* (А.П. Чехов), где при беглом прочтении может возникнуть иллюзия, что *дорогой* – это определение к слову *следователь*, а не обстоятельство времени (*по дороге*).

Смешение омоформ также иногда приводит к непониманию или неверному пониманию. Ср.: *Не забудь о тесте!* – это напоминание в письменном виде, напр., в записке, для человека, не подозревающего или забывшего, о чём конкретно идёт речь, допускает несколько толкований: предметом внимания может быть *тесто, тест, тесть*. Это явление обыгрывается в шуточном рассказе Г. Кузнецова «Не забыть о тесте».

Утром, собираясь на работу, доцент Усольцев обнаружил на своём письменном столе записку для памяти: «Не забыть о тесте». Что-то насчёт этого жена говорила ему вчера, но что именно, он не мог вспомнить.

«Ага! – сообразил, наконец, Усольцев. – Надо купить теста для куличей. Ведь скоро Пасха...»

Такую же записку нашёл у себя в кармане пиджака бизнесмен Муравьёв и тоже не мог вспомнить, что нужно сделать.

«Ага! – дошло до него. – Надо пройти тест на СПИД. Ведь без этого не дадут визу». Муравьёв собирался в Чикаго на конгресс деловых кругов...

Доцент и бизнесмен успешно выполнили намеченные дела, о чём и доложили вечером своим жёнам, которые были родными сёстрами. Но удостоились не похвалы, а упрёков и обидных прозвищ. Потому что в это время их тесть, лежавший в больнице, напрасно ждал обещанного дочерьми прихода хотя бы одного из зятёв.

Возможность двусмысленности на основе омонимии необходимо учитывать при создании аббревиатур: *ГИРЯ* (Государственный институт русского языка), *еду в МГЛУ* (Московский государственный лингвистический университет), *ГАЗ* (газовый аккумулятор давления), *ВНОС* (воздушное наблюдение, оповещение и связь) и т.п.

Роль омонимов в процессе создания речевых произведений будет рассмотрена отдельно во второй главе.

ПАРОНИМЫ

Понятие паронимии

Паронимы (от греч. *para* – ‘возле, около’ и *όνομα* – ‘имя’) – это разные по значению слова, сходные по произношению и лексико-грамматической принадлежности. Ядро паронимии составляют однокоренные слова, семантически соотнесённые друг с другом: *адресат* – *адресант*, *интеллигентный* – *интеллигентский*, *эффектный* – *эффективный*, *чувственный* – *чувствительный*, *впечатлительный* – *впечатляющий*, *свершить* – *совершить* и т.д.

Паронимический ряд состоит из двух и более паронимов, принадлежащих, как правило, к одной и той же части речи: *сытый* – *сытный*, *советник* – *советчик*, *представить* – *предоставить*, *надеть* – *одеть*, *выплатить* – *заплатить* – *оплатить*, *героизм* – *геройство* – *героика*, *гуманный* – *гуманитарный* – *гуманистический*, *экономный* – *экономичный* – *экономический* и т.д.

Однокоренные паронимы возникают в результате словообразовательных процессов, поэтому они имеют сходство не только в звучании, но и в значении.

Разнокоренные паронимы появляются в результате случайного сближения слов в звучании, что чаще наблюдается среди заимствованных слов: *антимония* – *антиномия*, *ампир* – *вампир*, *алименты* – *элементы*. Разнокоренные слова, близкие по звучанию, составляют периферию в явлении паронимии (многими учёными они вообще не включаются в понятие паронимии).

По параметру формального сходства слова-паронимы сближаются с омонимами, но отличаются от них тем, что паронимы никогда не совпадают полностью в произношении и на письме.

По параметру семантического сходства паронимы сближаются с неточными синонимами (квазисинонимами), но отличаются от них тем, что различия в значении между паронимами, как правило, не подвергаются нейтрализации в отличие от квазисинонимов, различия между которыми нейтрализуются в определенных контекстах (см. об этом раздел «Синонимы»).

Паронимы и виды речевой деятельности

В речи слова, близкие по произношению, довольно часто смешиваются. Неточность употребления паронимов основана на их формальной общности и частичном семантическом сходстве: в лексиконе носителя языка такие слова обычно находятся «рядом», поэтому нередко подменяют друг друга. Так, напр., говорящий иногда вместо *ритмичный* говорит *ритмический*, не учитывая того, что *ритмичный* – это ‘чувствующий ритм или

обладающий ритмом’, а *ритмический* – ‘основанный на ритме’. Причиной смешения паронимов в речи является небрежное отношение говорящего к значению, неточное, приблизительное знание им семантики. Неправильное употребление паронимов говорящим или пишущим может привести к непониманию, к недоразумению, к коммуникативным неудачам: – *Это очень эффективное решение. – Не вижу ничего эффективного, хотя результат действительно есть. – Я это и хотел сказать. – Тогда эффективно, а не эффективно.* Ср. также: *Он щёлкнул щиколоткой*, – где автор смешивает *щиколотку* со *щекоткой*; *Какая чувственная женщина!* (вместо *чувствительная*).

Паронимы требуют повышенного внимания к себе, заставляя задуматься о том, что же в действительности связывает или разделяет созвучные слова.

Нагнетание в тексте однокоренных слов со сходным значением нередко приводит либо к непониманию, либо к комическому эффекту. Ср.:

Умысел замыслу не товарищ

В. Христенко: «В этом (желании предприимчивых людей заработать на финансовом кризисе. – *Ред.*) есть умысел, а то, что за этим стоит замысел, – это миф».

Такой уж у них промысел, у предприимчивых людей. Отсюда и умысел. А то, что у них есть какой-то замысел, так это чистый вымысел. Или, если угодно, домысел (АиФ).

Особое значение в переводческой деятельности имеют межъязыковые паронимы как случаи частичного звукового и морфологического сходства сопоставляемых слов в родственных языках при их семантическом различии. Ср. следующие примеры: укр. *корисний* ‘полезный’ – русск. *корыстный* ‘корыстолюбивый’; укр. *власний* ‘собственный’ – русск. *властный* ‘имеющий склонность повелевать’; укр. *старци* (‘нищие’) – русск. *старцы*; белор. *гульня* (‘игра’) – русск. *гулянье*, *гулянка*, *гуляня*; польск. *zdanie* (‘предложение’) – русск. *здание*; польск. *zaropniéć* (‘забыть’) – *zarapmietáć* (‘запомнить’); серб. позориш-

те ('зрелище, театр') – русск. *позорище*; чешск. *rodinný* ('семейный') – русск. *родной*; чешск. *pitomec* ('глупец, дурак') – русск. *питомец* ('воспитанник'); чешск. *život* ('жизнь' – *krasny život* = 'прекрасная жизнь') – русск. *живот*. Надо отметить, что в древнерусском языке слово *животь* также имело значение 'жизнь', сохранившееся до сих пор в некоторых фразеологизмах: *не щадя живота своего* – 'не жалея своей жизни'; *положить живот свой* – 'отдать свою жизнь во имя чего-либо'.

Нередко различие в значении доходит до полной противоположности. Хорошо известный пример этого рода слова *урод* (русск.) и *uroda* (польск.) 'красота', причём оба слова этимологически восходят к глаголу *уродить(ся)*.

Иногда говорят о явлении межъязыковой паронимии и омонимии и в отношении неродственных и даже типологически далеких языков, напр., венг. *batya* ('старший брат') – русск. просторечное *батя*; японск. *yama* ('гора') – русск. *яма*³³.

Проблема неполной и мнимой эквивалентности особенно актуальна для переводчиков, не случайно межъязыковые паронимы и омонимы получили название «ложных друзей переводчика». Особенно отчётливо это явление обнаруживает себя при сопоставлении заимствованных слов в русском языке и их «родственников» в других языках. Ср. русск. *галантный* и англ. *gallant* 'доблестный', 'красивый'; русск. *фельетон* и фр. *feuilleton* 'публикация в газете фрагмента из романа с продолжением'; исп. *estrada* 'дорога', фр. *estrada* 'подмостки' и русск. *эстрада*.

Итак, паронимия, с одной стороны, может быть источником ошибок, речевых "трудностей" при понимании, с другой стороны, паронимия является средством, придающим выразительность тексту, способом воздействия на адресата, что будет рассмотрено отдельно в главе 2.

Явление паронимии нашло отражение в словарях (см. список словарей в конце книги).

³³ См.: Солодуб Ю.П., Альбрехт Ф.Б. Современный русский язык. Лексика и фразеология. Сопоставительный аспект. М., 2002.

Глава 2. Описание лексики от значения к форме (ономасиологический подход)

Сущность подхода

Ономасиологический подход к описанию лексики, как уже отмечалось раньше, состоит в рассмотрении лексических единиц «от значения к форме». Такая установка ориентирована на продуктивную речевую деятельность (говорение и письмо), т.к. даёт представление о том, на чём основываются действия человека, создающего речевые произведения в письменной или устной форме.

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

Селекция и комбинация языковых единиц

Когда мы говорим или пишем, то обычно не отдаем себе отчета в том, что в основе нашей речи лежат два существенных фактора, обусловленных устройством языка в целом, – селекция и комбинация языковых единиц. Иначе говоря, при построении речевого высказывания важную роль играет как отбор речевых средств, адекватных замыслу говорящего, так и умелое их сочетание. Высказывая свои мысли, сообщая о чём-либо адресату, мы отбираем определенные слова из ряда единиц, связанных друг с другом по смыслу, и определенным образом соединяем их, причём и отбор, и сочетание определяются правилами, существующими в языке. Носитель языка производит отбор и соединение слов в речи в большинстве случаев автоматически. Механизм селекции становится очевидным лишь тогда, когда нам приходится разговаривать на неродном языке, автоматизм применения которого у нас не выработан. Усилия говорящего по отбору речевых средств заметны также в тех случаях, когда ему нужно обозначить что-то не совсем обычное, нестандартное и он задумывается о том, какое слово лучше «подходит» для этого, какое сочетание слов является оптимальным и т.д.

Выбор языковых единиц обусловлен парадигматическими, «вертикальными», отношениями в лексике и основан на механизме эквивалентных замен. Подыскивая нужное обозначение предмета или явления, говорящие перебирают, конечно, не весь словарь (и даже не сколько-нибудь значительную часть его), но выбирают нужное обозначение из некоторого ограниченного круга слов, между которыми существует смысловая связь. Комбинация, сочетание нужных слов осуществляются на основе линейных, «горизонтальных», отношений в лексической системе. Такие отношения называются синтагматическими.

Сочетание всех единиц языка так же, как их отбор и чередование, подчинено определенным правилам, которые объективно закреплены в языке и получают отражение в речи в виде конкретных высказываний.

Парадигматические и синтагматические связи лексических единиц взаимообусловлены. Определяя существенные парадигматические связи слова, мы тем самым устанавливаем и возможную для него сочетаемость – синтагматические связи. И наоборот, определяя сочетаемость слова, мы тем самым устанавливаем и его предположительное место в соответствующем парадигматическом ряду, что даёт возможность говорящему заменить то или иное слово другим, близким ему по значению.

Отбор слов из лексического ряда с общим значением (селекция)

Осмысленная речевая деятельность говорящего начинается с осознания того, какое именно содержание он хочет выразить и какие средства наиболее точно подходят для оформления его замысла. Из этого следует, что отбор слов непосредственно влияет на эффективность речевого высказывания. Выбор нужной лексической единицы становится возможным благодаря тому, что слова существуют в языке не изолированно, а входят в состав определённых лексических групп и объединений (семантических полей, синонимических и антонимических рядов и

др.). В составе лексических объединений собственное значение каждого входящего в них слова зависит в той или иной мере от значения других связанных с ним по смыслу слов. Так, напр., общее значение побуждения (волеизъявления) может быть выражено разными глаголами (*просить, упрашивать, умолять, советовать, рекомендовать, убеждать, увещевать, требовать, приказывать* и др.). Все эти глаголы (в определенных значениях) могут служить обозначением побуждения к какому-либо действию. Ср.: *Просил быть внимательным; Умолял быть внимательным; Советовал быть внимательным* и т.д.

На основе семантической общности обнаруживается и то, что отличает значения этих слов друг от друга. Как нетрудно заметить, они различаются прежде всего степенью категоричности побуждения: ср. *просить* и *требовать*. Кроме того, они отличаются степенью интенсивности: *умолять* – это ‘очень просить’. Различаются данные глаголы и сферой употребления, напр., *рекомендовать* может специалист в той или иной области (*Врач рекомендует постельный режим*), *советовать* может любой человек, считающий, что его опыт и знания позволяют ему делать это (*Друг советует пойти к врачу*). Названные глаголы противопоставлены друг другу именно по этим и некоторым другим признакам.

Лексические единицы, противопоставленные по признакам, которые оказываются несущественными в определенных условиях, обычно рассматриваются как синонимы. Слова, значение которых обусловлено их противопоставленностью, рассматриваются как антонимы. Значит, отбор слов при построении высказываний обусловлен существованием ономаσιологических лексических категорий, таких как семантическое поле, родо-видовые отношения (гиперо-гипонимия), синонимия, антонимия, конверсия. Рассмотрим эти категории подробнее.

Лексические категории, ориентированные на говорение и письмо

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ

Понятие семантического поля

Парадигматические и синтагматические отношения в лексике, пересекаясь, образуют микро- и макросистемы, объединённые в семантические поля. Вся лексика, таким образом, представляет собой совокупность систем и подсистем, называемых семантическими полями. Семантическое поле – это лексическая категория высшего порядка, представляющая собой иерархическую структуру, состоящую из множества лексических единиц, связанных между собой как отношениями взаимного противопоставления, так и общим (инвариантным) значением. Основателем теории семантического поля считается немецкий учёный И. Трир. Согласно его теории на каждое «понятийное» поле накладываются слова, членившие его без остатка и образующие «словесное» поле. Каждое слово этого поля получает смысл только как часть системы, составляющей поле. Знать значение отдельного слова в полном объёме можно только в том случае, если владеешь значениями других слов, входящих в данное поле.

Основанием для включения тех или иных лексических единиц в семантическое поле является архисема, т.е. наиболее общая сема. Так, напр., если слово содержит архисему 'цвет', то оно входит в семантическое поле цветообозначений. Существуют семантические поля времени, пространства, наименований родства, поле глаголов побуждения, поле имён характера и т.д. Элементы семантического поля – не лексемы, а **лексико-семантические варианты (ЛСВ)**, т.е. слова, взятые в одном из своих значений. Многозначные слова чаще всего входят своими значениями в разные семантические поля, напр., *сестра*₁ – входит в семантическое поле (СП) обозначений родства, *сестра*₂ – в СП наименований лиц медицинского персонала.

Всю лексику можно представить в виде иерархии семантических полей разного ранга: большие семантические сферы лексики делятся на классы, классы – на подклассы и т.д. до элементарных семантических микрополей.

Элементарным семантическим микрополем является **лексико-семантическая группа (ЛСГ)** – относительно замкнутый ряд лексических единиц одной части речи, объединённых общей архисемой более конкретного содержания, чем архисема поля. Члены ЛСГ связаны семантико-парадигматическими отношениями (синонимии, антонимии, включения, дифференциации, обобщения и др.) и различаются характером и степенью проявления признака, качества, действия или их противопоставлением. Напр., ЛСГ «прилагательные вкуса»: *горький, кислый, сладкий, солёный* и примыкающие к ним *пряный, пресный, терпкий* и др.

В большом по объёму СП «Человек» можно выделить различные ЛСГ, характеризующие человека с разных сторон: его интеллектуальную деятельность, эмоциональное состояние, речь, физический труд и т.д.

От лексико-семантической группы следует отличать **тематическую группу**, которая представляет собой совокупность слов, объединённых на основе внеязыковой общности обозначаемых ими предметов или понятий. Одним из важных признаков тематической группы является разнотипность языковых отношений между её членами. Ср., напр., тематическую группу слова *свинья*, в которую входят такие слова, как *кабан, поросёнок, свинарка, свинарник, свинина, сало* и т.п. В тематические группы организуются фрагменты действительности. Количество тематических групп, представленных в языке, не поддаётся точному определению (ср. напр., названия частей человеческого тела, ботанические термины, термины скотоводства, названия архитектурных сооружений, внутреннего убранства дома, транспортных средств и т.д.).

Структура семантического поля

В ЛСГ, как уже говорилось, входят слова (ЛСВ) одной части речи. В семантическое поле, в отличие от ЛСГ, входят слова

(ЛСВ) разных частей речи. Поэтому в семантическом поле есть три измерения:

1) синтагматические отношения (линейные соединения слов), напр., *любить отца, отец семейства, родной отец* и т.д.

2) парадигматические отношения (отношения слов по вертикали): *отец – мать; сын – дочь; дедушка – бабушка* и т.д.

3) ассоциативно-деривационные отношения: *отец – отцовский, отцовство, отчий, отеческий, по-отечески* (словообразовательная деривация); *отец₁* – ‘родитель’, *отец₂* – ‘родоначальник, основоположник’ (*отец русской демократии*), *отец₃* – ‘служитель культа’ (семантическая деривация, указывающая на связь семантического поля обозначений родства со смежными полями).

Единицы семантического поля могут входить во все типы семантических отношений. Так, напр., прилагательное *высокий* как член лексико-семантической группы параметрических прилагательных входит в семантическое поле «Человек». В пределах поля *высокий* вступает в различные смысловые отношения: отношения синонимии и квазисинонимии (*высокий – рослый, длинный, долговязый*), антонимии (*высокий – невысокий*), конверсии (*Петя выше Васи ↔ Вася ниже Пети*), словообразовательной деривации (*высокий – высота*). Ассоциативно-деривационные отношения полисемии характеризуют связь данной ЛСГ с другими ЛСГ поля «Человек» и смежными полями (*высокий рост – высокий урожай, высокий стиль, высокая награда, высокое качество, высокий голос* и др.).

Структура семантического поля предполагает ядро, центр и периферию. Рассмотрим поле «Передача». Общее (инвариантное) значение поля в «чистом» виде содержит семантически наиболее простое слово *передавать* – ‘сделать так, чтобы адресат начал иметь объект’: *Она передаёт ему билет*. Глагол *передавать* вместе с синонимами, антонимами, конверсивами (*вручать, брать назад, принимать*) и словообразовательными дериватами образует класс лексических единиц с общим значением передачи. Этот класс и будет составлять ядро семантического поля «Передача».

Эту ядерную часть поля окружают классы специализированной передачи, которые представляют собой центр семантического поля. Эти классы, напр., такие: ‘дарение’ (*дарить, презентовать, преподносить*), ‘купля-продажа’ (*покупать, продавать, сбывать*), ‘оплата и ссуда’ (*платить, ссуживать, одалживать*), ‘аренда’ (*сдавать, арендовать*), ‘завещание’ (*завещать, оставлять*), ‘пересылка и транспортировка’ (*посылать, переправлять, доставлять*), ‘передача информации по каналам связи’ (*транслировать, телеграфировать*) и т.д.

Семантика передачи может выражаться единицами других, смежных полей, лежащих на периферии данного поля. Глаголы со значением изготовления, приготовления, создания в особых контекстах могут реализовать свои вторичные функции и обозначать передачу: *Отец построил сыну дачу; Мать испекла детям пирог* и т.п. Единицы семантического поля часто характеризуются общностью синтагматических и парадигматических свойств. Так, например, глаголы передачи имеют общую основную формулу сочетаемости: ‘кто даёт что кому’. Если семантика глагола усложняется, то формула сочетаемости модифицируется, напр., ‘кто сдаёт что кому за какую плату на какой срок’ (в ситуации аренды).

Совпадение сочетаемости лексических единиц отражает их семантическую и парадигматическую близость: *дарить* – ‘давать подарок’, *продавать* – ‘давать за плату’, *транслировать* – ‘давать (передавать) по телевидению или радио’.

Элементы одного поля могут входить в другое поле, поэтому лексическую систему языка можно представить как совокупность частично перекрывающихся друг друга семантических полей.

Одно и то же семантическое поле может структурно различаться в разных языках. Так, напр., сравним семантическое поле глаголов движения в русском, французском и немецком языках. В это поле входят такие элементы: 1) ‘передвигаться пешком’: русск. *идти*, франц. *aller*, нем. *gehen*; 2) ‘передвигаться на транспорте’: русск. *ехать*, франц. *aller*, нем. *fahren*; 3) ‘передвигаться на лошади’: русск. *ехать (скакать)*, франц. *aller*, нем. *reiten*. Как

видно из этих примеров, во французском языке для всех трёх способов передвижения используется только одно слово, а в немецком языке – три глагола.

РОДО-ВИДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Понятия гипонима и гиперонима

Структура поля основана на родо-видовых отношениях. Обозначая объекты действительности, слова способны отражать в своих значениях отношения между объектами внешнего мира. Отношения между словами, одни из которых называют определённый класс предметов, лиц, животных, действий, состояний, свойств и т.д., а другие – разновидности объектов, действий, свойств внутри этого класса, называются родо-видовыми, или гиперо-гипонимическими. Иначе говоря, родо-видовые отношения в лексике – это отношения между словами, обозначающими общее родовое понятие, и словами, называющими видовые подразделения этого общего понятия. Родовое понятие получило название гипероним (от греч. *hyper* – ‘над’, ‘сверх’ и *опута* – ‘имя’), а видовое – гипоним (от греч. *hypo* – ‘под’, ‘внизу’ и *опута* – ‘имя’). Гипонимия представляет собой включение единиц в соответствующий класс наименований: *роза, тюльпан, гвоздика, астра, незабудка, подснежник* – цветок; *физика, химия, география, биология, история, литературоведение, языкознание* – наука. Такое включение однородных единиц в соответствующий класс осуществляется на основе их принадлежности к определенным семантическим полям. Слова, имеющие общий гипероним, называются согипонимами. Так, слово *дерево* является гиперонимом по отношению к словам *берёза, рябина, дуб, тополь, клён, ель, сосна* и т.п. Слова, называющие виды деревьев, в свою очередь, являются гипонимами по отношению к слову *дерево* и согипонимами по отношению друг к другу. Слова *пудель, спаниель, овчарка, колли* называют видовые понятия, или гипонимы. Слово *собака* обозначает родовое понятие по отношению к сло-

вам *дог, колли, борзая* и представляет собой гипероним. Денотат гиперонима включает в себя денотат гипонима, так, напр., множество кошек входит в состав семейства животных. Сигнификат гиперонима, напротив, включается в сигнификат гипонима, так, напр., множество признаков, составляющих сигнификат гиперонима *животное*, является лишь составной частью множества признаков гипонима *кошка*. Сигнификат гипонима оказывается богаче, чем сигнификат гиперонима.

Гиперо-гипонимические отношения структурируют семантическое поле (СП) сверху донизу и снизу доверху. Понятия «гипоним» и «гипероним» в СП – относительны. Так, гипероним *собака* становится на вершине поля гипонимом наряду с такими словами, как *кошка, свинья, овца*, по отношению к иерархически более высокому слову *животное* и т.д.

На основе гипонимии взаимосвязанные лексические единицы последовательно объединяются в лексико-семантические группы (ЛСГ), а ЛСГ объединяются в классы слов, которые образуют семантические сферы. Таким образом строится сложная многомерная структура взаимосвязанных семантических полей.

Гиперонимизация по праву считается важнейшим направлением в семантическом расширении слов. Способность объединять видовые обозначения в родовое является результатом определённого развития мышления. В процессе создания гиперонимов, «образно говоря, язык превращает *вещь* в *вещество, пищу в калории, а прогулки* в отвлечённость *движения*»³⁴.

В русском языке, как уже отмечалось ранее, ощущается явная нехватка как однословных гиперонимов, так и конкретных видовых обозначений. На дефицит обобщённых, ёмких и экономных наименований в русском языке неоднократно указывал И.Г. Милославский: «Как, например, обобщённо обозначить то, что стоит за словами *город, деревня, село, посёлок, хутор, столица, райцентр, станция*? Неужели *населённый пункт*?»³⁵.

³⁴ Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб., 2004.

³⁵ Милославский И.Г. О лингвистическом конструировании // Языковая личность: текст, словарь, образ мира. М., 2006. С. 442.

Одним из «слабых» семантических участков в этом плане является, в частности, сфера товаров и услуг. В этой сфере русский язык располагает такими гиперонимами, как *одежда* (*брюки, юбка, платье, пиджак* и т.д.) и *обувь* (*сапоги, ботинки, туфли, босоножки* и т.д.), но говорящий по-русски почувствует затруднения при попытке обобщённо назвать то, что представлено, напр., словами *варежки, рукавицы, перчатки*. Составные родовые наименования типа *головные уборы* (ср. видовые обозначения: *шапка, кепка, шляпа, панама* и др.), *чулочно-носочные изделия* (*чулки, носки, гольфы, колготки*), *постельные принадлежности* (слово с родовым значением *бельё* многозначно), *хлебобулочные изделия, транспортные средства, материальные средства, торговая точка* и т.п., являясь стилистически маркированными, что затрудняет их использование, воспринимаются к тому же как явно «тяжеловесные», неудобные для номинации. Ср. вполне корректное высказывание: *У меня вся обувь пришла в негодность* и, по меньшей мере, странное: *У меня все чулочно-носочные изделия порвались*.

Знание родо-видовых отношений между словами необходимо для построения правильных предложений на русском языке. Слова, обозначающие **виды** предметов или действий, не могут соединяться в цепочку однородных членов предложения со словами, обозначающими **род** тех же предметов и действий³⁶. Нельзя сказать: *В комнате стояли диван, кресло, шкаф, стол, стул и мебель*. Это высказывание будет правильным, если с помощью уточнения мы преобразуем родовое значение слова *мебель* в отвлечённое видовое: *В комнате стояли диван, кресло, шкаф, стол, стул и ещё какая-то мебель*.

В аспекте продуктивной речевой деятельности важно также заметить, что гипонимические (видовые) отношения существенно отличаются от синонимических тем, что в процессе говорения возможна только односторонняя замена, т.е. замена

³⁶ Крысин Л.П. Современный русский язык. Лексическая семантика. Лексикология. Фразеология. Лексикография. М., 2009. С. 66.

гипонима на гипероним как подведение вида под род (Ср.: *Он подошёл к берёзе* → *Он подошёл к дереву*). Обратная замена далеко не всегда возможна. Кроме того, необходимо отметить, что значение гипонима семантически сложнее, богаче, чем у гиперонима, а представленный им класс предметов уже. Гипонимы включают в себя смысловое содержание гиперонима и противопоставляются друг другу соответствующими дополнительными дифференциальными семами.

Эндоцентрические ряды

На основе родо-видовых отношений строятся смысловые парадигмы, которые получили название эндоцентрических рядов. В таких рядах каждое последующее слово представляет собой гипоним по отношению к предыдущему слову и гипероним по отношению к последующему, напр., *человек* – *ребёнок* – *девочка*; *предмет* – *фрукт* – *яблоко* – *антоновка*. Примечательно, что слова из этих рядов могут использоваться говорящим для номинации одного и того же объекта внеязыковой действительности. В каждом эндоцентрическом ряду, построенном на гиперо-гипонимичных отношениях, можно выделить слово, соответствующее нейтральному уровню конкретности. Так, на вопрос: *Кто там скребётся за дверью?* – можно получить несколько ответов, которые будут считаться правдивыми: 1) *животное*; 2) *собака*; 3) *колли*. Из этих ответов только ответ *собака* является нейтральным, а другие включают в себя дополнительную информацию.

СИНОНИМИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ЯЗЫКА

Наиболее точному выражению замысла говорящего служат синонимические средства языка, к которым относятся собственно синонимы, эвфемизмы, перифразы и конверсивы.

СИНОНИМЫ

Проблема определения синонимов

Синонимы (от греч. *synonymos* – ‘одноимённый’) в широком смысле обычно понимаются как языковые средства, которые служат либо для выражения одного и того же содержания, либо для уточнения отдельных сторон обозначаемого и его оценки.

Возникновение и лингвистическая природа синонимии объясняются асимметрией знака и значения, стремлением выражать известное содержание не только своим основным знаком (первичной формой), но и другими языковыми средствами.

Понятие синонимии давно уже является предметом разнообразных лингвистических истолкований. Относительно того, что такое синоним, какие бывают синонимы, насколько это понятие вообще реально и т.п., были высказаны различными учёными самые разнообразные, часто противоречивые мнения. Так, в частности, Г.О. Винокур считал, что «синоним является синонимом только до тех пор, пока он находится в словаре, <...> а в контексте живой речи нельзя найти ни одного положения, в котором было бы всё равно, как сказать: *конь* или *лошадь*, *ребёнок* или *дитя*, *дорога* или *путь*»³⁷.

Существуют различные определения синонимов. Синонимы определяются 1) как слова, имеющие тождественное значение; 2) как слова, имеющие близкое значение; 3) как слова, обозначающие одно и то же понятие; 4) как слова, способные обозначить один и тот же предмет. Признаком синонимов считается и взаимозаменяемость слов в определённых контекстах, и, наоборот, их распределённость по разным контекстам (при несовместимости в одних и тех же контекстах).

Разные подходы к определению и изучению синонимии соответствуют разным аспектам значения слова. В собственно **семантическом (сигнификативном)** аспекте синонимы определя-

³⁷ Винокур Г.О. Проблема культуры речи // Русский язык в советской школе. 1929. № 5. С. 85.

ются как слова (ЛСВ) одной и той же части речи с полностью или частично совпадающими значениями.

В **структурном** аспекте они рассматриваются как слова, которые могут взаимно замещать друг друга, не изменяя смысла предложения.

В **прагматическом** (или эмотивном) плане синонимы выступают как выражение эмоционально-экспрессивной оценки обозначаемого явления.

Такие определения не исключают, а взаимно дополняют друг друга. На самом деле в языке существуют различные (и разнообразные) типы семантических сближений, которые и отражаются по-разному в различных определениях синонимов. Речь, таким образом, может идти не столько о различном понимании синонимии, сколько о различном употреблении термина, о его применении к различным явлениям языка. И в этом смысле возможно более широкое и более узкое применение термина.

Чаще всего при выделении синонимов выдвигались такие критерии, как, во-первых, тождественность или близость значения слов и, во-вторых, их взаимозаменяемость. Но оба эти определения недостаточны в связи с тем, что понятие «близость значения» остаётся в общем неопределённым, а взаимозаменяемость слов сама по себе допустима и в случаях, когда тот же предмет может быть назван совершенно по-разному в зависимости от того, как он понимается или какие его свойства говорящий хочет отметить.

Семантической сущностью синонимии и мерилom её проявления в каждом конкретном случае является эквивалентность содержания лексических единиц. Эквивалентным может быть всё содержание слов (*языкознание* – *лингвистика*) или содержание отдельных их значений (*луна*₁ – ‘спутник Земли’ / *месяц*₂ – ‘луна’): *светит луна* – *светит месяц*; ср. *луна*₂ – ‘спутник любой планеты’: *десять лун Сатурна*; *месяц*₁ – ‘единица исчисления времени, равная одной двенадцатой части года’: *вернуться через месяц*. Эквивалентным может быть также содержание совпадающих частей значений лексико-семантических вариантов слов: *ключ* – ‘источник, в котором вода выходит с напором, с силой’ /

родник – ‘источник, в котором вода просачивается на поверхность земли’.

Слова *ключ* и *родник* в равной мере могут быть употреблены, если просто называется, но не характеризуется какой-либо источник. Если же, напр., надо акцентировать внимание на том, что вода бьёт в нём ключом, идёт с напором, тогда употребляется только первое из этих двух слов, так как общего, «пересекающегося» содержания (‘источник’) недостаточно для подчёркивания специфики обозначаемого предмета. Таким образом, эти слова (*родник*, *ключ*) оказываются взаимозаменяемыми в тексте в слабых, нейтрализуемых позициях, которые соответствуют их общему содержанию, т.е. пересечению объёмов их значений. Необходимо отметить, что возможно и другое понимание описанных здесь отношений. В частности, слова *ключ*, *родник* можно рассматривать как гипонимы, т.е. слова, обозначающие видовые понятия по отношению к гиперониму, обозначающему родовое понятие, – *источник*.

Согласно наиболее устойчивой точке зрения синонимами могут быть признаны слова, противопоставленные лишь по таким семантическим признакам, которые в определённых контекстах становятся несущественными. Поскольку количество общих совпадающих семантических элементов у разных рядов слов неодинаково, можно говорить о разной степени синонимичности для разных слов.

Если говорить о продуктивных речевых действиях, необходимо подчеркнуть, что при производстве текстов нельзя считать синонимами любые частично сходные по смыслу лексические единицы. Синонимы – это слова, «несовпадающими семантическими признаками которых являются только такие признаки, которые могут устойчиво нейтрализоваться в определённых позициях»³⁸.

Рассмотрение синонимии с позиций говорящего предполагает достаточно широкое понимание синонимии, при котором

³⁸ Шмелёв Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М., 1973. С. 130.

необходимо учитывать и так называемые частичные, или неточные, синонимы (квазисинонимы), так как при определённых условиях различия между ними могут быть нейтрализованы.

Типы синонимов

По степени близости значений синонимы подразделяются на точные и неточные.

Исходим из понимания того, что **точные** синонимы – это такие слова, которые имеют одинаковый набор семантических признаков, что влечёт за собой тождественные толкования. Примерами точных, или полных, синонимов могут послужить такие пары слов: *гасить – тушить, глядеть – смотреть, исчезать – пропадать, прекращаться – переставать, спешить – торопиться, забастовка – стачка, плебисцит – референдум, громадный – огромный, везде – всюду, в течение – в продолжение* и др.

Синонимы могут быть точными лишь в отдельных значениях. Так, *подлинник / оригинал* совпадают в толковании только в том случае, если *оригинал* относится к рукописи, картине, но не к человеку. Глаголы *кидать – бросать* являются тождественными в следующих значениях: 1) ‘взмахом заставляя лететь или падать’ (*кидать, бросать камешки*); 2) ‘быстро, бегло взглядывать, посматривать’ (*бросать, кидать взор, взгляд*); 3) ‘распространять, направлять’ (*солнце бросало, кидало яркие лучи*). В других значениях эти глаголы не совпадают. Например, можно *бросить курить*, но некорректно *кинуть курить*. Словосочетания *бросить жену* и *кинуть жену* не эквивалентны по содержанию.

Абсолютно тождественных по значению слов в языке не очень много. Иногда их называют дублетами: ср. *лингвистика* и *языкознание, орфография* и *правописание, бегемот* и *гиппопотам* и др.

Семантически точные синонимы, как правило, обладают способностью заменять друг друга по смыслу в свободных прямых значениях.

Однако выбор синонима в конкретной речевой ситуации зависит не только от значения слова, но и от различных языковых и внеязыковых факторов, которые выступают как ограничители свободы взаимозаменяемости синонимов³⁹. Синонимы, в том числе и точные, характеризуются различной степенью свободы сочетаемости: ср. *дождь, снег прекратился, перестал*; но *игры, сплетни прекратились* (при невозможности **игры перестали*); *Он ничего не понимает, не смыслит*; и *Он всё понимает*, но невозможно **Он всё смыслит*; можно спросить: *Откуда у него появились, взялись деньги?* – но возможно только *У него появились деньги* (при невозможности **у него взялись деньги*).

При использовании синонимов необходимо обратить внимание на возможное пересечение сочетаемости, которое квалифицируется как неправильное: ср. *оказывать влияние, доверие, помощь*, но *производить впечатление, расследование, эксперимент*. При этом можно сказать *Лекарства, таблетки, капли оказали, произвели своё действие*, но нельзя **оказать впечатление* или **произвести влияние*.

Неточные синонимы (иначе их называют квазисинонимами).

В большинстве случаев синонимы не совпадают между собой по каким-нибудь параметрам. В зависимости от того, чем отличаются друг от друга синонимы, входящие в один синонимический ряд, их подразделяют на несколько групп:

1. **Экспрессивно-стилистические** синонимы – это такие слова, означаемые которых совпадают в денотативном и сигнификативном планах, но различаются в прагматическом слое: *убегать – драпать – улепётывать*; *разведчик – шпион*; *провинция – захолустье*; *поэт – виршеплёт*; *писатель – писака*; *милиционер – мент* (ср. англ. *police man – cop*). Основное назначение этих синонимов – выражение эмоций и оценок.

Синонимы этой группы имеют три разновидности.

а) Синонимы **стилистические**.

Это синонимы, которые, не включая в себя элемент оценки, используются в разных условиях общения (официальное, дело-

³⁹ См. об этом: Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М., 1974.

вое или неофициальное), преследующего разные цели (сообщение чего-то или убеждение, привлечение на свою сторону и т.д.).

Так, напр., между словами *жена* и *супруга* есть стилистическая разница: первое свойственно обычной речи, оно нейтрально в стилистическом отношении, второе характерно для речи официально-деловой, его употребляют по отношению к женам лиц, занимающих высокий пост.

Прилагательное *голубой* не закреплено ни за каким стилем, а его синонимы *лазурный* и *лазоревый* используются по преимуществу в художественной литературе (прозе и поэзии).

В обиходно-бытовой речи при непринужденном общении хорошо друг друга знающих людей обычная стилистически нейтральная форма приветствия *здравствуй* (*здравствуйте*) может заменяться разговорной формой *привет* или разговорно-фамильной *салют*, а также просторечной *здорово* и т.д.

б) Синонимы **эмоционально-оценочные**.

К ним относятся синонимы, которые способны не только называть, но и (одновременно) выразить эмоции, связанные с называемым предметом, лицом, действием и т.д., а значит, и давать оценку этому предмету, лицу, действиям. Напр., по сравнению с лишенным эмоциональной оценки словом *доктор* (а также *врач*) его синоним *лекарь* выражает пренебрежение или иронию. Шутливое или ироническое отношение заключено и в слове того же синонимического ряда – *эскулап*.

Ироническое или пренебрежительное отношение к творчеству какого-либо поэта может передаваться такими номинациями: *рифмач*, *рифмоплёт*, *вириеплёт*. У А.С. Пушкина встречаются и другие иронические и пренебрежительные наименования: *пиит* (*Какой-нибудь пиит армейский / Тут подмахнул стишок злодейский*), *стопосложитель* (*С улыбкой внемлет вой стопосложитель хилый*).

Оценки и эмоции, выраженные в слове, нередко приводят к стилистическому сдвигу. Как нейтральное и ироническое противопоставляются слова в следующих парах: *драка* – *баталия*; *отец* – *родитель*; *новый* – *новоиспеченный*, *свежеиспеченный* и т.д. Как нейтральное и пренебрежительное (и обычно разговор-

ное или просторечное) различаются слова *лицо* – *морда*, *рыло*; *невзрачный* – *плюгавый*; *упустить* – *проворонить*; *скитаться* – *мотаться* (неодобрение, неудовольствие; иногда сочувствие).

в) Синонимы, различающиеся **образностью**.

Предметы, явления, лица могут называться с помощью прямых обозначений и с помощью образных средств. Когда, напр., о бороде, волосах говорят, что они *седые*, то это прямое название признака. Если же, говоря о волосах, скажут *серебряные*, то перед нами образное обозначение того же признака, созданное с помощью метафорического эпитета. Значение ‘множество’ образно можно выразить такими способами: *лес* (*лес рук*), *горы* (книг), *море* (цветов) и др. Ср. также: непоседа – *стрекоза*; мешать – *вставлять палки в колеса*; голодать – *класть зубы на полку*; медленно – *черепашьям шагом* и т.д.

2. Идеографические (понятийные) синонимы.

Идеографические синонимы – это такие слова, означаемые которых совпадают, как правило, в денотативном плане, но различаются в сигнификативном, а также нередко и в прагматическом планах.

Разница в их значении существенна, и поэтому они требуют особого внимания к себе со стороны говорящего. Точное определение различий в значении квазисинонимичных слов необходимо для их адекватного использования при порождении речевых высказываний.

Расхождения в значении идеографических синонимов во многих случаях сводятся к родо-видовым и видо-видовым различиям между словами.

Родо-видовые различия обнаруживают себя, напр., в таких парах слов: *добиваться* – *домогаться*, семантическая разница между которыми заключается в дополнительном компоненте значения, содержащемся в глаголе *домогаться*, это ‘излишняя настойчивость’; *закрывать* – *укрывать* отличаются компонентом ‘тепло’. Глаголы в парах *нести* – *тащить*; *отрывать* – *отдирать* отличаются друг от друга компонентом ‘усилие’. Ср. также различия между словами: *разрушать* – *ликвидировать*,

уничтожать ('полностью'); *кисть винограда* – *гроздь* ('тяжёлая'); *искусственный* – *фальшивый* ('цель – обмануть'); *ложный* – *лживый* ('цель – обмануть'), *рыть* – *копать* ('орудие'): *лиса роет нору* (но невозможно * *лиса копает нору*).

Немало понятийных синонимов отличаются друг от друга количеством признака или степенью интенсивности действия, состояния: *холод* – *стужа*; *необразованный* – *тёмный*; *расположение* – *симпатия*; *гореть* – *полыхать*; *горевать* – *сокрушаться*.

Видо-видовые различия характеризуют следующие пары слов: *беречь* ('потенциальная угроза') – *оборонять* ('реальная угроза'); *топить* ('небольшое нагревание') – *плавить* ('сильное нагревание'); *конвой* (подвижен) – *караул* (стационарен); *жадный* ('желание захватить') – *скупой* ('нежелание отдать'), *неприятный* (свойство объекта речи) – *антипатичный* (особенности субъекта речи).

Как правило, синонимы отличаются друг от друга не одним каким-то признаком, а сразу несколькими. Напр., слова синонимического ряда *жрать*, *лопать*, *трескать*, *уписывать*, *уминать*, *уплетать*, *наворачивать* отличаются от *есть*, во-первых, стилистически: все они, являясь просторечными, свойственны непринужденной устной речи, в то время как *есть* – слово стилистически нейтральное. Во-вторых, они имеют дополнительные (по сравнению с *есть*) смысловые «добавки»: все они говорят о том, что поглощается большое количество еды, но при этом *жрать*, *лопать* и *трескать* подчеркивают, что едят с жадностью; *уписывать*, *уминать*, *уплетать*, *наворачивать* свидетельствуют об удовольствии, получаемом от еды, а *уминать* указывает ещё и на то, что едят не жидкую пищу. В-третьих, стилистически окрашенные синонимы нередко выражают и эмоциональную оценку. Так, *уписывать*, *уплетать* имеют шуточный характер, *уминать*, *наворачивать* могут выражать грубоватое восхищение, а *жрать* – обычно пренебрежение, неодобрение, реже – восхищение, но может использоваться и как дисфемизм (см. об этом в разделе «Эвфемизмы»).

Синонимы, объединённые тем, что обозначают одно и то же понятие, составляют **синонимический ряд**. Синонимический

ряд возглавляет доминанта или опорное слово, которое представляет собой в современном литературном языке наиболее употребительное, нейтральное, прямое, точное наименование понятия, обозначаемого словами данного ряда. Так, в ряду слов с общим значением ‘незначительный по величине (размеру, объёму)’ доминантой является слово *маленький*. Другие члены этого ряда – *небольшой, крошечный, крохотный, малюсенький, махонький, миниатюрный, микроскопический* и т.д. – вносят в выражение этого понятия то или иное дополнение или уточнение. Например, *небольшой* – так говорят о предмете, который представляется всё же больше, чем маленький. Слова *крошечный, махонький* обозначают признак очень маленького предмета (кроме того, они содержат субъективный компонент значения); *миниатюрный* употребляется, чтобы подчеркнуть не только небольшие размеры, но и определённое изящество; *микроскопический* указывает на то, что данный предмет мал даже для небольших размеров.

В синонимическом ряду *открыть – раскрыть – распахнуть* в значении слов есть разница по параметру интенсивности (в степени отведения створок).

В ряду *идти – брести – плестись – тащиться – тянуться – семенить – шествовать – переться* доминантой является глагол *идти*, который лишь называет действие (‘передвигаться пешком’), но ничего не сообщает ни о скорости передвижения, ни о степени широты шага, ни о состоянии идущего.

Члены синонимического ряда могут отличаться друг от друга наличием в значении одних слов данного ряда и отсутствием в значении других указания на намеренность или, напротив, ненамеренность, случайность действия. Так, глагол *найти* (его значение – ‘заметить что-либо спрятанное, или потерянное, или неизвестное’) ничего не говорит о том, случайным было это действие или намеренным. Его синонимы *отыскать, разыскать, откопать* свидетельствуют, что нахождение чего-то связано с намеренными (и к тому же тщательными) поисками, синоним того же ряда *наткнуться*, напротив, указывает на то, что предмет был найден случайно.

Рассмотрим на примере синонимичных глаголов *украсть*, *стибрить*, *слямзить*, *стянуть*, *спереть*, *уволочь*, *зажулить* разницу в их значении.

Выражение «стибрить» очень тонкое. Оно игривое, почти веселое. Стибруется что-нибудь очень мелкое, не очень ценное, как бы с краю лежащее: карандаши, пилочка для ногтей, записная книжка. Стибруют обыкновенно друзья. Серьезного значения этому проступку не придается, да и тот, кто стибрил, легко может вещь вернуть. Засмеется, скажет: «И на что вам такая дрянь?» И вернет.

«Слямзить» – уже менее игривое. Кто слямзил, тот не вернет, и отопрется да ещё поссорится.

«Спереть» относится к вещи более крупной. Укладчики при перевозке сперли комод, столик, зеркало. Прут тяжело и с трудом, утирая лоб рукавом. Дело невеселое, почти работа, труд рискованный и неблагодарный.

«Уволочь» и «стянуть» – слова почти однозначные. Разве только что волокут (волоком) тяжелое, а тянут кое-что полегче. Но вообще речь идет о предмете большом и мягком: узел с бельем, ковер. Тоже работа тяжелая и серьезная. Это вам не карандаш с пилочкой...

«Зажулить» – выражение хитрое. В него входит не только кража, но и обман. Раз вещь зажулили, выцарапать назад её не удастся. Жулик человек ловкий и вас же в дураках оставит.

Не надо путать слово «зажулить» со словом «зажилить». Здесь дело серьезное. Тут без всякой хитрости и обмана завладел человек вашей собственностью и крепко держит её в лапах. Это человек-жила, с ним судятся. Дело тягучее и тяжкое. Жилы водились большей частью в провинции, завладевали чужим выгоном для скота, каким-нибудь вдовым имуществом, амбаром, овином. Это не просто скупой человек, скряга, жмот. Это человек, нечестно овладевший и не выпускающий из лап.

Вот сколько тонких подразделений для самого простого слова «кража».

И спутать их нельзя, и одно другим заменить нельзя.

Не можете же вы сказать, что кто-то стибрил вашу дачу или уволок луг. Это все зажиливается. И не можете сказать, что приятель уволок вашу зажигалку. Он её игриво стибрил.

Внешне этот отрывок выглядит совсем как фрагмент словарной статьи, посвященной данному синонимическому ряду, из какого-нибудь словаря синонимов. На самом деле это отрывок из рассказа Тэффи, которая удачно показала разницу в значении и употреблении этих слов. Члены данного ряда отличаются друг от друга не только по значению, но и по стилистической маркированности: *украсть* – межстилевое нейтральное слово, не закрепленное ни за каким определенным стилем, *стащить*, *стянуть*, *увести* – разговорные, грубое *спереть* просторечно (эти синонимы свойственны обиходно-бытовой речи, протекающей в условиях непринужденного общения), а *похитить* имеет книжный характер и используется преимущественно в официальной и книжно-литературной речи.

Способность слов вступать в синонимические отношения тесно связана с многозначностью. Многозначное слово в разных своих значениях является членом различных синонимических рядов. Так, прилагательное *большой* в значении ‘значительный по величине, размерам’ (*большая рыба*) образует ряд: *крупный*, *огромный*, *гигантский*, *колоссальный*, *здоровый*, *здоровенный* и т.д. В значении ‘значительный по степени, силе своего проявления’ (большой ветер) оно входит в ряд с доминантой *сильный*, где также есть *мощный*, *могучий*, *порядочный* и т.д. А в значении ‘взрослый’ (*большие дети*) оно является членом ряда *взрослый*, *большой*.

Синонимы в процессе говорения

Все знают: чем больше в языке синонимов, тем богаче язык. Возможности перифразирования, т.е. выражения одной и той же мысли разными способами, непосредственно связаны со степенью развития системы синонимических средств. Свобода ре-

чевого поведения языковой личности определяется в том числе и личным пространством зоны выбора синонимов.

Нередко одно и то же явление можно назвать разными, даже противоположными по оценке словами в зависимости от того, какими глазами мы на него смотрим. Важность выбора синонима или квазисинонима из ряда возможных демонстрирует следующий отрывок (фильм «Ирония судьбы...»):

- Я чувствую, что я меняюсь на глазах. Я становлюсь более...
- Более наглым?
- Более смелым.
- Более бесцеремонным?
- Более решительным.
- Более развязным?
- Более раскованным.

Функциональная нагрузка синонимов в продуктивной речевой деятельности во многом зависит от типа синонима. Рассмотрим основные функции синонимов в речи, исходя из их типологии.

Функции синонимов в продуктивной речевой деятельности

1. Полная или частичная эквивалентность содержания позволяет синонимам выступать в функции **замещения**. Для устранения тавтологии чаще всего используются точные синонимы.

В этой функции синонимы служат средством, разнообразящим речь: *По дороге то и дело встречались ручьи, поющие одну и ту же песню воды. Попадались и лужи* (Ю. Казаков). В данном случае употребление глагола *попасться* вместо *встретаться* не приносит ощутимого уточнения смысла. Эти синонимы используются в приведенных отрывках, очевидно, просто во избежание повторения.

Преодолеть словесное однообразие помогают не только языковые синонимы, т.е. те слова, которые осознаются большинством говорящих как синонимы. Этой же цели служат и авторские, или контекстуальные, синонимы. Известно, напр., что в сатире Салтыкова-Щедрина слово *проговорил* имеет более 30 синонимов, из которых большую часть составляют синонимы авторские: *брякнул, буркнул, бухнул, воскликнул, залаял, хлопнул, рывкнул, заикнулся* и др. Конечно, эти и подобные им контекстуальные синонимы выполняют не только функцию замещения, не только помогают избежать надоедливых повторений, но и указывают одновременно на манеру говорить (*куковала, заклекотал, замычал*), на чувство, состояние, отношение к чему-то или кому-то (*заволновался, встревожился*) и т.д., а тем самым, следовательно, позволяют лаконично и индивидуально охарактеризовать данное лицо.

2. Другой важной функцией синонимов в активных речевых действиях является **метаязыковая** функция. Это значит, что с помощью синонима можно объяснить непонятное слово, что особенно важно при толковании заимствованных слов, терминов, арготизмов и т.п. В этой функции используются не только точные синонимы (ср. *кидать* – это бросать), но и понятийные, так как разница в значении уточняется в толковании. Напр., *имидж* – это искусственно созданный (для какой-либо цели) образ. Синонимические замены метаязыкового характера направлены на достижение взаимопонимания между говорящим и слушающим, автором и читателем.

3. Для выражения **субъективного отношения** говорящего к обозначаемым предметам и явлениям используются экспрессивно-стилистические синонимы.

Синонимы этого типа дают возможность говорящему с разных позиций обозначить одну и ту же ситуацию, по-разному охарактеризовать один и тот же предмет или лицо, выразив к ним свое собственное отношение. Одно и то же событие можно назвать и *революцией* и *государственным переворотом; оккупацией* и *антитеррористической операцией*.

Одну и ту же ситуацию можно назвать и просто *нелепостью* и применить к ней слова *белиберда, галиматья, окоlesiца, чушь*, которые, являясь экспрессивными синонимами к слову *нелепость*, в большей степени обнаруживают эмоциональное состояние говорящего. Речевые предпочтения говорящего выявляют его личностный потенциал, демонстрируют уровень его образованности и интеллигентности, языковой вкус и языковое чутье.

Используя эмоционально-оценочные синонимы, необходимо иметь в виду, что экспрессивно насыщенные слова в процессе их многократного использования подвергаются «девальвации». В ряду слов, состоящем из крайне насыщенных экспрессивно-эмоциональных оценок происходящего (слова типа *ужасно, безобразно, отвратительно, мерзко, чудовищно* и т.п.), более убедительным для слушающего может оказаться неэмоциональное по оценке слово, напр., *плохо*. Ср. также: *Это прекрасная, великолепная, изумительная работа* и *Это очень хорошая работа*, где последнее, нейтральное с точки зрения эмоциональной оценки высказывание имеет больший вес, чем первое, эмоционально насыщенное. Чрезмерно эмоциональная положительная оценка нередко приводит к обратному результату – высказывание может быть расценено адресатом как ирония или даже издевательство. Автора такого, например, официального выступления в нашем недавнем прошлом могли ждать серьёзные неприятности: *Да здравствует наше восхитительное правительство и совершенно потрясающий ЦК!*

4. Одна из существенных функций синонимов – служить средством наиболее **точного обозначения** предмета речи, будь то лицо, предмет, явление или отношение к кому-то или к чему-то. Для наиболее точной и адекватной передачи замысла говорящего, максимально полного раскрытия его коммуникативного намерения используются ресурсы идеографической и экспрессивно-стилистической синонимии. Члены такого синонимического ряда имеют свои особенности, а это значит, что у каждого слова в речи должна быть своя роль, свое назначение. Успешное осуществление коммуникативного намерения говорящего или пишущего, степень воздействия на адресата во многом опреде-

ляются тем, насколько точно представляет он себе возможности того или иного выбираемого слова.

Множество примеров точного выбора слова можно найти в произведениях художественной литературы. Так, напр., А.С. Пушкин написал: *Я памятник себе воздвиг нерукотворный*. В данном контексте наиболее точное слово именно *воздвиг*, а не *создал* или *построил*, так как, судя уже по содержанию стихотворения и его стилистике, более всего подходит именно высокое *воздвиг*, а не книжное *создал* или нейтральные *сделал*, *построил*.

Учёт стилистических различий между синонимами определяет уместность того или иного слова в конкретной ситуации, прикрепленность слова к определенному типу текстов (официально-деловой, публицистический, обиходный и др.). Так, слово *конфиденциальный* как синоним к прилагательному *тайный* употребляется только в книжной речи.

5. Используются синонимы и как средство достижения **комического** и сатирического **эффекта**. Ср.: *Саушкина тилили, пропесочивали, протаскивали, протаскивали, протаскивали, протаскивали, протаскивали*. Кроме того, с него снимали стружку (фельетон Б. Егорова)⁴⁰.

Одним из способов создания каламбура является противопоставление точных синонимов или не различающихся по смыслу в данном контексте: *То потухнет, то погаснет* (загадка); *В одной руке пусто, а в другой ничего* (поговорка). Ср. также: Берлага туманно пояснил: *Я это сделал не в интересах **правды**, а в интересах **истины*** (Ильф и Петров).

6. Неточные синонимы могут использоваться в **эвфемистической** функции, что в ряде случаев определяет успешность общения, так как появляется возможность смягчить воздействие на адресата с помощью синонимов-эвфемизмов. Человеку приятнее услышать о себе, что он *невысокий*, чем *маленький* или *коротышка*. Ср. также: *У тебя волосы не рыжие, а золотые*. Синонимы в этой функции позволяют приспособить речь к

⁴⁰ Часть примеров из: Рахманова Л.И., Суздальцева В.Н. Современный русский язык. М., 1997.

конкретной ситуации общения, ориентируясь на определенного адресата.

7. Синонимы могут выступать в эстетической функции, служить средством **украшения** речи. Для этой цели обычно используются образные (метафорические) синонимы. Ср. *седина* и *серебро волос*, *жёлтые и красные листья на деревьях* и *в багрец и золото одетые леса*.

Способы использования синонимов в речи

Различают два основных способа использования синонимов – **скрытый** и **открытый**, или контактный. При скрытом способе адресат, как правило, способа не ощущает, не осознаёт, поскольку получает уже выбранное по тем или иным соображениям слово.

При открытом способе, когда в непосредственной близости употребляется несколько синонимов, их свойства и особенности, а значит, и мотивы выбора именно этих слов оказываются в той или иной степени ясными.

Существует несколько вариантов открытого способа использования синонимов:

1) В процессе говорения, а ещё чаще в художественной литературе, синонимы употребляются контактно для того, чтобы указать на то или иное различие между изображаемыми лицами, предметами или явлениями, чтобы раскрыть разное отношение говорящего или пишущего к сообщаемому. Ср.: *В Купеческом клубе жрали аршинных стерлядей на обедах. В Охотничьем разодетые дамы кушали деликатесы* (В.А. Гиляровский), где с помощью экспрессивно-стилистических синонимов даётся указание на социальный статус лиц. Этот приём нередко используется в рекламе: **Отведай мисо, наверни борща!** (реклама нового ресторана японской и русской кухни).

2) Другая разновидность открытого способа – прямое противопоставление синонимов по значению: *Мне хочется не есть в человеческом смысле желания пищи, а жрать, как голодному*

волку (Н.А. Лесков). В приведенном примере противопоставлением достигается более точное обозначение состояния персонажа. Кроме того, становится ясно, что даже минимальное семантическое расхождение двух квазисинонимов может быть акцентировано в противопоставлении до такой степени, что бывшие синонимы становятся контекстуальными антонимами. Ср. также: *Письма не было и не было, он теперь не жил, а только изо дня на день **существовал** в непрерывном ожидании, все более томясь этим ожиданием и невозможностью ни с кем поделиться тайной своей любви и муки* (И.А. Бунин).

Для усиления противопоставления используются однокоренные синонимы: *И прежний сняв **венок** – они **венец** терновый, увитый лаврами, надели на него* (М.Ю. Лермонтов).

Другой способ усиления противопоставления – использование отрицания, как в отрывке из романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», где благодаря контрасту и характеру противопоставляемых слов создается сатирический эффект. Ср.: *Ополумевший дирижер, не отдавая себе отчета в том, что делает, взмахнул палочкой, и оркестр не заиграл, и даже не грянул, и даже не хватил, а именно, по омерзительному выражению кота, урезал какой-то невероятный, ни на что не похожий по развязности своей марш.*

Комбинация этих двух средств усиления противопоставления представлена у И.С. Тургенева: *Я по-прежнему верю в добро, в истину, но я **не** только **верю**, – я **верую** теперь.*

3) Производитель текста может в ходе создания речевого произведения сам с собой вступать в диалог, обсуждая разные варианты, отыскивая нужное слово и давая возможность слушателю и читателю «почувствовать разницу»⁴¹: *Бытовой **ипостасью правды** была **искренность**. **Истина** лежала в подтексте, как золотой запас. А в качестве разменной монеты в обращение ввели предельную **честность** и надрывную **откровенность**. Эпоха требовала «назвать кошку кошкой» (П. Вайль, А. Генис).*

⁴¹ См. об этом: Сидорова М.Ю., Савельев В.С. Русский язык и культура речи: курс лекций. М., 2002.

В ряде ситуаций говорящий перебирает синонимы не для того, чтобы найти более точное обозначение тому, что он хочет назвать, а для того, чтобы лучше познать сам предмет, соотнести его с рядом понятий и последовательно сузить их круг. В ходе поиска слова формируется сама мысль⁴².

4) Говорящий или пишущий может использовать ещё одну разновидность открытого способа – нанизывание синонимов, т.е. каскадное использование нескольких синонимов для обозначения, характеристики признака, действия, состояния какого-либо лица, предмета и т.д. В этом случае синонимы играют роль усилительно-уточняющих средств. Используя подряд несколько синонимов, автор как бы ищет среди них наиболее точный в каком-то отношении, или внушает читателю важность того, о чём он говорит, или рисует многообразное либо многократное проявление какого-то признака или действия. Ср.: *Гейне пленил, очаровал, заморозил впечатлительное жадное сердце шестнадцатилетнего юноши* (Куприн); *Ей каждый день нужно было очаровывать, пленять, сводить с ума* (А.П. Чехов).

При открытом способе использования синонимов в перечислительном ряду главной их функцией является усиление экспрессивности высказывания, передача градационных отношений. Нанизывая синонимы, важно помнить, что акцент делается на последнем слове, поэтому синонимы, имеющие градационные различия, должны следовать в порядке нарастания интенсивности признака: *способный, талантливый студент; незначительный, мизерный результат; большой, колоссальный успех*.

Нередко говорящий использует синонимы в перечислительном ряду без специальной смысловой нагрузки, что отражает словесную избыточность современной речи. Ср.: *Он не мог скрыть своего равнодушия и безразличия к обсуждаемой проблеме*. Однако следует отметить, что иногда избыточное, на первый взгляд, употребление синонимов может иметь мотивировку с позиций говорящего: *Это проблема сложная, непростая*, – при ответе на вопрос такое дублирование позволяет говорящему

⁴² См. об этом: Норман Б.Ю. Грамматика говорящего. СПб., 1994. С. 22.

сосредоточиться, увеличить время на обдумывание. В данном случае можно говорить о такой функции синонимов, как заполнение паузы. Другой функцией синонимов в перечислительном ряду является потребность в выражении эмоций, в гиперболизации того, о чем идет речь. В этом случае может повторяться два раза одно и то же слово (*Он умный, умный*) или использоваться синоним, в том числе и точный: *...его, Родионцева, попросту **выкинули, выбросили** на лестничную клетку, как выбрасывают ненужный старый шарф или старую перчатку...* (В. Маканин, «Человек свиты»).

В выборе синонимов проявляется языковая рефлексия говорящего, т.е. его способность размышлять по поводу слов и их значений. Говорящий нередко прибегает к самокоррекции своего высказывания: *Очень много приходится врать. Даже не лгать, а именно врать. По мелочам, ради спокойствия или ерундовой выгоды* (А. Житинский, Русский синонимический словарь К.С. Горбачевича).

Творческий подход к выбору синонима – это возможность для языковой личности проявить свободу своего речевого поступка. Реальные синонимические замены в речевой практике гораздо богаче, чем те, которые нам предлагают словари, но при этом нужно помнить, что творчество в языке лишь тогда продуктивно, когда оно сочетается с большим словарным запасом, языковым вкусом и знанием языковой нормы.

ЭВФЕМИЗМЫ

Понятие эвфемизма

К синонимическим средствам языка относят также эвфемизмы. **Эвфемизмы** (от греч. *eu* – «хорошо» и *phemi* – «говорю») – слова или описательные обороты, служащие в определенных условиях для замены таких обозначений, которые представляются говорящему нежелательными, не вполне вежливыми, неприличными, слишком резкими, грубыми или неуместными.

Как лингвистическое явление, эвфемизмы не являются продуктом цивилизации. Как показывают специальные исследования, они свойственны любой стадии развития языка и общества. Причины существования эвфемизмов не языковые, а концептуальные, основанные на существовании и развитии разнообразных табу. Так, суеверная боязнь прямого названия породила некогда такие эвфемистические обозначения, как *хозяин* вместо *медведь* (слово *медведь*, кстати, тоже давнишний эвфемизм, совершенно вытеснивший прямое название этого животного), *серый* (о волке), *косой* (о зайце) и др.

В современной русской речи наряду с тенденцией к огрублению проявляется и противоположная тенденция – к эвфемизации речи. Эвфемизмы глубоко проникают во все сферы языка и человеческой коммуникации. Эвфемистические замены участвуют в реализации одного из важных условий эффективного общения – ситуативной уместности речи. Уместность речи определяется соблюдением двух предпосылок: слова и выражения должны быть уместны 1) по отношению к содержанию речи и 2) по отношению к адресату и другим участникам общения. Так, например, по отношению к начальнику принято говорить *задерживается* вместо *опаздывает*. В очереди, не желая обидеть незнакомого человека, спрашивают *кто крайний?* вместо *кто последний?* Вуалируя существо дела, говорят *поправился* вместо более точного обозначения *потолстел*. Не желая вызвать отрицательную реакцию, производитель речи нередко говорит о ком-либо: *он недалек* (вместо *глуп*), *позаимствовал* вместо *украл*, *попросили* (откуда-либо) вместо *выгнали*, *уклониться от истины* вместо *соврать* и т.п.

Наряду с более или менее устойчивыми заменами в речи отмечаются смягчающие индивидуально-контекстные обозначения, которые также обычно расцениваются как эвфемизмы. Напр., *И Квашин... искоса поглядел на жену и тещу, чтобы узнать, как подействовала его ложь, или, как он сам называл, дипломатия* (А.П. Чехов); – *Взятки! Что за слово взятки? Сами ж его выдумали, чтобы обижать хороших людей. Не взятки, а благодарность! А от благодарности отказываться грех...* (А.Н. Ост-

ровский). Как эвфемистическое средство, т.е. как средство намеренно неточного, завуалированного обозначения действия, предмета, лица и т.д. могут быть использованы и квазисинонимы, которые были рассмотрены раньше.

В то время как устойчивые замены в определенной своей части соприкасаются с одной из разновидностей табу и становятся (или приближаются к тому, чтобы стать) словарными фактами, контекстуальные – возникают в речи как окказиональные «маскирующие обозначения» неприятных отрицательных явлений. Эти окказиональные замены далеко не всегда основаны на синонимичности соответствующих слов, их назначение как раз в том, чтобы скрыть подлинную сущность обозначаемого. Напр., в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» дается такая характеристика одного из персонажей: *Афанасий Иванович никогда не скрывал, что он был несколько трусоват или, лучше сказать, в высшей степени консервативен. Определения несколько трусоват и в высшей степени консервативен не приобретают характера синонимов. Эвфемизм здесь использован для маскировки подлинной сущности обозначаемого. Первое определение как бы раскрывает внутреннюю сущность второго, маскирующего.*

При выборе эвфемизма в процессе говорения значимы следующие моменты⁴³:

1) оценка говорящим предмета речи как такого, прямое обозначение которого было бы расценено другими членами общества как грубое и неприличное;

2) подбор говорящим таких обозначений, которые не просто смягчают грубые слова, а маскируют, вуалируют суть явления, напр., семантически расплывчатый медицинский термин *новообразование* вместо страшного для адресата *рак* или *опухоль*, иноязычные по происхождению и не совсем понятные термины типа *педикулёз* вместо *вшивость*, слова с диффузной семантикой: *известный, определённый, специальный* и т.п.;

3) зависимость употребления эвфемизма от контекста и от условий речи, которые проявляются в том, что в неформальной

⁴³ Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). М., 2000.

обстановке, в семье, с друзьями, предпочитают прямые обозначения, а не эвфемизмы, а чем жестче социальный контроль речевой ситуации, тем более вероятно появление эвфемизмов;

4) социальная обусловленность представления о том, что может явиться эвфемизмом: то, что в одной социальной среде считается эвфемизмом, в других слоях общества может расцениваться по-другому.

Темы и сферы эвфемизации

Прежде всего подвергаются эвфемизации следующие явления:

1) некоторые физиологические процессы и состояния: *Освободи нос; Дама обошлась посредством платка; Она ждёт ребёнка;*

2) определённые части тела, связанные с понятием «низа»: *мягкое место, пониже спины* и т.п.;

3) отношения между полами: *У них ничего не было; Она ему была не полностью верна* (М. Жванецкий);

4) болезни и смерть: *скончаться, кончиться, уйти; Его не стало; Его нет больше с нами; предать земле*. Темы смерти и похорон, если эти события совпадают с моментом речи, обозначаются преимущественно с помощью эвфемизмов: *проводить в последний путь, ритуальные услуги*. Ср. ряд эвфемистических выражений из романа «12 стульев» Ильфа и Петрова:

— Умерла Клавдия Иванова, – сообщил заказчик.

— Ну, царствие небесное, – согласился Безенчук. – Преставилась, значит, старушка... Старушки, они всегда преставляются... Или богу душу отдают, – это смотря какая старушка. Ваша, например, маленькая и в теле, – значит, преставилась. А, например, которая покрупнее да похудее – та, считается, богу душу отдает <...> А который человек торговый, бывшей купеческой гильдии, тот, значит, приказал долго жить. А если кто чином поменьше, дворник, например, или кто из крестьян, про того говорят:

перекинулся или ноги протянул. Но самые могучие когда помирают, железнодорожные кондуктора или из начальства кто, то считается, что дуба дают. Так про них и говорят: «А наш-то, слышали, дуба дал...».

Эвфемистична речь медицинских работников: *Мы его теряем, он уходит, летальный исход* (вместо *смерть*) и др. Эти сферы эвфемизации можно назвать личными.

Кроме того, явление эвфемизации наблюдается и в различных сферах социальной жизни человека и общества:

а) в дипломатии: *определенные деструктивные силы, непредсказуемые последствия, конфронтация* (о войне), *миротворческая акция* и т.п.;

б) для обозначения репрессивных действий властей: *пойти на крайние меры* вместо *уничтожить*, *высшая мера наказания* вместо *смертная казнь*, *применить санкции* вместо *экономическая или военная блокада*;

в) в административном языке для обозначений статуса социальных и национальных групп: *некоренное население, этническая чистка, группа повышенного риска, лица без определенного места жительства (бомж), дом ночного пребывания, ночной пансионат* (вместо *ночлежка*); *штаб по оказанию помощи вынужденно покинувших места постоянного проживания* (вместо *штаб помощи беженцам*);

г) в именовании некоторых профессий: *оператор машинного доения* – доярка, *оператор на бойне* – забойщик скота, *оператор очистных работ, менеджер по клинингу* – уборщик / уборщица и т.п.

Цели эвфемизации

1. Основная цель, которую преследует говорящий, используя эвфемистические слова и выражения в социальных и межличностных отношениях, – стремление избегать коммуникативных конфликтов и неудач, не создавать у собеседника коммуни-

кативного дискомфорта, поддерживать культурную атмосферу общения. Именно поэтому в речевой коммуникации используются эвфемизмы типа *слабослышащий, слабовидящий, незрячий* (о глухом, слепом человеке); *Он прихрамывает* (о хромом); *заслуженный отдых* ('пенсия'); *взрослый* ('старый'); *Ты не совсем правильно понял* вместо *Ты ничего не понял* и др. Эта цель находится в полном соответствии с постулатом вежливости, сформулированным Г. Грайсом.

2. Другая цель эвфемизации – вуалирование, камуфляж сущности дела. Камуфлирующие наименования наиболее частотны при описании того, что принято скрывать: жизнь лагеря или тюрьмы, работа военных предприятий и особых организаций, в частности КГБ, ФСБ, которые получили специальное наименование – *компетентные органы*. К эвфемизмам этого типа относятся также такие: *учреждение* ('лагерь, тюрьма'); *информатор, доброжелатель* в значении 'стукач'; наименования с первой частью *спец-*: *спецхран, спецотдел, спецконтингент, спецсектор, спецполиклиника, спецназ* и др.

В сфере экономики эвфемизмы используются чаще всего, если речь идёт о повышении цен. В этом случае говорят о *непопулярных мерах, о либерализации цен, об освобождении цен* и т.п. Таким образом власти стремятся смягчить удары, наносимые населению реформами в области экономики.

В военной сфере, если речь идёт о действиях своих войск, не принято говорить об оккупации, агрессии, шпионах и т.п., при этом используются камуфлирующие наименования: *дать адекватный ответ, пойти на крайние меры, миротворческая акция* и пр.

3. Одной из целей эвфемизации является стремление сообщить адресату что-то такое, что было бы понятно только ему. Но очень скоро это становится понятно всем. Напр., в сфере, связанной с обменом, арендой и покупкой жилья, используются такие эвфемизмы: *перспективная семья* (речь идёт о молодой семейной паре, у которой могут родиться дети); *перспективная квартира* (в ней живут старики); *лица без вредных привычек* и др.

Функциональные типы эвфемизмов

В соответствии с целями и сферой действия эвфемистических именовании можно выделить 3 функциональных типа эвфемизмов⁴⁴:

1. Бытовые эвфемизмы, которые используются для обозначения того, что в данном обществе и в данную эпоху считается неприличным: *Этот стакан себя дурно ведёт* (вместо *пахнет*); *Я схожу в одно место* и т.п. Бытовые эвфемизмы употребляются преимущественно в разговорной речи и ограничены кругом представлений из области физиологии и анатомии человека.

2. Этикетные эвфемизмы, которые используются в тех случаях, когда говорящий из опасения обидеть собеседника или какое-нибудь третье лицо избегает прямых наименований: *полный* вместо *толстый*, *он звёзд с неба не хватает* вместо *он посредственность*.

3. Маскирующие эвфемизмы, цель которых вуалировать подлинную сущность обозначаемого явления: *тяжёлое лётное происшествие* (вместо *авиакатастрофа*), рынок рабочей силы (вместо *безработица*), *позаимствовать, взять, не вернуть* (вместо *украсть*).

Политические эвфемизмы также относятся к разряду маскирующих, с их помощью можно манипулировать общественным мнением. Американский лингвист Ч. Огсуд писал, что одни и те же партизаны могут называться *борцами за свободу*, *мятежниками* или *террористами* в зависимости от того, как хотят, чтобы к ним относились люди. Двойные стандарты в политике нередко выражаются с помощью эвфемизмов. Напр., августовский кризис 1998 года в России некоторые политики называли *экономической революцией*, а соответствующую программу по преодолению последствий одни политики именовали *антикризисной*, а другие – *стабилизационной*.

⁴⁴ Москвин В.П. Стилистика русского языка. Волгоград, 2000.

Средства эвфемизации

1. Фоносемантический способ эвфемизации относится в первую очередь к произношению слов чужого языка. Чтобы не произносить иностранное слово, частично или полностью совпадающее по звучанию с табуированным словом в культуре говорящего, применяется либо тактика избегания этого слова, либо намеренное его искажение (особенно это относится к именам собственным). Вариантом фонетической эвфемизации является создание малоосмысленных или бессмысленных слов или словосочетаний на основе вульгаризма (*ёлки-палки, ё-моё, ё-ка-лэ-мэ-нэ* и др.).

2. Эвфемизм как способ непрямого, перифрастического и при этом смягчающего обозначения предмета, свойства или действия соотносителен с другими речевыми приёмами, прежде всего – с **литотой**, понимаемой как приём выразительности, основанной:

а) на двойном отрицании: *небесспорный*, т.е. ‘спорный’, *не без умысла*, т.е. ‘с умыслом’;

б) смещение отрицания из утвердительной части высказывания в модусную: *Думаю, что вы не правы – Не думаю, что вы правы.*

Эвфемизмы также связаны с **мейозисом**, одним из приёмов выразительности, основанном на намеренном приуменьшении интенсивности свойств предмета, действий, процессов, намеренной сдержанности оценок: *Её трудно назвать красавицей* (об уродливой женщине), *не первой свежести, с душком* (о некачественных продуктах), *не лучшим образом* (ср. *Чемпион мира не лучшим образом распорядился своими фигурами в цейтноте*) и др. Для этой цели нередко используются градуальные антонимы с отрицательной частицей **не**: *немолодой* (вместо *старый*), *неумный* (вместо *глупый*), *несильный* (вместо *слабый*), *нетрезвый* (вместо *пьяный*) и др.

3. В качестве средства эвфемизации используются перифразы на основе метонимии: *обойтись посредством платка* (вместо *высморгаться*), *принимать таблетки* (вместо *лечиться*) и ме-

тафоры: *уйти из жизни* вместо *умереть*, *мы его теряем*; *ночная бабочка*, *жрицы любви*.

4. Замена нежелательного слова более широким по значению словом: *отшлёпать ребёнка по одному месту*, *пойти в одно место*, *насекомое* вместо *таракан*, *вошь*, *блоха*. В области социальной и политической это слова с родовым значением вместо конкретных гипонимов: *акция* (расстрел), *объект* (секретный ядерный центр), *продукт* (начинка для атомных бомб), *изделие*, *материал*, *сигнал* и др.

5. Замена слова с негативной оценкой словом нейтральным или с положительной коннотацией (перенесение обозначения с одного вида на другой вид в пределах одного рода): *сочинять* вместо *врать*, *гурман* вместо *обжора*.

6. Использование местоименных слов с диффузной семантикой: *это*, *некоторый*, *соответствующий*, *надлежащий*, *известный*, *определённый* и другие. Избежать ненужной конкретики помогают говорящему и маркеры неопределённости *как бы*, *как будто бы*, *вроде бы*, *кое-что*, *что-то* и др. Ср. *Если кто-то кое-где у нас порой честно жить не хочет...*

7. Аббревиатуры используются в качестве эвфемизмов чаще всего в сферах, связанных с сокрытием государственных и военных тайн: *ВМ* – высшая мера наказания, *ДСП* – для служебного пользования, *СС* – совершенно секретно и др.

8. Глаголы с приставками (**за-**, **под-**), существительные с уменьшительными суффиксами: *подъехать*, *подойти*, *забежать*, *заскочить*, *подвезти* (вместо *приехать*, *прийти*, *привезти*, *довезти*), *неделька*, *часик*, *минуточка* и др. – используются в основном в разговорной речи. Эти эвфемизмы, в частности, призваны, по мысли говорящего, смягчить просьбу, сделать её менее значительной, не требующей больших усилий от адресата: *Подбросьте (подвезите) меня до метро*; *Я подъеду к вам*; *Я заскочу к вам на минутку*; *Позанимайся с моим сыном недельку*; *У меня к вам дельце*; *Не подскажите, который час* и т.п.

9. Слова, обозначающие неполноту действия или слабую степень свойства (с приставками **недо-**, **при-**): *Он недослышит* (о глухом), *Он прихрамывает* (о хромом), *приостановить дея-*

тельность организации (речь идёт не о временном, а о полном прекращении деятельности чего-либо).

10. В качестве эвфемистической замены широко используются иноязычные слова, которые у некоторой части русского общества считаются и более престижными, и более «культурными». В XIX в. дворянская интеллигенция часто прибегала к иноязычным вставкам (обычно французским) в русский текст, которые были призваны «снять» остроту высказывания. В современной речи также довольно много слов-эвфемизмов иностранного происхождения, особенно в сфере медицины и политики: *канцер* (рак), *педикулёз* (вшивость), *деструктивные силы*, *стабилизационная программа*, *шоковая терапия* и т.п.

11. Эвфемистическая зашифровка текста с помощью перечисления фактов, на основании которых адресат сам должен догадаться, о чём именно идёт речь, и сделать соответствующий вывод. Этот способ эвфемизации ещё в большей степени, чем другие из перечисленных средств, опирается на общий для участников коммуникации фонд знаний: *Фредди Меркьюри, Джордж Майкл, Элтон Джон, Сергей Пенкин, Борис Моисеев... Вы всё ещё хотите отправить вашего сына в музыкальное училище?* («Сегодняшняя газета», 2000). Ср. также эвфемистическое обозначение ситуации болезни: *Президент работает с документами*.

Использование данных способов смягченного, косвенного обозначения предмета речи делает эвфемизм своего рода намёком на скрытые смыслы, о которых адресату предстоит догадаться самому.

Наряду с эвфемизмами существуют дисфемизмы, т.е. более прямые и грубые замены эмоционально и стилистически нейтральных слов, напр., *осточертеть* вместо *надоесть*, *пожрать* вместо *поесть*, *спереть* вместо *украсть*, *загрянуть* вместо *упасть*, *сыграть в ящик* вместо *умереть*, *слинять* вместо *уехать* и т.п. Ср. *В начале 80-го я слинял во Францию* (А. Михалков-Кончаловский – об отъезде из России); *Это у меня в башке происходит* (А. Вознесенский – о творческом процессе).

ПЕРИФРАЗЫ

Понятие перифразы

Перифраза (от греч. *periphrasis* – окольная речь, иносказание) представляет собой описательный оборот, образуемый для замены какого-либо общепринятого наименования. Перифразы являются также одним из важнейших средств соотносительности способов языкового выражения.

На лексическом уровне перифразы относятся к синонимичным средствам выражения определённых значений, напр., *голубой экран (телевизор)*, *белое золото (хлопок)*, *слабый пол (женщины)*, *железная леди (Маргарет Тэтчер)*, *голубые каски (миротворцы ООН)*, *чёрные береты (морская пехота)*, *зелёный друг (лес)*, *второй хлеб (картофель)* и т.п. Считается, что перифраза – это один из важнейших способов отказаться от называния чего-либо обычным словом. Необычность перифразы состоит в том, что она, как правило, обладает яркой внутренней формой и сообщает важную информацию об объекте номинации.

Посредством перифразы можно обозначить предмет по одному, а иногда и по целому ряду характерных для него признаков. Так, напр., К. Батюшков в письме к Н.И. Гнедичу называл Украину *отчизной галушек, вареников, волов, мазанок и чубов*. Ср. также, как именует Америку с помощью перифразы Иосиф Бродский: *...не ваш, но и ничей верный друг вас приветствует с одного из пяти континентов, держащихся на ковбоях...* Чем более характерен, чем более существен подмеченный признак, тем более удачна перифраза.

Термином «перифраза» в широком смысле объединяются разные по языковой природе явления – и описательные характеристики и оценки (*голый – в костюме Адама*), и глагольные пары (*вредить – приносить вред*, *советовать – давать советы*), и перифразы на уровне текста: *Уж гаснет пламень мой, схожу я в хладную могилу* – умираю (А.С. Пушкин). Существует мнение,

что собственно перифразы следует отличать от **описательных предикатов**, т.е. от глагольно-именных словосочетаний, синонимичных глаголам (ср. *подвергать критике* и *критиковать*, *производить ремонт* и *ремонттировать*, *принимать пищу* и *есть*, *питаться*). Описательный предикат, или расщепленное сказуемое, используется преимущественно в официальной речи, а соответствующий глагол, как правило, имеет межстилевой характер⁴⁵. Описательный предикат по сравнению с синонимичным ему глаголом обладает более широкими возможностями в плане лексической сочетаемости, ср. *давать ценные (полезные) рекомендации* – при невозможности **ценно (полезно) рекомендовать*, *подвергнуть резкой (нелицеприятной, уничтожающей) критике*, но нельзя **нелицеприятно*, **уничтожающе критиковать*. Основной функциональной особенностью перифрастических (описательных) предикатов, оправдывающей их наличие в лексико-фразеологической системе языка, является их способность уточнять и конкретизировать передаваемое значение с помощью определений к существительным, что даёт говорящему большую свободу в их использовании.

По характеру номинации перифразы принято подразделять на образные и логические. **Образные** перифразы основаны на метафоре (*солнце русской поэзии* вместо *А.С. Пушкин*) или метонимии (*белые воротнички* вместо *служащие*). **Логические**, или необразные, перифразы состоят из слов, употреблённых в их точных лексических значениях: *автор «Евгения Онегина»*, *город на Неве*, *Остров Свободы*. Перифразы поддаются развёртыванию. Возможность простой развертки образной перифразы говорит о том, что перед нами метонимия: *белые воротнички* → *люди в белых воротничках* – *люди, которые носят одежду с белыми воротничками*. Возможность пояснения перифразы через сравнение свидетельствует о том, что мы имеем дело с метафорой: *царь зверей* → *лев как царь среди зверей*.

⁴⁵ См. об этом подробнее: Москвин В.П. Стилистика русского языка. Волгоград, 2000.

Сферы перифразирования

Чаще всего объектами перифразирования становятся имена собственные известных лиц, напр., государственных деятелей: *маленький корсиканец* (Наполеон), *вождь мирового пролетариата* (В.И. Ленин), *любимая бабушка нации* (английская королева); учёных: *холмогорский мужик*, *холмогорский рыбарь*, *русский Леонардо да Винчи*, *основатель Московского университета*, *создатель первой русской грамматики* (М.В. Ломоносов), *отец водородной бомбы* (Сахаров); спортсменов: *русская ракета* (Павел Буре); артистов, деятелей культуры: *король рок-н-ролла* (Элвис Пресли), *патриарх отечественного джаза* (О. Лундстрем); поэтов и писателей: *солнце русской поэзии* (А.С. Пушкин), *певец Фелицы* (Державин), *создатель «Недоросля»* (Фонвизин) и др. Перифразы имён собственных называются апеллятивными.

Объектами перифразирования нередко становятся названия городов (*город на Неве* или *северная Венеция*, ср. также: нем. *Elbflorenz – Дрезден*), стран (*Туманный Альбион*, *Страна восходящего солнца*, *Страна утренней свежести*, *Страна кленового листа*, *Страна пирамид*, *Страна тюльпанов*), материков (*чёрный континент*, *континент ковбоев*), гор (*крыша мира* вместо *Памир*), других географических объектов. Соответствующие перифразы называются топонимическими.

Некоторые из таких объектов вызывают особенно активное образование перифраз. Ср. Санкт-Петербург – *культурная столица*, *криминальная столица*, *северная столица*, *северная Пальмира*, *северная Венеция*, *град Петров*, *град Петра*, *город на Неве*, *город белых ночей*, *город мостов и каналов*, *окно в Европу*, *город трёх революций* и т.п. Перифразирование является мощным источником синонимии.

Техника перифразирования

Умение составлять перифразы – не только профессиональное качество журналиста, но и важная черта идиостиля любого пишущего человека, выявляющая богатство и разнообразие его

речи. Перифразы образуются по определённым синтаксическим моделям, напр., родовое имя + конкретизирующее прилагательное (*ночное светило, дневное светило*); родовое имя + род. п. конкретизирующего имени существительного (*светило ночи, светило дня*); слово *певец* (создатель, творец, автор) + род. п. темы (*певец Литвы* вместо *Мицкевич*, *певец Руслана и Людмилы* вместо *Пушкин*); слово *город* + указание на место его расположения (*город на Темзе, город на Сене, город на Волге, город на Волхове*); слово *город* + род. п. сущ., характеризующего жителей, проживающих в нём (*город невест* вместо *Иваново*, *город оружейников* вместо *Тула*) и др. Каждая из таких моделей лежит в основе ряда построенных по одному образцу перифраз.

Перифразы в продуктивной речевой деятельности

Перифразы наиболее часто встречаются в газетной публицистике, в устной публичной речи, в языке художественной литературы. В перифразах, как отмечал Л.В. Щерба, выделяется один какой-то признак, а все другие как бы затушёвываются. Это качество даёт возможность говорящему или пишущему поместить в фокус изображения именно те черты, на которых он хочет сделать акцент, выдвинуть на передний план какое-либо качество или свойство описываемого явления или понятия, наиболее значимого в данной ситуации.

Перифразы не только позволяют избежать повторений, но и выражают оценку объекта, усиливают выразительность и эффективность высказывания, являются богатым резервом синонимических средств языка. Перифрастические единицы способствуют донесению информации в форме, наиболее доступной для восприятия.

Рассмотрим функции перифраз в речи более подробно.

Функции перифразирования

1. Перифразы в функции **замещения**, как средство, устраняющее тавтологию, используются в публицистике, критике, в ху-

дожественной литературе. Ещё Паскаль отмечал, что «в известных случаях **Париж** следует называть Парижем, а в других его надо величать **столицей государства**». Ср. также перифрастическое варьирование лексических единиц *продавец* и *работник прилавка* в примере из публицистики: *От **продавца** и других работников сервиса требуется сейчас значительный рост мастерства. Всему этому **работников прилавка** нужно терпеливо учить* (А.Б. Новиков. Словарь перифраз русского языка, М., 1999). В этой же функции находим перифразы, напр., в поэзии: *Гляжу ль на **дуб** уединенный, Я мыслю: **патриарх лесов** / Переживёт мой век забвенный, как пережил он век отцов* (А.С. Пушкин). Вторичная номинация (*патриарх лесов*), использованная поэтом, избавила от необходимости дважды повторять слово *дуб* или заменять его местоимением *он*. Обращение к перифразам помогает избежать монотонности описания, устраняет повторы. Так, напр., в статьях о Пушкине можно встретить такие номинации, как *гениальный ученик Державина, блестящий приемник Жуковского, певец «Руслана и Людмилы», автор «Евгения Онегина», создатель русского литературного языка*.

Варьирование в тексте различных номинаций (*Лев Толстой, знаменитый писатель, автор «Войны и мира», гений мировой литературы*) не только разнообразит речь, но и способствует созданию общей тональности текста, напр., возвышенной или, напротив, иронической.

При использовании перифраз в качестве замещающих средств нельзя производить подстановку автоматически, чередуя *телевидение с голубым экраном, а Пушкина – с автором «Евгения Онегина»*. Бездумное чередование без учёта смысловых, стилистических и иных различий между словами перифрастического ряда часто приводит к тому, что замещающее средство заштамповывается и однообразность речи, с которой боролись, выступает снова, хотя и в новом обличье.

2. В функции **украшения** речи используют образные (поэтические) перифразы: *розоперстая Эос* (вместо *заря*), *царица ночи, серебристый серп* (ср. *луна*), *ночной певец любви* (ср. *соловей*), *лесная флейта* (ср. *иволга*), *посланец Вселенной* (*метеорит*) и др.

Одна и та же тема (напр., *пруд покрылся льдом*) у разных авторов может раскрываться как с помощью прямых наименований или метафор, так и с помощью текстовых перифраз на основе метафоры. Ср.:

*Журча ещё бежит за мельницу ручей,
Но пруд уже застыл...*(А.С. Пушкин);
*Волшебницей зимой весь мир преобразован;
Цепями льдистыми покорный пруд окован...*(П. Вяземский).

В художественной литературе перифразы (образные и логические) выполняют эстетическую функцию. Ср. *Последнее, о чём следует не говорить, а просто кричать, – это о безобразном обращении с Окой – чудесной, второй после Волги нашей русской рекой, колыбелью нашей культуры, родиной многих великих людей...* (К. Паустовский).

3. В **игровой** функции (с расчётом на комический эффект) используются так называемые шуточные перифразы, напр., *нюхательная часть тела* вместо *нос* (Н.В. Гоголь), *рыцарь вырезки* вместо *мясник*, *лицевая часть головы* (Ю. Герман) или *морда лица* вместо *лицо*, *зелёная зима* вместо *русское лето*, *первые морды страны* (о собаках президента США Джорджа Буша) по аналогии с перифразой *первые лица страны*. Кроме того, известная перифраза может переосмысляться: *Я очень люблю своего четвероногого друга... Это моя кровать* (из разговорной речи).

4. Перифраза может выступать в качестве **средства создания иронического контекста**. В этой функции обычно выступают общеизвестные перифразы, которые становятся штампами. Ср. использование перифразы названия города в заголовке спортивного репортажа – *«В городе трёх революций обошлось без четвёртой»*.

5. В функции, **регулирующей характер общения** между коммуникантами, употребляются эвфемистические и дисфемистические перифразы. Цель перифраз-эвфемизмов – смягчить негативное воздействие на адресата, избежать грубых и вульгарных слов, резких выражений. К перифразам-иносказаниям прибегают из боязни, из неловкости прямо назвать что-

то. Вспомним хотя бы гоголевскую даму, которая *обошлась посредством платка*, т.е. высморкалась. Ср. также: *Они обменялись любезностями* вместо *Они обругали друг друга*. В разговорной речи активно используются эвфемистические перифразы типа: *наставить рога, ждать прибавления в семействе, в интересном положении* и т.п. Иногда говорящий или пишущий просто не хочет называть вещи своими именами и прибегает к разного рода дипломатическим перифрастическим выражениям: *Купфер, как и следовало ожидать, попал в её дом и стал к ней близким, ...злые языки уверяли: слишком близким человеком* (И.С. Тургенев). Ср. употребление других перифраз-эвфемизмов: *неизлечимая болезнь* (вместо рак), *казённый дом* (вместо тюрьма), *ночная бабочка, дама с камелиями* (вместо проститутка) и т.п.

Перифразы типа *чума XX века* (СПИД), *белая смерть, белый яд* (о наркотиках), *ласковый убийца* (вирус гепатита) призваны усилить производимое впечатление, отвлечь потенциальных слушателей или читателей от описываемых негативных явлений, бороться с ними.

6. Перифразы нередко используются в функции **пояснения** малоизвестных адресату речи слов или имён собственных. Ср. *Персидский поэт Саади – лукавый и мудрый шейх из города Ши-раза – считал, что человек должен жить не меньше девяноста лет* (К. Паустовский). Перифразы, служащие для разъяснения тех или иных понятий, широко представлены в лексикографической практике, в научной и учебной литературе.

7. Перифразы часто используются в **экспрессивно-оценочной** функции: *каменные джунгли* (вместо город), *чёрное золото* (вместо уголь), *мягкое золото* (вместо пушнина), *железная леди* (Маргарет Тэтчер), *Моцарт биржи, алхимик финансов* (Джордж Сорос), *русский Колумб Урала* (Ермак).

Для современной эпохи более характерно использование перифраз в средствах массовой информации. Обращение к перифразам в жанрах, не допускающих излишней экспрессивности (в протоколах, отчётах и т.п.), может способствовать созданию комического эффекта, на который автор не рассчитывал. Ср. Мэ-

рия проявляет постоянную заботу о благоустройстве жилых кварталов; три четверти города занято **зелёными друзьями**⁴⁶.

Перифразы языковые и речевые

Перифразы можно подразделить на **речевые**, или ситуативные (*нюхательная часть тела, патриарх лесов*), и **языковые**, т.е. устойчивые, освоенные языком, вошедшие в его лексикон (*люди в белых халатах, наши меньшие братья, зелёный друг, чёрное золото*). Языковые перифразы фразеологизируются, они воспроизводимы, общеприняты и понятны всем говорящим на этом языке, поэтому перифразы, получившие статус языковых, нередко относят к сфере фразеологии. По наличию / отсутствию в тексте перифразируемого слова среди перифраз можно выделить **зависимые** и **самостоятельные**. Самостоятельные перифразы, особенно речевые, требуют для своей дешифровки приложения некоторых интеллектуальных усилий и коммуникативной компетенции. В плане адекватного восприятия перифрастические единицы, употреблённые в речи без базового слова, предполагают наличие одинаковых фоновых знаний у говорящих и слушающих. В сфере этих знаний возможна асимметрия. Так, в частности, людям, не знакомым с кругом интересов мэра Москвы Ю.М. Лужкова, может показаться непонятным, о ком идёт речь в таком сообщении: *Помогут ли пасечникам новые технологии **главного пчеловода Москвы?*** (телепрограмма «Вести», 14.08.2003). В восприятии может возникнуть сбой также и по причине множественности интерпретаций в том случае, если перифразы оказываются неоднозначными, напр., *чёрные береты* – это бойцы ОМОНа или морская пехота?

Индивидуально-авторские перифразы, построенные на основе метафоры, понятны только в определённом контексте: *Осуждён я на каторге чувств вертеть жернова поэм* (С. Есенин).

⁴⁶ Пример из книги Голуб И.Б. Стилистика русского языка. М., 2002. С. 147.

Перифразы-штампы, сформировавшиеся в условиях газетно-публицистической речи, приобретают устойчивую эмотивность, способную вызвать определённые ожидания у читателя. Так, напр., словосочетания типа *люди в солдатских шинелях*, *люди в белых халатах* настраивают читателя на возвышенно-сентиментальный лад, но эти читательские установки в современных СМИ могут намеренно нарушаться в том случае, если журналист прибегает к иронии.

Неудачное использование перифраз, особенно в информативных жанрах, может стать причиной неясности или исказить мысль автора. Ср. *В гости к жителям города придут **народные мстители*** (о встрече с бывшими партизанами); *Перед зрителями выступают опытные **укротители огня*** (речь идёт о пожарных, а не об артистах цирка, как можно было подумать).

АНТОНИМИЯ

Сущность антонимии как лексической категории

Антонимия – это выражение в языке противоположности с помощью специальных слов – антонимов (от греч. *anti* – против и *όνομα* – имя). Психологическая основа существования антонимии – ассоциация по контрасту, логическая – противоположные и противоречащие понятия. Антонимы – слова, как правило, одной части речи, имеющие противоположные значения. Антонимы противопоставляются по самому существенному для их значения семантическому признаку и находятся на крайних, полярных точках лексико-семантической парадигмы. Антонимия, являясь одной из языковых универсалий, свойственна всем языкам. Ср. *любовь – ненависть*, (*a*) *love* – (*a*) *hate*, (*un*) *amour* – (*une*) *haine*, (*die*) *Liebe* – (*der*) *Hass*, (*el*) *amor* – (*el*) *odio*.

Антонимия возможна только внутри одной сущности. Антонимы отражают такие различия между соотносительными, однородными предметами, явлениями, признаками или процессами, которые имеют контрастный, взаимоисключающий

характер. Напр., глагол *ненавидеть* своим значением отрицает значение глагола *любить*: *ненавидеть* – предельно не любить; *вражда* – это предельное отрицание понятия *дружба*, полное отсутствие каких-либо дружеских чувств. Для возникновения антонимических отношений очень важным является наличие в значении противопоставляемых слов общей логической основы для установления семантического контраста. Основу антонимии образуют несовместимые противоположные видовые понятия, входящие в объём соответствующего родового понятия: *легкий* – *тяжёлый* (вес), *теплый* – *холодный* (температура), *большой* – *маленький* (размер), *молодой* – *старый* (возраст).

В связи с этим выясняется, что далеко не каждое слово может иметь антоним, так, напр., большинство существительных с конкретной неоценочной семантикой не имеет антонимов: *мяч*, *автобус*, *огурец*, *сапог* и т.д. Нет антонимов у имён собственных, у числительных, многих глаголов. Логическая модель противоположности реализуется в языке как антонимия только у тех слов, которые обозначают качество, противопоставленную направленность действий, состояний, признаков, свойств, а также у ограниченного круга слов со значением пространственных и временных координат. Поэтому *садиться* (на стул) – *вставать* (со стула) являются антонимами, а *сидеть* – *стоять* истинной антонимии не выражают.

Наряду с точными антонимами в речи широко используются «приблизительные», неточные антонимы, которые нередко называют **квазиантонимами** (Ю.Д. Апресян). Квазиантонимы – это семантически неоднородные слова, которые различаются по степени интенсивности признака, по наличию или отсутствию оценки и т.п. Так, напр., оппозиция *давать* – *отнимать* не представляет собой точной противоположности, поскольку в значении глагола *отнимать* есть указание на применение силы при совершении действия, а в семантической структуре глагола *давать* этот компонент значения отсутствует. Прилагательные *бездонный* и *мелкий* различаются не только тем, что обозначают большую и малую глубину, но и степенью обозначаемого признака: *бездонный* – очень большой глубины, *мелкий* – не-

большой глубины. Ср. можно сказать: *очень мелкая река*, но нельзя сказать *очень бездонная пропасть*. Так же различаются пары слов: *лютый* – *лёгкий* (мороз); *порядок* – *каша* (ср. *порядок* – *беспорядок*); *победа* – *крах* (ср. *победа* – *поражение*); *маленький* – *великий* (ср. *маленький* – *большой*). Если говорящий использует в речи неточные антонимы, то он, как правило, стремится уравнивать их семантический вес за счёт добавления новых слов с соответствующим интенсификатором значения: *Все наши дамы были без ума от нового гостя. Они резко разделились на две стороны, – в одной обожали его, а в другой ненавидели до кровомщения; но без ума были и те и другие* (Ф.М. Достоевский). Симметричность противопоставления *обожать* ('сильно любить') – *ненавидеть* в данном контексте достигается за счёт сложения смыслов: 'сильно ненавидеть' = 'ненавидеть + до кровомщения'. Квазиантонимами являются и стилистически разноплановые противопоставления: *жениться* – *разжениться* (прост.), *дух* – *плоть* (устар.) и др. Данные пары отражают редко воспроизводимую противоположность. Однако неточные контекстуальные антонимы в метафорических значениях могут регулярно воспроизводиться в речи в составе устойчивых сочетаний как эталоны определённых качеств, напр., *польнь* – *мёд* (ср. *горечь* – *сладость*), *снег* – *сажа* (ср. *белый* – *чёрный*, *чистый* – *грязный*): *Речи, что мёд, а дела, что польнь* (пословица); *Речи, что снег, а дела, что сажа* (пословица).

Осознание противоположности в языке всегда опиралось на определённую точку отсчёта – норму. Ещё Аристотель говорил, что добродетель – это золотая середина между двумя крайностями, напр., существует противопоставление из двух членов: *безрассудство* – *трусость*, а между ними, посередине, но ближе к безрассудству – *мужество*, *храбрость*. Человеческая коммуникация устроена таким образом, что сообщения фокусируются в основном на отклонениях от нормы и стереотипов жизни. Этим и объясняется отчасти широкая употребительность антонимов в речи. Ядро антонимии выделяют по параметру 'больше нормы – меньше нормы' (Ю.Д. Апресян).

При **широком** понимании в пределах антонимии рассматриваются также корреляты по признаку пола: *мужчина – женщина*; родственных отношений: *муж – жена, брат – сестра*; эмоциональной сферы: *гордость – скромность* и др.

Рассмотрение антонимов с позиций говорящего побуждает расширить рамки антонимии и включить в неё не только однословные антонимы, относящиеся к одной части речи, но и такие противопоставления, как *на север – в южном направлении, входит – быть на выходе* и др. В реальной речи в семантическое противопоставление могут вовлекаться и слова, антонимами не являющиеся, но имеющие противоположные признаки, которые относятся к коннотативной периферии семантики слов: *рыба – мясо, конь – лань, ангел – дьявол, зять – тёща* и т.п. Семантический контраст в антонимии может смещаться в зависимости от контекста: *Сумеешь ли ты превозмочь всё то ложное и недоброе, что уготовано тебе во многих житейских испытаниях, где трудно различимы даже противоположности – любовь и измена, страсть и равнодушие, искренность и фальшь, благо и порабощение...* (В. Распутин).

В политической коммуникации выделяют так называемые прагматические антонимы, которые образуют пару с подвижной структурой, т.е. противопоставление допускает возможность разного лексического наполнения в соответствии с меняющейся политической ситуацией. Ср.: *демократы – патриоты, демократы – коммунисты, народ – правительство* и т.п.

В результате экспериментальных исследований выявляется индивидуальное осознание антонимии. Поэтому нужно различать антонимы как явление системы языка и антонимы контекстуальные, возникающие в индивидуальной речи или в определённом языковом коллективе.

Существует некоторая зависимость между тем, какие именно явления воспринимаются как диаметрально противоположные, и профессиональными, возрастными, этнографическими особенностями данного языкового коллектива. Исследователи (И. Грицкат, Л.А. Новиков) заметили, что у детей в возрасте 3–4 лет своеобразную противоположность образуют слова *дядя* и

тётя, рука и нога; по отношению к словам *целый, весь* стеклорез будет считать противоположным слово *разбитый*, портной – *распоротый* или *разорванный*, другие мастера – *сломанный, раздробленный, разбитый*, а художник, фотограф и архитектор – *фрагментарный*. Существуют и авторские, контекстуальные антонимы: *Они сошлись: Волна и камень, стихи и проза, лёд и пламень не столь различны меж собой* (А.С. Пушкин).

Семантические классы антонимов

Применительно к языковой антонимии говорят о разных видах противоположности⁴⁷, на основе которых выделяются следующие семантические классы антонимов, выделение которых помогает разграничить функции антонимов при говорении.

1. Антонимы, выражающие качественную противоположность, реализуют градуальную (ступенчатую) оппозицию, которая характеризует постепенное изменение качества, свойства, признака и т.п. Такие антонимы называют **контрарными** (Л.А. Новиков). Между ними часто находятся слова, обладающие средним, семантически нейтральным значением: *крупный – средний – мелкий; большой – средний – маленький; холодный – (прохладный – тёплый) – горячий; красивый – (симпатичный – средний – невзрачный) – безобразный* и т.д. Антонимами являются слова, находящиеся на крайних точках данной лексической парадигмы. Значения, соответствующие концам градационной шкалы, представлены в лексике богато и разнообразно, а центральная часть – бедно. Срединной части шкалы соответствуют такие прилагательные, как *средний, нормальный, обычный, стандартный, посредственный*. Концы шкал разветвлены, словам, обозначающим полярные противоположности, обычно соответствуют экспрессивные синонимы, поскольку именно отклонения от нормы возбуждают эмоции. Ср. *маленький – малю-*

⁴⁷ Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. М., 1997. Раздел «Лексикология».

сенький, крохотный, крошечный, миниатюрный и др.; *большой – большущий, громадный, огромный, гигантский, грандиозный, колоссальный* и др.

«Глубина» антонимической парадигмы зависит от сочетаемости антонимов; ср. *холодный – горячий* (о воде), но *холодный – тёплый* (приём), *холодный – жаркий* (климат). Отрицание одного из членов парадигмы не даёт автоматически значение другого: *не холодная (вода)* не значит *горячая*, возможно, *тёплая, прохладная, как парное молоко* и т.п.

К первому классу антонимов примыкает небольшая группа обозначений временных и пространственных координат, не являющихся качественными словами, но обладающих ступенчатыми парадигмами: *передний – средний – задний* (ряд, вагон); *позавчера – вчера – сегодня – завтра – послезавтра; прошедшее – настоящее – будущее*.

2. Антонимы, дополняющие друг друга до целого, выражают дополнительную (комплементарную) противоположность. Это оппозиция только из двух членов, между значениями которых «без остатка» распределена определенная семантическая область. Такие антонимы называют **комплементарными**. Между ними нет среднего понятия, члены такой пары абсолютно противопоставлены друг другу: *присутствовать – отсутствовать, истинный – ложный, правильный – ошибочный, добровольный – принудительный, конечный – бесконечный, органический – неорганический, женатый – холостой, война – мир, жизнь – смерть, можно – нельзя* и т.п. Отрицание одного из двух членов даёт значение другого: ср. *не + слепой = зрячий, не + соблюдать = нарушать, не + вместе = врозь* и т.п.

Как правило, антонимы этого типа не допускают градацию по интенсивности признака, и на этом строится языковая игра: *Он слегка женат; Она чуть-чуть беременна* и т.п.

3. Антонимы, выражающие противоположную направленность действий, признаков и свойств, образуют **векторную противоположность**: *входить – выходить, подниматься – опускаться, одеваться – раздеваться, ускорять – замедлять, восход – заход, увеличение – уменьшение, фашистский – антифашистский, вперёд – назад, в – из, к – от* и т.п.

Особую группу составляют глаголы, обозначающие разнонаправленные действия, одно из которых уничтожает результат другого: *создать – разрушить, зажигать – тушить, родиться – умереть, утверждать – отрицать, отрыть – зарыть, приклеить – отклеить, пришить – отпороть, засекретить – рассекретить, уйти – прийти, взять – отдать* и т.п. Существенной особенностью такого рода антонимически противопоставленных слов является то, что отрицание одного из членов такого противопоставления не обуславливает само по себе представления о втором из них: *не создал* – не значит *разрушил*; *не утверждает* – не значит *отрицает*; *не приклеил* – не значит *отклеил* и т.д.

У всех единиц, относящихся к той или иной лексической категории, есть определённый общий признак, напр., у синонимов – эквивалентность, а у антонимов инвариантный признак – это предельное отрицание, свидетельствующее об их крайнем расположении на оси противоположности: *входить – выходить* (*входить* – идя начинать находиться где-нибудь; *выходить* – идя, переставать находиться где-нибудь). Пару антонимов *начинать – переставать* можно истолковать как *начинать – начинать не* (ср. *начинать петь – переставать петь*, где *переставать петь* – это *начинать не петь*). Таким образом, различие глаголов сводится к глубинному отрицанию, которое также предельно, т.к. они обозначают диаметрально противоположно направленные действия. Несмотря на наличие инвариантного признака, границы антонимии на отдельных лексико-грамматических участках подвижны и изменчивы. Так, напр., зыбкость границ между эмоциями, чувствами и приблизительность наших представлений о них имеют результатом значительную неопределённость и подвижность антонимии в этом лексико-семантическом разряде, ср. *любовь – ненависть, любовь – презрение, любовь – равнодушие, уважение – презрение, уважение – пренебрежение* и т.п.

С точки зрения **структурной**, антонимы делятся на разнокоренные (*высокий – низкий, весёлый – грустный, левый – правый*) и однокоренные (*прилетать – улетать, влезать – слезать, свя-*

зывать – развязывать; вкусный – невкусный, зачёт – незачёт, научный – антинаучный, сильный – бессильный). Разнокоренные антонимы воспроизводятся в речи как готовые лексические единицы, а однокоренные могут не только воспроизводиться, но и создаваться в процессе порождения высказывания в зависимости от потребности говорящего.

Многозначность и антонимия

Если слово является многозначным, оно может иметь несколько антонимов, которые соотносятся с разными значениями этого слова, напр., в прямом значении: *лёгкий – тяжёлый* (портфель). В переносных значениях слово *лёгкий* имеет другие антонимы: ср. *лёгкий – тяжёлый* (характер), но *лёгкий – трудный* (урок), *лёгкий – плотный* (завтрак), *лёгкий – сильный* (мороз), *лёгкое – суровое* (наказание). Многозначное слово в своём основном значении может не иметь антонима, но в переносных значениях вступает в антонимические связи с другими словами. Так, слово *зелёный* (в значении цвета) антонима не имеет, но *зелёные* фрукты противопоставляются *зрелым*; *зелёный* специалист – *опытному*. Ср. также: слово *глухой* в прямом значении ('не обладающий слухом, плохо слышащий') антонима не имеет, но существуют антонимические противопоставления в его переносных значениях: *глухой – открытый* (воротник), *глухая – шумная* (улица).

Антонимические связи так же устойчивы в сознании носителя языка, как и синонимические, что обнаруживает себя в ходе порождения текста. Антонимия в речевой деятельности образует своего рода незримый, но постоянный фон, на котором происходит выбор слова. Антонимы держат на себе текст, помогают его организовать⁴⁸. В этом смысле текст, построенный на антонимии многозначных слов, может стать «ловушкой» для собеседника:

⁴⁸ Об этом: Норман Б.Ю. Грамматика говорящего. СПб., 1994.

- Да, я бессердечная!
- Нет, вы сердечная.
- Я бездушная.
- Нет, вы душевная.
- Я сухая.
- Нет, вы мокрая (из кинофильма «Служебный роман»).

Итак, многозначность ведёт к появлению антонимов, соотнесительных с разными значениями слова. Кроме того, антонимы могут быть различным выражением одной и той же лексической функции (см. об этом подробнее раздел «Лексические функции»). Так, например, *свежий* в широком значении ‘не бывший в употреблении’ имеет в качестве антонима либо *старый* (если речь идёт о журнале), либо *грязный* (о воротничке), либо *шаблонный* (об идеях, подходах), либо *усталый* (о лошадях). Ср. также: *тихий* – *быстрый* (о течении реки), *тихий* – *громкий* (о голосе), *тихий* – *шумный* (квартал). Различие антонимов на лексическом уровне объясняется «привязанностью» их к определённым словам. В антонимических парах *свежий* – *чёрствый* (хлеб); *свежие* – *тухлые* (яйца) отражена оппозиция: ‘не потерявший – потерявший свои хорошие качества’. В значении ‘не подвергавшийся обработке – подвергшийся обработке’ представлены следующие оппозиции: *свежее* – *мороженое* (мясо); *свежие* – *сушёные* (фрукты); *свежий* – *солёный* (огурец); *свежая* – *квашеная* (капуста) и т.д. Ср. также: *свежий* – *тёплый* (о ветре); *свежее* – *зловонное* (о дыхании) и др.

Особый тип антонимии представляет собой **энантиосемия** – поляризация значений одного слова, или внутрисловная антонимия, т.е. противоположность значений одного и того же слова. Энантиосемию необходимо учитывать и в продуктивных, и в рецептивных видах речевой деятельности, напр., *слава* может быть доброй и дурной, поэтому высказывание *О нём пошла слава по всему городу* без уточняющего контекста непонятно. Высказывание *Врач решил это лекарство оставить* не может быть понято однозначно, вопреки замыслу говорящего, так как значение глагола *оставить* поляризовано: 1) ‘сохранить в преж-

нем виде', т.е. продолжать принимать; 2) 'отменить, отказаться'. Непонятны и такие предложения: *Проверяя глубину посева, агроном обошёл пятый участок* (проверил его или пропустил?); *Они убрали ёлку* (Выбросили или украсили?); *Меня очень заинтересовала идея, брошенная моим другом* (Друг подал идею или, наоборот, отказался от неё?).

Контрастируются значения многих слов: *оговориться*₁ (намеренно) – *оговориться*₂ (нечаянно); *одолжить*₁ (кому-нибудь денег) – *одолжить*₂ (у кого-нибудь денег); *просмотреть* ('ознакомиться') – *просмотреть* ('не заметить'); *прослушать* (внимательно курс лекций) – *прослушать* (не услышать слова лектора, занимаясь посторонним делом), *нести* ('приносить в дом') – *нести* ('уносить из дома'). Ср. также: *задуть домну* и *задуть свечу*; *отказать в просьбе* и *отказать наследство*; *запустить* – 'начать работу чего-либо' и *запустить* – 'привести в упадок'; *подозрительный человек* – 'тот, кто всех подозревает', и, наоборот, – 'тот, кого подозревают'; *бесценный* и *бесценнок*. В результате энантиосемии у прилагательного *определённый* (т.е. 'точно назначенный, установленный') развилось значение неопределённости, синонимичное значениям местоимения *некоторый*: ср. *имеются определённые недостатки, в работе допущены определённые ошибки*. Поляризованы и значения слова *наверное*: 'вероятно, по-видимому, может быть' и 'точно, определённо'. Ср. *Я чувствовал, что мать меня сейчас хватится и пойдёт разыскивать, так как братья и сестры, наверное, уже спят* (В.Г. Короленко) и *Если я буду знать наверное, что умереть должна.., я вам тогда всё скажу, всё!* (И.С. Тургенев).

На смешении поляризованных значений слова строится языковая игра:

– Дяденька Хрущёв, это вы запустили ракету?

– Я, мальчик.

– А сельское хозяйство?

– Кто тебя научил такое говорить?

– Папа.

– Так вот, скажи папе, что я умею сажать не только кукурузу...

Как видно из примеров, энантиосемия представляет собой взаимодействие антонимии и омонимии.

Довольно распространённой является речевая энантиосемия, на основе которой строится такой приём, как **антифразис**, т.е. употребление слова (обычно с особой интонацией) в смысле, противоположном его словарному значению для достижения эффекта иронии: *Ну и красив!* (в значении 'очень некрасив'); *Откуда, умная, бредёшь ты голова?* (обращение к Ослу в басне И.А. Крылова); *Ну и чистый!* (о чём-нибудь или о ком-нибудь грязном). В письменной речи, чтобы избежать возможного непонимания, используется особый графический приём, придающий слову противоположное значение – кавычки: *На месте преступления им предстояло увидеть немало «приятного».*

Антифразис часто используется в текстах, пронизанных авторской иронией. Ср. *Два почтенных мужа, честь и украшение Миргорода, поссорились между собой* (Н.В. Гоголь).

Энантиосемия чаще возникает в том случае, если исходное понятие оценивается положительно: *Аккуратный ты наш!* – о неряхе; *народный умелец* – о человеке, ничего не умеющем делать; *Какой молодец!* – о провинившемся ребёнке и т.п.

Итак, оценочная направленность слова определяется не только его словарным значением. В результате смены контекста оценка значения слова может измениться радикальным образом, причём слова-инвективы (бранные слова) тоже могут изменить свой отрицательный знак на положительный⁴⁹:

Вишь, какой батько! – подумал про себя старший сын, Остап, – всё, старый собака, знает да ещё и прикидывается! (Н.В. Гоголь).

А Ермолаев говорит: «Вы такая сволочь, такая настоящая сволочь, такая хорошая сволочь, что вы лучший в спектакле!» Уланава с Тимофеевой тоже поздравляли (М. Лиёпа – «Огонёк», 1989, № 35).

– Как лихо отплясывает Пальма, – сказал Вант. – Скотина...

⁴⁹ Примеры взяты из книги: Жельвис В.И. Поле брани. М., 2001.

- *Зачем так грубо?* – улыбнулся Петерис.
– А я люблю его.
– Действительно?
– Действительно. А может, завидую. Но очень добро. Без зла (Ю. Семёнов).

В последнем примере реакция слушателя на слово *скотина* была сначала стандартной (*Зачем так грубо?*), но собеседник довольно быстро понял, скорее всего, по интонации говорящего, что в данном случае *скотина* – это выражение добродушного панибратского отношения (ср. *улыбнулся Петерис*).

В современную эпоху усилилась тенденция использовать слова с эмотивной отрицательной семантикой в положительном значении: *Каков подлец!* (с восхищением). Ср. также: *чума, чумовой* (знак высокой оценки в молодёжном жаргоне), *я ласковый мерзавец* (из популярной песни), *обаятельный гад, шок* ('приятное потрясение', ср. *я в шоке* – в молодёжном жаргоне используется в значении 'в восторге') и т.п.

Противоположность может подчёркиваться различной лексической сочетаемостью, конструктивной обусловленностью, особыми графическими приёмами, разным интонационным оформлением, поэтому речевая энантиосемия не влияет, как правило, на процесс понимания, но она имеет значение для говорящего, так как позволяет ему выразить свою оценку, не прибегая при этом к прямым обозначениям свойств и качеств, вызывающих отрицательные эмоции. Энантиосемия получила широкое распространение в современной журналистике, когда в зависимости от идеологической позиции печатного органа одно и то же слово используется с противоположным оценочным знаком: ср. *коммунист, демократ, патриот, коллективизм, индивидуализм* и др.

Внутрисловная антонимия не является специфически русским языковым средством, она характерна и для других языков, напр., во французском языке слово *sacre* имеет значения 'священный, святой' и 'чёртов, проклятый', в немецком языке *der Held* – 'герой' и 'трус'.

В переводческой деятельности необходимо обращать внимание на наличие межъязыковых антонимов в родственных языках, появившихся в результате развития энантиосемии. Так, напр., в восточнославянских и болгарском языках слова с корнем *-вон-* имеют значение ‘плохой запах’, а в западнославянских языках (чешском и польском) эти же слова имеют противоположное значение – ‘хороший, приятный запах’. Ср. в чешском языке: *vůně* – ‘благоухание, аромат’, *voněti* – ‘хорошо пахнуть, благоухать’, но *zápach* – ‘вонь’, *pacnouti* – ‘вонять’; польск.: *wóń* – ‘запах’, *wonieć* – ‘пахнуть, благоухать, обонять’. Ср. также: русск. *урод* – ‘человек с физическими недостатками, очень некрасивый’, польск. *uroda* – ‘красота, миловидность’, укр. *врода* – ‘красота, краса’, *вродливий (уродливий)* – ‘красивый, пригожий’.

Функции антонимов в продуктивной речевой деятельности

Основные функции антонимов ярче всего раскрываются при контактном употреблении в процессе говорения или письма. Семантические функции антонимов тесно связаны с важнейшими сферами деятельности человека и являются оценочным выражением его мыслей, чувств, воли.

Важность использования антонимов далеко не исчерпывается потребностью говорящего найти образное противопоставление или подчеркнуть полярные проявления того или иного признака, качества, свойства. Как показали современные исследования по когнитивной лингвистике, способом хранения информации являются сценарии, или фреймы. Своего рода «мини-сценарием» является и антонимическое противопоставление. Как названия дней недели, месяцев и т.п. представлены в сознании словно в одной «упаковке», так же не существуют изолированно и члены антонимического противопоставления. Антонимы не только взаимно отрицают, но и предполагают друг друга. Рассмотрим, в каких ситуациях и с какой целью производитель речи прибегает к антонимам.

1. Говорящий или пишущий чаще всего прибегает к антонимам при выражении **противопоставления** одного явления другому. Ср. *Он не молодой, а, напротив, старый*. В такого рода конструкциях второй член противопоставления легко предсказывается:

Иванов раньше был добрым, а сейчас, напротив, стал...

Петров толстый, а Сидоров, напротив, ...

Любой человек, владеющий русским языком, без труда продолжит данные высказывания, употребив соответствующие антонимы. Ср. невозможность продолжить высказывания типа:

Это не кровать, а, напротив, ...

Опустив слово *напротив*, можно получить практически бесконечное количество вариантов: *Это не кровать, а диван, раскладушка, кресло, стул* и т.п.

Антонимы представляют собой воспроизводимые микросистемы.

С помощью антонимов часто строится антитеза – стилистическая фигура, представляющая собой сопоставление резко контрастных понятий или образов для усиления впечатления, производимого на читателя: *Вы свет, а я похож на тьму; Вы веселы, а я печален; Вы параллельны ко всему, а я, напротив, вертикален!* (А.К. Толстой); *Сырой овраг сухим дождём росистых ландышей унизан* (Б.Л. Пастернак).

Противопоставление усиливает эмоциональность речи. Поэтому не случайно, что в основе многих афоризмов лежит антонимия: *Мне грустно потому, что весело тебе* (М.Ю. Лермонтов); *Как мало пройдено дорог, как много сделано ошибок* (С.А. Есенин); *Дома новы, но предрассудки стары* (А.С. Грибоедов).

На противопоставлении нередко основаны пословицы и поговорки: *Глупый осудит, а умный рассудит; Когда деньги говорят, тогда правда молчит; Старое старится, молодое растёт; Мягко стелет, да жёстко спать; При сытости помни голод, при богатстве – бедность*. По принципу антитезы построены многие названия произведений: «Толстый и тонкий», «Живые и мёртвые», «Дни и ночи». Особенно часто используется антонимия в функции противопоставления в заголовках газетных и журналь-

ных статей, призванных привлекать внимание читателя к полемически заостренным вопросам: *Россия и ОПЕК: союзники или конкуренты? Бедность при богатстве; Доходы и расходы* и т.п.

Сложная (многочленная) антитеза характерна для художественной литературы, в частности для произведений М.И. Цветаевой, поэтика творчества которой во многом основана на экспрессии контраста:

*Полюбил богатый – бедную,
Полюбил учёный – глупую,
Полюбил румяный – бледную,
Полюбил хороший – вредную,
Золотой – полушку медную.*

Целиком на антитезе строится и знаменитое стихотворение М.И. Цветаевой «Вчера ещё в глаза глядел...», где практически в каждой строфе есть антонимы либо языковые, либо контекстуальные: *Я глупая, а ты умён. Живой, а я остолбенелая*. Через антитезу с использованием антонимов реализуются в тексте глубокие философские обобщения: *Время родиться и время умирать... Время разрушать и время строить... Время любить и время ненавидеть... Время войне и время миру* (В.П. Астафьев, «Царь-рыба»). Материалом для антитезы могут быть все виды антонимов.

Если субъект речи хочет усилить впечатление, производимое антитезой, он может прибегнуть к различного рода повторам, напр., использовать однокоренные антонимы: *У сильного всегда бессильный виноват* (И.А. Крылов); *И я несчастлив оттого, что счастлив* (Е. Евтушенко); *Он думает, что он законченный актёр, а он конченный актёр* (К. Станиславский). По мнению некоторых учёных⁵⁰, для выражения крайних противоречий используются именно однокоренные антонимы. Такой тип антитезы особенно характерен для газетных заголовков: *Неблаговидные дела под благовидным предлогом, Неюбилейные мысли по юбилейному поводу, Неофициальное об официальном* и др.

⁵⁰ Москвин В.П. Стилистика русского языка. Волгоград, 2000. С. 111.

Семантика противоположности может выражаться в зависимости от намерений субъекта речи категорично или, напротив, сдержанно, мягко. Это осуществляется с помощью антонимов-эвфемизмов, которые образуются с помощью приставки **не**: *красивый – некрасивый* (ср. *безобразный*), *добрый – недобрый* (ср. *злой*), *молодой – немолодой* (ср. *старый*) и т.п. По мысли Н.Д. Арутюновой, из отрицания градуированного признака выводится своего рода «серединная» характеристика субъекта, при этом *неглупый*, напр., располагается на шкале противопоставлений чуть ближе к её позитивному краю, а *неумный* – к негативному. Получается, что тот, кто не умён, глупее того, кто не глуп, а градационная шкала по этому признаку выглядит следующим образом: *умный – неглупый – неумный – глупый*. В эвфемистических целях используются в основном контрарные антонимы, так как именно они предполагают возможную градацию противопоставления: ср. *молодой – старый* и *молодой – немолодой* или *молодой – пожилой*. Следует отметить при этом, что эмоциональное переживание человеком возрастных изменений сдвигает *пожилой* с позиции среднего, осевого термина ряда *молодой – пожилой – старый* в область правого члена оппозиции. К эвфемистическим обозначениям в сфере возраста относятся и такие, как *он уже давно взрослый*, *люди пенсионного возраста*, *женщина элегантного возраста*, *она родилась очень давно* и некоторые другие. Как правило, антонимы комплементарного типа реже используются для «смягчения» производимого впечатления, но в выражениях типа *Он не совсем здоров; Это было полуправдой; Это не совсем верно* зафиксировано эвфемистическое употребление членов антонимической парадигмы этого типа. Истинный смысл данных выражений – ‘болен’, ‘неправда, ложь’, ‘неверно’.

2. Говорящий или пишущий прибегает к антонимам и в том случае, если хочет показать **чередование**, быструю смену или последовательность противоположных явлений. Типичной для выражения данного смысла является конструкция *то..., то...:*

*Любви страстной, беспокойной, то **сладкой**, то **горькой** как полынь, какую прежде возбуждала во мне Наталья Гавриловна, уже не было* (А.П. Чехов);

*Дыша то **радостью**, то **грустью**,*

И я мгновеньям отдаюсь,

И, как река стремится к устью,

К безбрежной дали я стремлюсь (В.Я. Брюсов);

*Полковника бросало то в **жар**, то в **холод** – ангина сегодня, кажется, готова была окончательно свалить его* (К.М. Симонов);

*Запах палого листа и дыма висел над садами, то **усиливаясь**, то **ослабевая** от неуверенных нажимов ветра* (К.Г. Паустовский).

Реже это значение может выражаться и другими конструкциями: *Он не ответил, встал и в задумчивости начал ходить **взад и вперёд*** (Ф.М. Достоевский).

Для передачи значений чередования, последовательности чаще используются контрарные и векторные антонимы.

3. Говорящий прибегает к антонимам и в том случае, если ему нужно наиболее контрастно выделить какое-либо явление, действие, признак. В таком случае это явление, действие или признак утверждается, а противоположное, с помощью антонима, отрицается, что придаёт высказыванию сильную экспрессию. Ср., например:

*Русская душа ушиблена ширью, она не видит грани, и эта безграничность не **освобождает**, а **порабощает** её* (Н.А. Бердяев);

Скорбеть** надо, а не **радоваться (А.П. Чехов);

*Не **ленись**, а **трудись**, на чужое не **льстись*** (пословица).

Подобное соединение антонимов способствует тому, что значение одного из них, употреблённого без отрицания, усиливается,

подчёркивается. Речевая избыточность здесь оправданна, она выполняет конструктивную функцию – служит средством актуализации понятия, на которое говорящий хочет обратить внимание: *Я был собственником «Русского слова», но не **явным**, а **тайным*** (И.Д. Сытин); Ср. *Я был тайным собственником «Русского слова»*, где мысль выражена более экономно, но менее заострённо.

Ту же функцию выполняет сравнительная конструкция с использованием антонимов: *Мы можем сказать про человека, что он чаще бывает **добр**, чем **зол**, чаще **умён**, чем **глуп**, чаще **энергичен**, чем **апатичен**, и наоборот* (Л.Н. Толстой).

4. У производителя речи может возникнуть потребность в обозначении чего-либо неопределённого, среднего, неяркого, «стёртого», для чего нет особого названия, поскольку, как уже отмечалось, срединная часть шкалы противоположностей бедно представлена в языке. В этом случае говорящий (пишущий) прибегает к отрицанию сразу двух экстремальных признаков, что достигается с помощью конструкций с двойным отрицанием, при этом значение «крайних» оценок нейтрализуется, сводится к некоторой усреднённой норме: *Говорил он **ни громко, ни тихо**, а совершенно так, как следует* (Н.В. Гоголь); *Кипренский писал **ни хорошо, ни плохо** – что-то погасло внутри* (К.Г. Паустовский). Ср. также: *Если друг оказался вдруг и **не друг**, и **не враг**, а так...* (В. Высоцкий). Такой приём, служащий для обозначения промежуточного качества, свойства между двумя противоположными, называют диатезой. Классический пример диатезы находим у Н.В. Гоголя при описании Чичикова: *В бричке сидел господин, не красавец, но и недурной наружности, не слишком толст, не слишком тонок; нельзя сказать, чтобы стар, однако же и не так, чтобы молод*. Ср. также: *Вошёл человек неопределённых лет, с неопределённой физиономией, в такой поре, когда трудно бывает угадать лета: не красив и не дурен, не высок и не низок ростом* (И.А. Гончаров); *Подле неё сидел человек средних лет, с одним из тех лиц, которые не поражают вас ни телесным безобразием, ни душевной красотой, которые не привлекают вас и не отталкивают* (В.Ф. Одоевский).

Диатеза допускает замену конструкции с двойным отрицанием словами *средний, никакой, нормальный, так себе* и др. в том случае, если употребляются антонимы контрарного типа: *не умный и не глупый (посредственный), ни стар ни молод (средних лет), не жарко и не холодно (нормально)*.

Диатеза может быть представлена также антонимами комплементарного типа: *ни жив ни мёртв, не болен и не здоров, не холост и не женат, ни да ни нет, между жизнью и смертью, не сыт и не голоден* и др. Такие высказывания отмечены гиперболой или иронией. В этом случае замена словами типа *средний, нормальный* невозможна, поскольку у антонимов данного типа отсутствует средний член противопоставления.

5. С помощью антонимов можно описывать целое, опираясь на крайние, полярные точки и используя конструкции: *и ... и, от ... до, с ... до* и др. Ср. фразеологизированные конструкции: *зимой и летом* (всегда), *и здесь, и там* (везде), *вдоль и поперёк* (полностью), *и стар и млад* (все), *размышлять о концах и началах, от первого до последнего, от мала до велика, с восхода до заката, снизу доверху* и др. Антонимы в этой функции используются для охвата всего класса предметов, для объединения видовых понятий в родовое: *Вокруг городка день и ночь мокнут растрёпанные ржаные поля* (К.Г. Паустовский); *Вы не поверите, они измучили меня со всех сторон, все, все, и враги... и друзья* (Ф.М. Достоевский); *И поздно желать, всё минуло: и счастье и горе* (Вл. Соловьёв); *Много я видел на своём веку домов, больших и маленьких, каменных и деревянных* (А.П. Чехов); *В русском языке все тоны и оттенки, все переходы звуков от самых твердых до самых нежных и мягких* (Н.В. Гоголь).

6. Говорящий нередко использует антонимы в функции **взаимоисключения**, организуя при этом высказывание с помощью союза **или**: *У него было о людях одно-единственное мнение – хорошее или плохое, он им или верил, или нет* (К.М. Симонов); *Нечего там философствовать, вредно это или полезно* (А.П. Чехов); *Я заметил, что хохлушки только плачут или хохочут,*

среднего же настроения у них не бывает (А.П. Чехов); *Смотрю я на тебя и думаю: умный ты или глупый* (К.М. Симонов).

7. В процессе высказывания антонимы часто используются для создания каламбура, для выражения образного сравнения, оценки различных сторон обозначаемого, меры проявления того или иного признака: *Сколько же надо постичь глупости, чтобы оценить мудрость* (С.А.); *Где начало того конца, которым оканчивается начало?* (К. Прутков); *Было так поздно, что стало уже рано* (А.И. Солженицын); *Москвичей скоро переселят из старых хрущёвок в новые; В России две напасти: Внизу – власть тьмы, а наверху – тьма власти* (В. Гиляровский).

8. Антонимы в речи нередко служат для обозначения того, как одно свойство или качество превращается в противоположное, выражают противоречие, амбивалентность как совмещение противоположных начал в чём-либо, антонимы при этом соединяются с помощью союза **и** или предлога **с**: *Он идёт, святой и грешный, русский чудо-человек* (А.Т. Твардовский). Известный русский философ Н.А. Бердяев, отмечая поляризованность русского характера, говорил, что в нём сочетаются *доброта с жестокостью, душевная тонкость с грубостью, крайнее свободолюбие с деспотизмом, альтруизм с эгоизмом, самоуничужение с национальной гордыней и шовинизмом*; ср. также: *И здесь, как и везде, в вопросе о свободе и рабстве души России, о её странничестве и её неподвижности, мы сталкиваемся с тайной соотношения мужественного и женственного* (Н.А. Бердяев); *Ты и убогая, Ты и обильная, Ты и могучая, Ты и бессильная, Матушка-Русь!* (Н.А. Некрасов).

Одним из результатов соединения антонимов является **оксиморон**, или оксиморон (от греч. *οξύμωρον* – букв. ‘остроумно-глупое’), т.е. преднамеренное объединение в смысловое целое двух или нескольких контрастных, логически несовместимых по значению единиц с целью показать противоречивость, сложность или необычность ситуации, явления, объекта: *Плохой хороший человек* (название кинофильма); *И невозможное воз-*

можно, *Дорога дальняя легка* (А.А. Блок); *Дидро был прав, когда говорил, что искусство заключается в том, чтобы найти необыкновенное в обыкновенном и обыкновенное в необыкновенном* (К.Г. Паустовский); *Хочу увидеть свободную Россию, драгоценно несвободную только от собственной совести* (Е. Евтушенко). Ср. также: *Мы расстались **друго-врагами** и долго не встречались, как будто даже раззнакомились.* (Б. Зайцев).

Средства создания оксюморона

Наряду с антонимами в создании оксюморона нередко принимают участие противопоставленные по смыслу слова, которые являются разными частями речи.

1) Чаще всего это модель прилагательное + существительное: *грешный ангел; непохожее сходство, беззащитный защитник, знакомый незнакомец, вечное мгновение* (А.А. Блок), *образованная невежественность* (Н.С. Лесков), *учёный неуч* (А.П. Чехов), *умный дурак* (М.А. Шолохов), *молодая старость* (И.А. Бунин).

Ср. необычность новых понятий, созданных соединением контрастных по значению слов: *Погружаясь в **холодный кипяток** нарзана, я чувствовал, как телесные и душевные силы мои возвращались* (М.Ю. Лермонтов); *Есть **тоска весёлая** в алости зари* (С.А. Есенин); *Но **красоты их безобразной** я скоро таинство постиг* (М.Ю. Лермонтов); *Пришла пора **всезнающих невежд*** (В. Высоцкий). Эта модель часто встречается в названиях литературных произведений: «*Живой труп*», «*Живые мощи*», «*Оптимистическая трагедия*», «*Горькая сладость*», «*Горячий снег*», «*Богатый нищий*». Представлена она и в заголовках газетных статей: «*Крупные мелочи*», «*Дорогая дешёвизна*», «*Сложная простота*» и т.п.;

2) Другая модель создания оксюморона основана на примыкании: сказуемое, выраженное глаголом или кратким прилагательным, + наречие с противоположным значением: *О как ей весело грустить, Такой нарядно обнажённой* (А.А. Ахматова);

Всё, что так нежно ненавижу. И так язвительно люблю (В. Ходасевич); *О как мучительно тобою счастлив я* (А.С. Пушкин); *Нагло скромн дикий взор* (А.А. Блок);

3) Для выражения противоречия используется также генитивная конструкция (сущ. + сущ.): *Ты, меня любивший фальшью Истины – и правдой лжи* (М.И. Цветаева);

4) Реже используется конструкция, в которой противоположные значения выражаются подлежащим и сказуемым: *В ту ночь мы сошли друг от друга с ума, Светила нам только злоеющая тьма* (А.А. Ахматова).

Намеренное столкновение логически и семантически противоположных понятий – приём эффективный, но злоупотребление им приводит не к усилению воздействия, а к его ослаблению.

9. Нередко говорящий или пишущий осознанно использует в речи один антоним вместо другого, разрушая тем самым автоматизм восприятия: *Олимпийское беспокойство* (вместо *олимпийское спокойствие*), *Аппетит уходит во время еды* (о некачественном питании), *закон несохранения, бюро злостных услуг* и т.п. Обычно этот приём используется для создания иронии, выражения отрицательной оценки. Эффективное средство воздействия на адресата, используемое в публицистике и в рекламе, – формальная антонимия, т.е. игра на многозначности слов, составляющих антонимическую пару: ср. *Бесплатный вход – это выход* (реклама мобильной связи); *Этот чёрный Белый дом; Молодая была уже не молода* (И.А. Ильф и Е.П. Петров); *На улице идёт дождь, а нападающий совсем сухой – он не забил ни одного гола* (из телерепортажа с футбольного матча).

Проблема отсутствия антонимов и способы её разрешения

В процессе порождения речи нередко выявляют себя такие случаи, когда потребность выразить противоположное понятие у говорящего есть, а соответствующего антонима (однослов-

ного) нет. Как уже отмечалось, в плане выражения отработаны именно те понятия и те части понятийных систем и противопоставлений, которые в сообщениях информативны, а обязательное, обычное, норма вещей именуется только в особых случаях, когда в этом есть потребность, напр., есть глагол *шутить*, но нет однословного антонима к нему (ср. *говорить серьёзно*), к глаголу *лгать* также нет антонимического глагола, а есть сочетание *говорить правду*. Ср. *Лгать я не хочу, а правду сказать не могу*.

Причина, разумеется, не в том, что ложь или шутка настолько редки, что их констатация чрезвычайно информативна. Дело тут в том, что нравственное общественное установление требует правдивых (серьёзных) речей и тем самым относит, в частности, говорение правды к этическим пресуппозициям речевого общения (ср. постулаты Грайса, а также Никитин 1997, 475). В том случае, когда у говорящего (пишущего) возникает коммуникативное намерение, связанное с противопоставлением одного понятия другому, а готового антонима нет, то выход из такого положения видится либо в использовании свободных словосочетаний, эквивалентных слову, или фразеологизмов с тем же значением, либо в создании окказионального антонима. Ср. *И сказал он, что хотел, не прямо, а окольным путём* (А.П. Чехов); *Всегда у него было такое выражение, что нельзя было понять, шутит он или говорит серьёзно* (А.П. Чехов). Маркированные оценочные слова, относящиеся к разряду экспрессивных, чаще всего вступают в антонимические отношения со свободным словосочетанием: *кляча – хорошая лошадь, лачуга – хороший дом, хлам – полезные (нужные) вещи, тупица – умный человек, виршеплёт – хороший поэт* и т.п. В антонимические отношения со свободным сочетанием вступают и слова в метафорических значениях: *медведь* (в значении 'неуклюжий человек') – *ловкий человек*; *лиса* (в значении 'хитрый человек') – *бесхитростный человек*; *маляр* (в значении 'плохой художник') – *хороший художник* и т.п.

Надо отметить, что появление антонимов в языке тесно связано со словообразованием. Если на какой-либо ступени словообразования нет антонимической соотнесённости дериватов

из-за отсутствия в языке одного из слов, то антонимами также будут слово и свободное сочетание. Так, напр., в русском языке есть антонимы *подлый* – *честный*, *подло* – *честно*, но существительное *подлец* соотносится со словосочетанием *честный человек*: *Хороший **подлец** всегда лучше плохого **честного человека*** (А.М. Горький); ***Подлец** я! Если бы я был **честным человеком**, я рассказал бы ей всё... всё!* (А.П. Чехов). Аналогичные отношения представлены в парах: *мошенник* – *честный человек*, *жулик* – *порядочный человек*, *мертвец* – *живой человек* и др. Есть случаи, когда место отсутствующего существительного занимает субстантивированное прилагательное: *Писать **большое** очень скучно и гораздо труднее, чем писать **мелочь*** (А.П. Чехов). Пустые места среди производных антонимов могут заполняться потенциальными словами. Так, напр., в антонимической парадигме *глупый* – *умный*, *глупо* – *умно*, *глупеть* – *умнеть* возможно появление пары *глупость* – *умность*. Ср.: *Во мне огонь горит ровно и вяло, без вспышек и треска – не совершаю я поэтому ни выдающихся **глупостей**, ни заметных **умностей*** (А.П. Чехов).

Создание новых слов и заимствование приводят к увеличению антонимических (квазиантонимических) пар. В последние годы в современном русском языке наметилась тенденция к появлению новых пар: *массово* – *эсклюзивно*, *силовые* – *политические (методы)*, *порядок* – *беспредел* и др.

КОНВЕРСИЯ

Понятие конверсива

Понятие конверсности (конверсии), или обратного отношения, возникло первоначально в высшей алгебре для обозначения таких явлений, когда обратное и прямое отношение обладают тождественными свойствами. В грамматике и лексике конверсия (от лат. *conversio* – ‘изменение, превращение’) – это способ выражения обратных отношений языковых единиц в исходном и производном высказываниях.

Конверсивы – это слова, которые показывают одно и то же событие с разных точек зрения, поворачивая его разными сторонами. В лингвистике обычно различают грамматические и лексические конверсивы. Наиболее простые случаи конверсивов – это грамматические конверсивы, т.е. соотносительные формы глаголов действительного и страдательного залогов, например, *Ученые проводят опыты. – Опыты проводятся учеными.* Ясно, что оба предложения описывают одну и ту же ситуацию – проведение опытов, но первое предложение сообщает нам в большей степени информацию об ученых, а второе – об опытах. Грамматическая конверсия связана с различными способами выражения субъекта и объекта. Лексическая конверсия в отличие от грамматической представлена не формами одного слова, а разными словами. Лексические конверсивы выражают следующие отношения:

1) субъекта и объекта: *Штора пропускает свет. – Свет проходит сквозь штору; Он женился на ней – Она вышла за него замуж; Ибсен испытал влияние Чехова – Чехов оказал влияние на Ибсена;*

2) субъекта и адресата (контрагента): *Он продает квартиру мне. – Я покупаю у него квартиру; Фирма арендует помещение у института. – Институт сдаёт фирме помещение в аренду;*

3) объекта и места: *мазать хлеб маслом – мазать масло на хлеб; поклеить стены обоями – поклеить обои на стены* и т.п.

Таким образом, мы видим, что конверсивы – это такие пары слов, которые выражают двусторонние отношения, представляют одну и ту же ситуацию в разных направлениях и с различной расстановкой акцентов.

Нередко конверсивы сближают с синонимами и антонимами. Что между ними общего и что их различает? Как и синонимы, конверсивы описывают одну и ту же ситуацию. Но в отличие от синонимов конверсивы имеют обращенную ролевою структуру, т.е. участники ситуации, описываемой с помощью конверсивов, как бы меняются местами, при этом набор ролей (актантов) включает в себя, как минимум, две семантические валентности. Если сравнивать конверсивы с антонимами, то не-

трудно обнаружить, что они связаны между собой идеей обратности, особенно это относится к векторным антонимам (*войти в комнату – выйти из комнаты*). Но у антонимов в большинстве случаев валентности совпадают по содержанию, а у конверсивов они имеют обращенную структуру. Кроме того, антонимы обозначают противоположные ситуации, а конверсивы и синонимы – одну и ту же ситуацию.

Семантические типы конверсивов

Какие содержательные типы ситуаций дают возможность говорящему прибегнуть к конверсии? Говорящий может воспользоваться конверсивами в тех случаях, если ситуация связана с такими обобщёнными значениями, как:

1) ‘состав, наличие, обладание’: *Окружение президента составляли известные политики – Окружение президента состояло из известных политиков; Он располагает важной информацией – У него есть важная информация;*

2) ‘заполнение объёма, времени’: *В кастрюлю входит два литра – Кастрюля вмещает два литра; Подготовка к экзамену заняла всю неделю – Вся неделя ушла на подготовку к экзамену;*

3) ‘превращение’: *Из воды получился пар – Вода превратилась в пар;*

4) ‘приобретение/утрата’: *Слово приобретает новое значение – У слова появляется новое значение; Мы истратили все деньги – У нас кончились все деньги;*

5) ‘передача’: *Он одолжил мне деньги – Я занял у него деньги; Она продает нам дачу – Мы покупаем у неё дачу;*

6) ‘соположение в пространстве и времени’: *Олимпиада по русскому языку предшествовала экзамену по истории – Экзамен по истории следовал за олимпиадой по русскому языку; На газете лежит журнал – Журнал лежит под газетой;*

7) ‘зависимость, причинно-следственные отношения’: *Конъюнктура определяет цены – Цены зависят от конъюнктуры и т.д.*

Конверсивы, как синонимы и антонимы, могут быть неполными, неточными, в таком случае они называются квазиконверсивами (Ю.Д. Апресян). Ср. *завешать стену картинами* (вся поверхность стены покрыта картинами) – *повесить картины на стену* (степень покрытия стены неизвестна); *заставить комнату мебелью* – *поставить мебель в комнату* и т.д.

Рассмотрим, что является для говорящего источником средств конверсных преобразований.

Источники и техника лексической конверсии

1. Готовые конверсивы.

Хотя словарей конверсивов пока не существует, но любой человек, свободно владеющий русским языком, располагает набором готовых лексических средств для конверсных преобразований.

Отношения конверсии оказываются характерными прежде всего для глаголов. Выделяются лексически полнозначные конверсивы типа *покупать* – *продавать*, *опираться* – *поддерживать*, *сдавать* – *снимать (квартиру)*, *сдавать* – *принимать (экзамен)*, *экспортировать* – *импортировать*, *опережать* – *отставать*, а также устойчивые глагольные сочетания типа: *впадать (в отчаяние)* – *овладевать*, *побеждать* – *терпеть поражение*, *получать в подарок* – *дарить*, *нести (ответственность)* – *лежать*, *приносить (пользу кому-либо)* – *извлекать* и т.п.

Конверсивами могут быть и фразеологические единицы: *Работа захватила его целиком* – *Он с головой ушёл в работу*; *Он был на волосок от смерти* – *Смерть смотрела ему в лицо*; *Он не справится с этой работой* – *Эта работа ему не по плечу*.

Среди существительных конверсивами являются чаще всего отглагольные существительные: *победа команды Франции над Португалией* – *поражение Португалии от команды Франции*; *выигрыш* – *проигрыш*; *взятие* – *сдача города*; *импорт* – *экспорт*; *приём* – *передача*; *власть денег над человеком* – *зависимость человека от денег*; *господство* – *подчинение*. Ср. также: *Лень была*

причиной всех его неудач – Все его неудачи были следствием лени.

Другая часть речи, обладающая необходимыми свойствами для развития конверсных отношений, – это союзы. Ср. *Режиссёр заболел, и **потому** премьеры не состоялась – Премьера не состоялась, **потому что** режиссёр заболел*; или: *Премьера состоялась, несмотря на то, что заболел режиссёр – Заболел режиссёр, но тем не менее премьеры состоялась.*

Аналогичным образом могут быть использованы антонимичные векторные предлоги, обозначающие положение в пространстве или времени: *за – перед, над – под, до – после* и др. Ср.:

Он пришёл до меня – Я пришёл после него;

Вы стоите перед ней – Она стоит за вами;

Перед обедом – прогулка – После прогулки – обед.

Антонимы нередко выступают в качестве готовых конверсивов, если они описывают одну и ту же ситуацию: *выиграть – проиграть, победа – поражение, успех – провал* и т.п. Ср. «Спартак» **переиграл** «Динамо» со счётом 3:2 и «Динамо» **уступило** «Спартаку» со счётом 2:3.

2. Регулярные способы образования конверсивов.

Помимо готовых конверсивов, всякий развитый язык располагает различными более или менее регулярными способами образования конверсивов.

Глагол выработал специальную грамматическую форму выражения конверсных отношений – форму страдательного залога: *Президент подписал указ – Указ подписан президентом.*

Регулярным и продуктивным источником образования конверсивов являются также производные отглагольные существительные со значением деятеля, объекта, инструмента, средства, места, результата действия и т.п. Ср. *Он – создатель этой картины – Эта картина – его создание; Он был её защитником – Она была его подзащитной; Он является владельцем этого дома – Этот дом является его собственностью; Народ – творец языка – Язык – творение народа.* Ср. также: *учитель – ученик, изобретатель – изобретение* и т.п.

Для говорящего важно и то, что в конверсные отношения могут вступать слова, относящиеся к разным частям речи: *Мы учимся у него литературе – Он наш учитель по литературе; Он меня лечит – Я его пациент*. Ср. также потенциальные конверсные возможности таких пар слов: *есть – съедобный, терпеть – терпимый, не выносить – невыносимый, перевозить – транспортабельный, читать – читабельный* и т.д.

Другим регулярным и продуктивным источником конверсии являются качественные антонимические прилагательные и наречия со значением размера, физического свойства, скорости и т.п. Для того чтобы превратить пару таких прилагательных в конверсивы, достаточно взять их в сравнительной степени, прибавив к каждому глагол-связку *быть* или другой глагол:

Стол выше стула – Стул ниже стола;

Вася бежал быстрее Пети – Петя бежал медленнее Васи;

Брат старше сестры на год – Сестра моложе брата на год;

Калининград находится западнее Москвы – Москва находится восточнее Калининграда.

Выделяют и так называемые конверсивы в себе, т.е. такие, которые выражают конверсию без обычного противопоставления формально различных слов: *Петя дружит с Васей – Вася дружит с Петей; Я его соавтор – Он мой соавтор*. Аналогичным образом могут использоваться и такие слова, как *разговаривать, ссориться, драться, рифмоваться; товарищ, коллега, друг* и т.п.

Функции конверсивов в продуктивной речевой деятельности

Конверсивы – это важное языковое средство, служащее как для преобразования одного высказывания в другое в соответствии с речевым замыслом говорящего, так и для выражения своего отношения к обозначаемой ситуации.

Семантическое назначение конверсивов состоит в том, чтобы передавать различия в логическом ударении, в выделении наиболее важных, с точки зрения говорящего, аспектов ситу-

ации. Когда говорят, что *Новичок выиграл у чемпиона*, то хотя бы подчеркнуть, что **новичок** играл очень хорошо, и в этом необычность ситуации. Если говорят, что *Чемпион проиграл новичку*, то в качестве новой информации выделяется тот факт, что **чемпион** играл очень плохо. Эти высказывания обозначают одну и ту же ситуацию игры, а различия связаны со способом осмысления говорящим данной ситуации.

Конверсивы нередко служат для того, чтобы не называть вещи своими именами, с целью максимально смягчить информацию, уйти от прямого ответа. Примером может послужить эта незатейливая история:

Один человек был азартным шахматистом и, хотя играл довольно плохо, никогда не признавал себя побеждённым. Как-то, играя с известным шахматистом, он проиграл подряд три партии.

Тут какой-то шутник подошёл к нему и спросил:

– Ну, как, приятель? Неужели опять проиграл?

Тот, не моргнув глазом, ответил:

– Первую партию мой партнёр не проиграл, вторую партию я у него не выиграл, а третью партию я хотел было свести вничью, но он не согласился.

С помощью конверсивов оказывается возможным строить перифрастические ряды высказываний, т.е. предложений, ситуативно равнозначных друг другу, но с разной расстановкой смысловых акцентов. Конверсивы дают возможность изобразить одну и ту же ситуацию с точки зрения разных её участников, которые меняются ролями между собой, – субъекта и объекта, субъекта и адресата, объекта и места и др. С помощью конверсивов можно подчеркнуть инициативность, большую или меньшую активность того или иного участника ситуации. Так, хотя предложения 1) *Лопахин купил имение у Гаева и Раневской* и 2) *Гаев и Раневская продали имение Лопахину* описывают одну и ту же ситуацию, но совершенно очевидно, что для характеристики положения дел, представленного в пьесе А.П. Чехова «Вишнёвый сад», больше подходит первое предложение (пример И.Г. Милославского). Ср. также диалог с известной артист-

кой: – *Я знаю, что Вы вышли замуж за миллионера.* – *Нет, это миллионер женился на мне,* где с помощью конверсива выделяется инициатор действия.

Важнейшая функция конверсивов – экспрессивное подчёркивание той или иной мысли путём контактного или близкого по расположению использования в тексте обоих конверсивов: *Поражение врага – это наша победа; Победителю-ученику – от побеждённого учителя; Нет потерянных детей, есть потерявшие себя родители* и др. Конверсивы могут быть источником каламбура, основанного на обращении к «скрытому» конверсиву: *Краткость в романе была, но не хватало её брата* (О. Донской). Высказывания такого рода апеллируют к «знающему» слушателю или читателю: ср. *Краткость – сестра таланта – Талант – брат краткости.* Если получателю информации неизвестен соответствующий афоризм, то и каламбур окажется непонятным.

Кроме того, можно отметить, что конверсивы наряду с другими средствами служат для выражения определённости – неопределённости.

Если в тексте встретилось, напр., предложение *Над озером возвышается гора*, то почти всегда можно заключить, что до этого речь шла именно об озере, а гора упоминается впервые. При слове *озеро*, следовательно, имплицитно выражено значение определённости, а при слове *гора* – значение неопределённости. Если же в тексте встретилось предложение *Под горой расположено озеро*, то наиболее близким к истине будет заключение, что до этого речь шла о горе, а впервые упоминается озеро (значения определённости/неопределённости будут соответствующим образом перераспределены).

Выбор одного из конверсивов определяет актуальное смысловое членение предложения.

Использование одного из пары конверсивов может быть обусловлено вежливостью, которая предполагает переключение внимания на говорящего, а не на необходимые действия адресата, напр., в ситуации просьбы: вместо *Дайте, пожалуйста, справку* уместнее и вежливее употребить конверсное по функции вопросительное высказывание: *Я могу получить справку?*

Вторичные функции семасиологических категорий

В данном разделе будут рассмотрены те лексические категории, основное назначение которых связано с проблемами понимания. Однако метафора, метонимия, омонимия и паронимия играют роль и в продуктивной речевой деятельности. Вторичные функции этих категорий проявляются при построении высказываний.

Метафора в аспекте порождения текстов

Метафора относится не только к сфере понимания, она является одним из смыслообразующих механизмов при порождении текстов, что непосредственно связано со способностью метафоры обозначать предмет или явление, видеть его в ином ракурсе, давать ему оценку, выражая к нему своё отношение. С помощью воображения в метафоре соединяется несоединимое, осуществляется своего рода «наведение мостов» в языковой картине мира.

Яркая особенность многих метафорических наименований – компаративность их содержания. При порождении текста важно учитывать, что нередко метафора и сравнение взаимнообратимы, что метафору можно развернуть в сравнение. Метафорическое наименование, за исключением некоторых видов когнитивной метафоры (*когти тоски*), может быть заменено конструкцией, включающей сравнение: **золотые** волосы → **жёлтые, как золото, волосы**; *Он настоящий Плюшкин* → *Он скуп, как Плюшкин*. По наблюдениям В.П. Москвина, в семантическом отношении метафора гораздо богаче сравнения, поэтому при переводе метафоры в сравнение может быть некоторая потеря смысла.

Говорящий (пишущий) может усилить и оживить содержательную двуплановость метафорического наименования с помощью дополнительного сравнения: *В Париже Варвара Павловна расцвела, как роза* (И.С. Тургенев).

Для систематизации синонимических средств с позиций производителя речи имеет немаловажное значение классификация метафор по общности выражаемого ими смысла. При семантической классификации метафорические наименования группируются по значению, напр., таким образом: *вишнёвая шаль*, *брусничное платье*, *рубиновые ягоды клюквы* (метафоры, обозначающие красный цвет); *уйти из жизни*, *уснуть вечным сном* (метафоры смерти); *море людей*, *горы книг*, *армия муравьёв* (количественные метафоры) и др.

Такого рода систематизация метафор по значению предоставляет в распоряжение говорящего более полный набор средств для перифразирования высказываний.

В продуктивных видах речевой деятельности метафора выступает как эффективное средство воздействия на адресата. Однако ценность в плане воздействия имеют только образные метафоры, не утратившие метафорической двуплановости. Обладая экспрессивной нагрузкой, метафора апеллирует к воображению и интуиции адресата и тем самым обретает способность выполнять суггестивную функцию, что широко используется в публичной речи политиков, в рекламе, в СМИ.

Функции метафоры в речи

Прообраз, лежащий в основе метафоры, делает её удобным средством украшения речи, эвфемизации, т.е. смягчения или вуалирования, пояснения, оценки и убеждения.

1. Образная метафора используется в декоративной и, шире, в эстетической функции: *золото волос*, *костер рябины красной*.

Метафоры, используемые как средство украшения речи, принадлежат к числу тропов, т.е. стилистических приёмов, которые состоят в употреблении слова не в прямом, а в переносном значении.

2. Метафора выступает и как средство эвфемизации, т.е. буквальное значение метафорического наименования играет роль прикрытия, вуалирующего контекстуальный смысл (пере-

носное значение) данного наименования: ср. *ночные бабочки* (о проститутках) или *Бетховен ты наш!* (о плохо слышащем человеке). В этой функции метафора выступает как средство оптимизации общения (см. об этом подробнее в разделе «Эвфемизмы»).

3. Метафора нередко используется как пояснительное средство, особенно для объяснения явлений или недоступных для прямого наблюдения, или с неясным принципом действия. Так, напр., можно доступно объяснить устройство и механизм функционирования человеческого глаза с помощью метафор: *Зрачок – это своеобразный вход во внутренние части глаза. К нему непосредственно примыкает замечательная деталь глаза – хрусталик. Природа создала эту естественную двояковыпуклую линзу удивительно прозрачной* (Ф.Ю. Зигель, «Сокровища звёздного неба»).

Такие «пояснительные» метафоры и сравнения широко используются в научной речи, поэтому их называют также педагогическими, или дидактическими.

4. Важнейшей функцией метафорических наименований является оценочно-характеризующая. Ср. высказывания о людях: *медведь, осёл, змея* и т.п. Метафора служит одним из средств выражения оценки. Негативная оценка формируется за счёт ассоциаций, которые сопровождают восприятие созданного автором образа. Примеры положительно-оценочных слов: *звезда, королева, золото* и т.п.

Более разнообразны слова, выражающие отрицательную оценку: *Не человек, змея!* (А.С. Грибоедов); *или: Посмотришь на иное поэтическое создание: кисея, эфир, полубогиня, миллион восторгов, а заглянешь в душу – обыкновеннейший крокодил!* (А.П. Чехов, «Медведь»). Ср. также: *ворона, дуб, дубина, лотух, валенок, свилярник, балаган, хлев, винегрет* и т.д.

Метафора, по словам Н.Д. Арутюновой, – это «приговор без суда». Сравнения и метафоры нередко используются в споре с оппонентами в качестве аргументов, что ещё античными логиками считалось недопустимым, так как метафоры могут искажать мысль, выдавая подобное за тождественное.

Метонимия в аспекте порождения текстов

Метонимия позволяет экономить речевые усилия, так как даёт возможность заменять словосочетания одним словом: *собрание решило* (ср. *участники собрания решили*); *ранний Маяковский* (*произведения Маяковского в ранний период его творчества*).

Благодаря свойству обеспечивать компрессию высказывания и одновременно сообщать ему необходимую выразительность метонимия часто используется в разговорной речи, в языке СМИ, в языке художественной литературы. Ср. отрывок из «Театрального разезда...» Н.В. Гоголя: *Шум увеличивается; по всем лестницам раздаётся беготня. Бегут армяки, полушубки, чепцы, немецкие долгополые кафтаны купцов, треугольные шляпы и султаны, шинели всех родов: фризковые, военные, подержанные и щегольские – с бобрами*. Динамичность, стремительность описания создаётся здесь именно за счёт метонимических переносов. Ср. также: *Уехали бриллианты, бегающие глаза, проборы и деньги* (М. Булгаков) и *В уходящем веке волны эмиграции накрывали Россию не один раз. Сначала уезжали аристократы, потом диссиденты, потом прочь из страны устремились «мозги»* (из современной прессы).

Метонимический перенос даёт возможность говорящему обобщить информацию, убрать излишнюю конкретику, сосредоточиться на главном. Ср. *Какую позицию займёт Россия по Ираку?* – за счёт двойной метонимии текст максимально сократился, но смысл его не стал от этого менее понятным. Ещё один показательный в этом плане пример: *За эту неделю американец подрос на 10 копеек, европейец, напротив, скинул 3 копейки* (из телевизионного финансового обзора). С помощью метонимии производитель текста не только сокращает своё высказывание, делая его компактным и выразительным, но и намеренно создаёт некоторую смысловую неопределённость, тем самым катализируя мыслительную активность и внимание слушателя или читателя.

Метонимия – это сокращение, своего рода аббревиатура высказывания, в котором опускается всё само собой разумеющееся и фокусируется главное в информационном отношении. Указы-

вая на один элемент ситуации, метонимия «замалчивает», «уводит в тень» другие элементы. Таким образом, с точки зрения говорящего перенос по смежности удобен и тем, что позволяет ему не называть конкретных лиц, ответственных за те или иные действия: *Россия не выполнила своих обязательств; Самолёт не смог совершить посадку*. В метонимии заложена способность к обезличенности, к деперсонификации, и это позволяет производителю речи выражать ироническое отношение к людям: *Касса пришла* (о кассире).

Индивидуальная авторская метонимия выполняет изобразительную, экспрессивную функцию: *Да, так любить, как любит наша кровь, Никто из вас давно не любит!* (А.А. Блок); *И на известку колоколен – невольню крестится рука* (С.А. Есенин). В индивидуальной метонимии автор нередко нарушает привычную сочетаемость слов, особенно это касается метонимических определений: *Потом приходил коротковатый старичок в изумлённых очках* (И.А. Бунин). Ср. также у А.С. Пушкина характеристику светского щёголя: *перекрахмаленный нахал*.

Метонимия используется и как средство языковой игры. Так, напр., распространённость метонимического переноса по типу «автор – его произведения» вызывает стандартные ожидания у адресата, если он слышит какую-нибудь известную фамилию. На этом принципе строится, напр., такая шутка: *Ты знаешь Пушкина полностью? Нет? А я знаю – Пушкин Александр Сергеевич* (из репертуара Яна Арлазорова).

Игра метонимического и прямого значения нередко приводит к созданию каламбура:

Муж – жене:

– Дорогая, ты хотела на день рождения норку? Я её тебе купил. Но только кормить и выгуливать её ты будешь сама (анекдот).

Омонимия при создании речевых произведений

Омонимия, как и полисемия, является ресурсом для повышения выразительных и изобразительных качеств речи. Наме-

ренное употребление двух омонимов в одном тексте в большей степени характерно для публицистики, рекламы, а также для художественной литературы, особенно поэзии. Ср.: *Миру нужен мир!*; *Каков ни есть, а хочет есть* (поговорка); *Свободы захотели? А разве нет её? (И звучат не слишком бодро голоса: «Есть! Есть!» То ли есть у них свобода, то ли хочется им есть)* (Е. Евтушенко).

Омонимы используются для создания «эффекта обманутого ожидания». Этот приём особенно часто используется в рекламе, что делает её более яркой, запоминающейся: *Кроссовки «Адидас» рвутся только вперёд*. В данном рекламном тексте происходит «слияние» в одной форме двух омонимов: *рваться₁* – ‘разрушаться’ и *рваться₂* – ‘бежать’.

Ср. также рекламу компьютеров: *Я **продаю** своих друзей каждый день. Вы можете **заказать** своего друга*.

Омонимы являются основным материалом для создания каламбура, игры слов, которая происходит в результате намеренного соединения в одном контексте омонимичных слов с целью создания комического эффекта. Ср.: *Дети – цветы жизни. Не давайте им, однако, распускаться* (Э. Кроткий); *Хорошее дело браком не назовут* (о женитьбе); *Трамвай представляет собой поле брани* (Э. Кроткий) или, напр., такой анекдот, построенный на каламбуре: *Встречаются два кандидата наук, один из них спрашивает другого: «Что у тебя в портфеле? Докторская?» – «Нет, ливерная»*. В каламбурах совмещаются разные значения омонимичных слов, в результате чего происходит смысловой сдвиг. В языковой игре участвуют и недавно появившиеся омонимы. Ср. *Осень – это время, когда заканчивают **косить** сено и начинают **косить** от армии* (телепрограмма «Городок»).

Фонетическая омонимия является средством создания каламбурных рифм, используется для звуковой игры: *Область рифм – моя стихия, и легко пишу стихи я...* (Д.Д. Минаев), часто встречается в фольклоре: *Хотел полежать, да надо поле жать; Я в лес, и он влез, я за вяз, а он завяз*.

Омонимы могут служить средством образного столкновения разных смыслов, подчёркнутой экспрессии: *Взять жену без*

состояния – я в **состоянии**, но *входить* в долги для её тряпок я не в **состоянии** (А.С. Пушкин); *Платя свой долг*, ты тем самым его выполняешь (Козьма Прутков), *Супружеский долг* он отдавал рублями и т.п.

Данный приём часто используется в заголовках: «*Стража под стражей*» (А.П. Чехов), *Дума о думе*, *Указ президента для них не указ* (газетные заголовки).

Как писал В.В. Виноградов, каламбур может состоять в образовании нового индивидуально-авторского омонима от созвучного корня, напр., *Ноздрёв был в некотором роде исторический человек. Ни на одном собрании, где он был, не обходилось без истории* (Н. В. Гоголь); *Я всю зиму провёл в здешнем краю. Я говорю, что я остепенился, потому что зарылся в степь* (П. Вяземский); *Из одних перлов состоит перловая каша* (Д. Гранин). Ср. также название современной книги: «*Советы брачующимся, забракованным и страстно желающим забракотаться*».

Паронимы в продуктивной речевой деятельности

Как языковое явление паронимы могут использоваться говорящим и пишущим намеренно. Паронимия лежит в основе особой стилистической фигуры – **парономазии** (греч. *para* – ‘возле’ и *onomazō* – ‘называю’), сущность которой состоит в намеренном столкновении слов-паронимов в речи, нередко с целью языковой игры: *не туп, а дуб; и глух и глуп; Фоменко в ритме фламенко*.

С помощью паронимов говорящий выделяет сопоставляемые явления в высказывании, подчёркивает их разницу или, наоборот, близость и тем самым заставляет адресата активизировать описываемые объекты.

Сопоставление и противопоставление паронимов нередко способствует уточнению смысла: *это не поступок, а проступок; не очень эффектно, но эффективно; человек жёсткий, но не жестокий; смотрит гордо, но не горделиво; это не героизм, а геройство*. Ср. также: *Одно дело – слушать, а другое – слышать*

(М. Цветаева); *Президент не только выслушал, но и услышал* (ТВ, «Вести»); *Она манерна, ... в ней больше красоты, чем красоты* (К.С. Станиславский).

Иногда такое противопоставление используется в целях объяснения, истолкования значения данных слов: *Знающий язык своего народа писатель не спутает **пустошь** и **пустырь**: пустошь распахивают, а пустыри застраивают* (А. Югов).

Говорящий может использовать однокоренные паронимы также и для того, чтобы выявить близость сопоставляемых понятий при их явном различии: *Разница между **дворянами** и **дворовыми** так же мала, как между их названиями* (А.И. Герцен).

Парономазия может выступать в функции поэтической этимологии, когда поэт ищет за созвучием слов созвучие значений: *Минута: минущая: минешь! Так мимо же, и страсть и друг!* (М. Цветаева). Образное переосмысление однокоренных слов находим у В. Хлебникова: *Темной славы головня, не пустой и не постылый, но усталый и остылый, я сию. Согрей меня.*

Благодаря внешней близости и смысловой разнице явления парономазии часто используются с целью создания комического эффекта: *верноподданный – скверноподданный; Классиков нужно не только почитать, но и почитывать* (Э. Кроткий).

Схожие по форме слова нередко используются в заголовках, особенно в средствах массовой информации: *Отходы и доходы; Инфаркт: факты и факторы, Быт и бытие; Иск и поиск. Промыслы и помыслы.* В этом случае парономазия позволяет создавать запоминающиеся образы, придаёт речи экспрессивность. Чем неожиданнее сопоставление, тем ярче экспрессивность: **Не надо делить Европу на НАТО и НЕ-НАТО!**

ПРАВИЛА СОЕДИНЕНИЯ СЛОВ В РЕЧИ

После того как говорящий сделал свой осознанный (или интуитивный) выбор слова из ряда близких по значению (с учётом рассмотренных ономазиологических категорий), ему предстоит включить отобранную им лексическую единицу в своё высказы-

вание, соединив данное слово с другими словами. Соединение слов в тексте подчинено существующим в языке синтаксическим правилам. В то же время сочетаемость каждого отдельного слова в пределах существующих моделей обусловлена его собственной индивидуальной семантикой. Известно, что внутренние состояния человека проявляются физиологически (напр., болезни имеют симптомы – кашель, насморк и т.п.), точно так же и значения слов, их «внутренние состояния», проявляются в синтаксическом поведении, доступном прямому наблюдению, т.е. в сочетаемости. В связи с этим различается синтаксическая и лексическая сочетаемость слов. Синтаксическая сочетаемость слова, являясь более широким понятием, чем лексическая сочетаемость, определяется лексико-грамматической характеристикой слова, лексическая сочетаемость – его индивидуальным значением.

На сочетаемость слов влияют не только те значения, которые представлены в толковании, но и гораздо более широкие смыслы – энциклопедические, т.е. то содержание, которое обусловлено свойствами самого предмета. В реализации семантической валентности проявляется ассоциативный потенциал слова. Исходя из значения слова, можно сделать предположение относительно его сочетаемости.

Лексическая сочетаемость

В основе теории о лексической сочетаемости лежит учение акад. В.В. Виноградова о фразеологически связанных значениях слов, которые имеют уникальную сочетаемость только с одним словом (*заклятый враг, закадычный друг*) или ограниченную сочетаемость с рядом слов (*чёрствый хлеб, батон; чёрствый человек*, но нельзя сказать **чёрствый шоколад, сыр* или **чёрствый ребёнок*). Многие слова обладают относительно свободной сочетаемостью, т.е. могут соединяться с большим количеством других слов. Но в любом случае слова не могут произвольно складываться в правильные сочетания.

Знание семантики слова позволяет говорящему сделать первый шаг – приступить к оформлению своего речевого замысла. Но при построении высказывания выясняется, что для правильного употребления слов в речи недостаточно знать их точное значение. Необходимо учитывать и такой важный фактор, как лексическая сочетаемость. Согласно И.А. Мельчуку под сочетаемостью данного элемента предполагается понимать число других элементов, с каждым из которых данный элемент может вступать в определённое отношение (быть зависимым от него, напр., сочетаемость прилагательного – это число существительных, к которым оно может быть определением). Устойчивость и идиоматичность сочетания связаны с сочетаемостью его элементов определённой зависимостью. Если какое-нибудь слово может сочетаться только с одним элементом (*щурить глаза*), то устойчивость сочетания максимально высокая. По мере роста сочетаемости устойчивость уменьшается. Устойчивость обратно пропорциональна сочетаемости.

Итак, сочетаемость – это способность слов соединяться друг с другом, притягивать или отталкивать те или иные слова. Так, напр., близкие по значению прилагательные *длинный, длительный, долгий, долговременный, продолжительный* соединяются с разными существительными. Можно сказать *длительный период, продолжительный период*, но нельзя *длинный, долгий, долговременный период*; вполне корректно *долгий путь, длинный путь*, но неприемлемо *продолжительный путь*; говорят *продолжительные сборы, долгие сборы*, но не говорят *долговременные сборы*, зато абсолютно правильно *долговременный кредит*. Даже слова с одинаковым значением могут различаться сочетаемостью, напр., прилагательные *истинный* и *подлинный* не могут быть взаимозаменяемыми в сочетаниях *истинный друг* и *подлинный документ*.

Итак, создавая речевое произведение, мы не можем произвольно присоединять слова друг к другу: свободному соединению слов в языке препятствует ряд ограничений на сочетаемость. Рассмотрим их подробнее.

Правила сочетаемостных ограничений

В зависимости от типа сочетаемости выделяют несколько видов ограничений на совместное употребление элементов: синтаксические, морфологические, словообразовательные, лексические, семантические и др.

Морфосинтаксические ограничения будут рассмотрены в разделах «Морфология», «Синтаксис». Здесь же отметим только, что семантические связи, существующие между отдельными словами как членами некоторой семантической парадигмы, отражаются и на формах этих слов как членов определенной синтагмы. Так, напр., общность семантики глаголов *восторгаться*, *восхищаться*, *увлекаться*, *любоваться* проявляется в особенностях их управления: все они способны присоединять к себе имя в форме творительного падежа без предлога (кем-либо, чем-либо). Ср. также глаголы руководства: *управлять*, *править*, *командовать*, *распоряжаться*, *ведать*, *заведовать*, *руководить* кем-либо, чем-либо и т.п. Влияние же конкретной семантики управляющего слова на возможность применения зависимого слова в той или иной форме вполне очевидно в случае так называемой семантической аналогии, в результате которой отмечаются некорректные сочетания типа **рад успехами* (ср.: *обрадован*, *доволен* кем-либо, чем-либо), **недоволен* на кого-либо, что-либо (ср. *сердит* на кого-либо, что-либо), **покровительство* кого-либо (ср. *защищать*, *оберегать* кого-либо) и др.

Лексические ограничения на сочетаемость определённого слова указывают на то, каким должно быть слово или класс слов, с которым может сочетаться данное слово. Такие правила регламентируют выбор последующего слова, напр., *ошибиться* можно *номером*, *адресом*, *дверью*, а *перепутать* – не только *адрес* или *дверь*, но и *дату*, *факты*, *названия*, *очки* и т.п. Лексическая сочетаемость избирательна и прихотлива. Иногда её называют капризной. Действительно, почему можно сказать *стая птиц*, *волчья стая*, *стая бродячих собак*, *стая рыб*, но нельзя сказать **стая пчёл* (ср. *рой пчёл*), **стая лошадей* (ср. *табун лошадей*), **стая верблюдов* (ср. *караван верблюдов*), **стая слонов*

(ср. *стадо слонов*). Человек, владеющий русским языком, знает эти правила интуитивно и никогда не скажет, напр., **оказать нападение* или **совершить сопротивление*. Избирательность языка, проявляющаяся в сочетаемости, порождает его идиоматичность, национальное своеобразие. Лексическая сочетаемость представляет наибольшую трудность при изучении иностранного языка. Так, напр., то, что для русского человека *ключок земли*, для француза будет буквально «*угол земли*» (фр. *coin de terre*), *виновник пожара* – «*автор пожара*» (фр. *l'auteur de l'incendie*) и т.п.

Стилистические ограничения на сочетаемость того или иного слова дают информацию о стилистической помете последующего слова, так, напр., употребление возвышенной лексики в норме должно исключать использование просторечных или жаргонных выражений и наоборот, напр., книжное слово *ревнитель* не допускает такого сочетания, как *ревнитель бандитских разборок*, т.к. *разборка* – жаргонное слово. Разговорные слова ощущаются как чужеродные в официально-деловых документах. Так, напр., разговорное слово *кладовка* нарушает стиль судебного приговора: *Хищения производились путём непосредственного изъятия продуктов из **кладовки***. Предложение *Над зданием гордо **вздымался** флаг* стилистически согласовано, а в высказывании с этим же глаголом **Во время физических упражнений его руки **вздымались** вверх и опускались вниз* стилистическое согласование нарушено. Ср. также стилистическую несовместимость слов в таком примере: *У каждого российского налогоплательщика есть **священный должок** перед Родиной* (телепрограмма «Городок», 15.02.04). Стилистические сдвиги нередко сопряжены со смысловыми изменениями. Ср. *Монтеки и Капулетти и весь личный состав трагедии понёс большие потери в живой силе и технике*.

Семантические ограничения на сочетаемость слова сообщают о том, какими конкретно семантическими признаками должно обладать слово, чтобы сочетаться с данным словом. Напр., глагол *летать* сочетается только с такими словами, которые имеют признак 'передвигаться по воздуху': *летать на самолёте, вертолёте, дельтаплане* и др. В связи с этим невозможны соче-

тания типа *летать на поезде, на пароходе и т.п. Примечательно, что родовая сема глагола *летать* воспроизводится в качестве видовой в слове *самолёт*.

Глагол *пить* требует, чтобы после него в зависимой позиции употреблялись существительные, обозначающие жидкость (*пить воду, сок, шампанское*, но невозможно **пить мясо, рыбу*). Ср. также: *пить бульон*, но нельзя **пить суп*, т.к. в супе, кроме жидкости, есть дополнительные компоненты. Глаголы *лить* и *сыпать*, имея общую идею перемещения объекта, сочетаются со словами, обозначающими разные объекты: *лить* – жидкости (*воду, молоко, суп*), *сыпать* – вещества, состоящие из мелких частиц (*песок, соль, сахар*). Слова *идти, ехать*, с одной стороны, и *медленно, быстро* – с другой, семантически согласуются между собой благодаря общему смысловому компоненту – ‘скорость’, сочетание же **стоять медленно* оказывается невозможным, так как глагол *стоять* обозначает статическое состояние и не содержит в своем значении указанного компонента. Необходимо отметить, что семантические ограничения на сочетаемость исторически изменчивы, они могут трансформироваться в связи с появлением новых реалий. Так, напр., 50 лет назад выражение *пакет молока* показалось бы абсурдным – жидкости могли быть только в бутылках, банках, стаканах и других сосудах, но не в пакетах, коробках и пр.

Сочетания типа **хорошенький мужчина, прелестный мужчина* или **импозантная девушка* (ср. англ. **handsome girl* или **pretty man*) представляются не вполне корректными, поскольку не отвечают принципу «лексической солидарности» (Э. Косериу): они содержат противоречащие друг другу признаки, указывающие на женский и мужской пол. Ср. также аналогичные примеры: **После гибели Ленского на дуэли Ольга женилась на гусаре; Кабаниха – тёща Катерины* (из сочинений абитуриентов).

Закон семантического согласования

Связные тексты строятся с учётом закона семантического согласования, который В.Г. Гак определяет так: два слова об-

разуют правильное сочетание при том условии, если, помимо специфических признаков, содержат какой-либо общий признак или не имеют несовместимых признаков, напр., глагол или прилагательное, обозначающие действие или свойство живого существа, сочетаются с одушевлёнными существительными (*человек говорил; больной человек*). Согласование противоречащих признаков возможно при условии погашения в одном из членов словосочетания противоречащих сем другого члена за счёт переосмысления одного из компонентов. Ср. *Весь дом говорил об этом; больная совесть* и т.п. Таким образом, несовместимость сем приводит к угасанию «лишней» семы у одного из слов в синтагме. Так, напр., в сочетании *Время идёт* в значении глагола *идти* утрачивается компонент 'передвигаться, ступая ногами'.

Для русского языка семантическое согласование характерно в большей степени, чем для других языков. Так, напр., действие в русском языке часто обозначается в зависимости от характера субъекта, его совершающего: 1) *Птица вылетела из гнезда*; 2) *Змея выползла из норы*. Как мы видим, процесс движения в русском языке принимает физически различную форму в зависимости от того, кто движется (*рыба плавает, змея ползает, птица летает* и т.п.). А во французском языке обозначение действия зависит от характера самой ситуации, а не от конкретных особенностей субъекта, поэтому при переводе предложений и будет использоваться один и тот же глагол, который буквально означает «покинуть». Ср.: 1) *L'oiseau est sorti de son nid*; 2) *Le serpent est sorti de son trou*. Приведём ещё примеры, которые показывают особую значимость для построения высказываний на русском языке дублирования семантических компонентов: *шкаф стоит у окна, книга лежит на столе, картина висит на стене*, где конкретная форма положения в пространстве зависит от природы самого предмета. Ср. также: *строить дом, рыть нору, вить гнездо; писать стихи, рисовать карикатуры, снимать фильм* и т.п., где по-разному оформляется процесс создания при разных типах создаваемых объектов; *разрушить дом, убить животное, срубить лес, стереть написанное, разорвать бумагу* и

т.п., где различается процесс разрушения в зависимости от характера объекта.

Итак, связность порождаемого высказывания обеспечивается повторяемостью семантических компонентов. Закон максимальной повторяемости смыслов является основным законом, регулирующим как построение текста, так и его понимание: носители языка интуитивно выбирают такое осмысление высказывания, при котором повторяемость семантических компонентов будет наибольшей.

Нарушение правил семантического согласования

Отступление от правил согласования значений характерно для творческого использования языка. Ср.: *красная улыбка, красный смех* (Л. Андреев), *треугольная груша* (А. Вознесенский). Абсурдные высказывания, построенные вопреки закону семантического согласования, тем не менее подвергаются интерпретации. Так, широко известная фраза Н. Хомского *Бесцветные зелёные идеи яростно спят* представляет собой грамматически правильное, но семантически аномальное высказывание. Лексические единицы этого абсурдного языкового выражения не принадлежат к единой понятийной системе и противоречат закону семантического согласования, причём противоречащие семы не погашаются: ср. оппозиции ‘бесцветный’/‘цветной’ (*бесцветные + зелёные*), ‘спокойный’/‘беспокойный’ (*спят яростно*), ‘неодушевлённый’, абстрактный/‘одушевлённый’, конкретный (*идеи спят*). Но в некотором гипотетическом контексте истолкование этого абсурдного высказывания становится возможным. Так, напр., *зелёные идеи* можно считать «незрелыми, неразвитыми идеями», *бесцветные идеи* – толковать как «невыразительные», а *яростно спящие идеи* могут пониматься как «безвозвратно забытые или не востребованные идеи».

Намеренное расширение сочетаемости нередко служит созданию комического эффекта. Ср., как известный писатель-юморист А. Бухов (30-е годы XX в.) писал о плохом качестве

дверных замков: *их легко **открыть** шпилькой, гвоздиком, булавкой, прутиком, пальцем и **пирожным эклер***. Ср. также необычное соединение слов: *холостой фокстерьер* (Л. Ленч), *кипучий лентяй* (И.А. Ильф и Е.П. Петров). Нарушение закона семантического согласования может служить и средством создания иронического контекста: *В элитных салонах ныне стало неприличным поминать кисть Репина, поскольку он своим якобы прямолинейным примитивом не способен что-либо противопоставить непостижимому «Чёрному квадрату» Казимира Малевича, тем паче тонкому и **задушевному иррационализму** Марка Шагала* (Е.И. Носов).

Семантическая несочетаемость слов не является препятствием для создания художественных образов, новых смыслов. Художественное мышление не только отражает объективную действительность, но и творит другую реальность, отражая её в произведениях искусства. Осознанное нарушение сочетаемостных правил нередко расценивается как эффективное средство художественной выразительности. Так, напр., известно, что существуют слова, которые по правилам могут соединяться только с такими семантическими классами слов, которые обозначают человека или, ещё шире, живых существ. В частности, такие определения, как *пожилой, понурый, измученный, захандривший*, по правилам не могут сочетаться со словами, обозначающими семантический класс неодушевлённых предметов. Однако в художественной речи, стремящейся достичь определённой силы воздействия на читателя, это правило нередко нарушается: *захандривший холодильник, пожилые продукты, измученный диван, понурая мебель* (Игорь Сахновский, «Человек, который знал всё»).

Ср. другие примеры нарушения семантического согласования: *«Воспоминание о будущем»* (название кинофильма), *«Наедине со всеми»* (пьеса А. Гельмана), *пузатое ореховое бюро* (Н.В. Гоголь), *умственное и нравственное декольте, плешивый силлогизм* (Н.Е. Салтыков-Щедрин), *босые души* (В. Высоцкий). Человек не может знать пределов семантической сочетаемости, возможности которой оказываются практически безграничными. Естественный язык обладает свойством, позволяющим тво-

рить новые смыслы с помощью окказиональной сочетаемости. Поэтому понятия аномального и правильного словосочетания отчасти условны. Как показывает практика, для любого аномального выражения можно придумать такую ситуацию, которая превратит его в относительно нормальное.

Экспрессивно-эмоциональное согласование

Кроме рассмотренных видов согласования иногда говорят об экспрессивно-эмоциональном согласовании, имея в виду отражение эмоций в лексических единицах. Если говорящий при построении своего высказывания задаётся целью выразить эмоциональное состояние тех людей, о которых идёт речь в его сообщении, то он может воспользоваться двумя способами: либо 1) назвать это эмоциональное состояние (волнение, гнев, радость и др.), либо 2) прибегнуть к аффективам, т.е. словам, которые содержат указание или намёк на то или иное эмоциональное состояние человека, напр., вместо *взять* можно использовать *схватить*, вместо *подбежать* – *подскочить* и т.д. Принцип эмоционального согласования должен учитываться при построении текста: *Она **вскочила** с кровати, **бросилась** к нему, **выхватила** из его рук письмо, **метнулась** к двери и **выскочила** из комнаты.* Ср. текст, в котором смысл передан достаточно точно, но динамика действий, отражающих эмоциональное состояние героини, в значительной мере ослаблена: *В сильном нервном возбуждении она **быстро** встала с кровати, подбежала к нему, поспешно взяла из его рук письмо, **быстро** направилась к двери и выбежала из комнаты.*

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ

Понятие лексической функции

Понятие лексической функции сочетает в себе оба принципа организации продуктивной речевой деятельности – принцип

селекции, т.е. выбора языковых средств из ряда возможных, и принцип комбинации, или соединения слов друг с другом, т.е. лексические функции связаны и с синонимическими заменами, и с сочетаемостью.

Лексическое наполнение сочетаемости слов многообразно не только в каждом конкретном языке, но и существенным образом различается в разных языках. Тем не менее к середине 60-х годов XX в. было замечено, что многие значения устойчивых сочетаний (нередко их называют коллокациями) повторяются, причём не только в одном конкретном языке, но и в разных языках есть общая часть значений устойчивых сочетаний. Напр., функция *Magn*, имеющая значение 'очень', при слове *брюнет* в русском языке выражается словом *жгучий*, при слове *дождь* – словами *проливной*, *сильный*, а при слове *чай* высокая степень признака обозначается прилагательным *крепкий*. В английском языке это же значение 'очень': при слове *чай* выражается прилагательным *strong* (*strong tea* – букв. «сильный чай»), при слове *дождь* – прилагательным *heavy* (ср. *heavy rain* – букв. «тяжёлый дождь»). А.К. Жолковский и И.А. Мельчук⁵¹ предложили использовать для упорядоченного описания сочетаемости слов понятие лексической функции. Лексические функции – это, упрощённо говоря, повторяющиеся стандартные значения общего характера, которые при разных словах выражаются по-разному. Ценность этой концепции состоит в том, что, исходя из предложенных авторами глубинных понятий, многообразие лексического наполнения различных словосочетаний можно рассматривать в качестве комбинаторно обусловленных вариантов ограниченного числа универсальных значений, т.е. лексических функций. Таким образом, индивидуальную в каждом языке лексическую сочетаемость можно свести к определённому набору универсальных понятий, что делает более эффективным сравнение способов выражения однотипных смыслов в разных

⁵¹ Мельчук И.А., Жолковский А.К. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Вена: Wiener Slavistischer Almanach Sonderband 14, 1984.

языках, а описание лексической сочетаемости становится унифицированным и более компактным. Такая форма описания обращает внимание на то, что реализация одной и той же функции применительно к словам, даже близким по значению, нередко оказывается недостаточно мотивированной (почему, напр., снег *пошёл*, а ветер *поднялся*; почему *вести* беседу, а не *делать* и т.п.). С теми же проблемами сталкивается и человек, изучающий, напр., английский язык: ему надо запомнить *pay attention, make an attempt, do harm* и т.п. Многие лексические функции выражают наиболее частотные и важные значения для большинства языков мира.

Среди лексических функций выделяют два типа: лексические замены и лексические параметры.

Лексические замены

Понятие «лексические замены» используется при исследовании семантических связей слов и их эквивалентов на парадигматической оси языка. О лексических заменах говорят тогда, когда лексические значения двух сопоставляемых слов совпадают целиком или частично (при этом их синтаксические свойства могут существенно различаться, особенно в том случае, если они оказываются разными частями речи). Таким образом, лексические замены, являясь средством равнозначного перифразирования, относятся к явлениям лексической синонимии в широком смысле слова. В число лексических замен входят собственно синонимы, конверсивы, а также синтаксические дериваты, т.е. производные другой части речи, полностью сохраняющие лексическое значение исходного слова. Так, напр., слова в парах: *двигаться – движение, рожать – роды, белый – белизна; строить – строительный, республика – республиканский, карты – карточный; быстрый – быстро, смысл – по смыслу, большой – очень* и др. – практически совпадают по лексическому значению, но различаются по синтаксическим свойствам, являясь разными частями речи. Синтаксическая деривация – это мощный источник средств, обеспечивающих связность порожд-

даемого текста, поскольку в процессе коммуникации у говорящих нередко возникает потребность, например, в замене глагола соответствующим существительным: ср. *В нашем районе два года назад начали строить новый дом. Строительство дома затянулось.* Данный тип отношений можно усмотреть в любой паре слов, которые принадлежат разным частям речи и имеют одинаковый перевод на семантический язык. При этом совершенно не важно, содержат ли они один и тот же корень или нет. Ср. супплетивные (т.е. образованные от разных корней) пары: *казаться – впечатление, здороваться – приветствие, чесаться – зуд, живот – брюшной, большой – очень.* Разумеется, необходимо помнить, что синтаксические дериваты не образуются автоматически, существуют ограничения на их образование, напр., от ряда глаголов в переносных значениях невозможно образовать синтаксические дериваты: ср. *цены вздулись – *вздутые цен.*

Родственны лексическим заменам лексические функции, выражающие антонимию, напр., *любить – ненавидеть, чёрный – белый* и родовые отношения (Gener): ср. *республика – государство, шахматы – игра, любить – относиться, красный – цвет.* Лексическое значение антонимов и родовых слов имеет много общего с лексическим значением исходного слова, хотя и не совпадает с ним полностью.

Лексические параметры

Если лексические замены относятся к словам, семантически связанным на парадигматической оси языка, то лексические параметры устанавливают соответствие между словами, которые семантически связаны на синтагматической оси языка. Заслуга А.К. Жолковского, И.А. Мельчука и Ю.Д. Апресяна состоит в том, что они обнаружили несколько десятков глубинных смыслов (лексических параметров) и описали в виде формальных правил наиболее существенные способы их выражения.

Лексический параметр – это абстрактное, типовое значение, которое подобно грамматическому выражается при достаточно

большом числе слов. Однако в отличие от грамматического значения при разных словах оно выражается различными средствами, причем способ его выражения зависит от того, при каком именно слове оно представлено. Таким образом, понятие лексического параметра развивает идею о лексически обусловленных вариантах выражения одного и того же значения при разных словах и расширяет традиционное представление о лексических синонимах. Оказывается, что лексическими синонимами в широком смысле могут быть слова, имеющие в точности совпадающее или близкое значение, но никогда не встречающиеся в одном и том же окружении и поэтому совершенно не способные к взаимозамещению в одном и том же контексте.

К лексическим параметрам относятся такие, как **Magn** (высокая степень проявления признака, 'очень'), **Bon** ('хороший'), **AntiBon** ('плохой'), **Caus** (каузировать, т.е. делать так, чтобы появился новый объект или новое состояние), **Liqu** (ликвидировать, делать так, чтобы объект исчез), **Incep** (начало действия), **Fin** (окончание), **Mult** (совокупность) и др. Рассмотрим, какие семантические отношения представляют лексические параметры.

Выражение интенсивности и оценки

Для русского языка особенно характерно повышенное внимание к выражению интенсивности. **Magn** ('очень') – это наиболее универсальный параметр, способный характеризовать слова практически всех частей речи. Слова с предметным значением чаще всего характеризуются с помощью именно этой функции. Функция **Magn** активно реализуется в речи, что связано с потребностью говорящего к преувеличению, к экспрессии. Напр., *дурак* – это уже крайняя степень отсутствия ума, но говорящий нередко подключает функцию 'очень' и, усиливая воздействие на адресата, говорит: *круглый дурак*. Ср. также реализацию данного параметра в словосочетаниях: *полная ерунда, дряхлый старик, горький пьяница, лютая ненависть, отъявленный злодей, писаная красавица, закадычный друг, заклятый враг, крошечная тьма, гробовая тишина, ослепительный свет, оглушительный*

шум, палящий зной, дикий холод, трескучий мороз, наглая ложь, чистая правда, железная дисциплина, волчий аппетит, грубая ошибка, крутой кипяток и др.

Magn, как и другие лексические функции, синтагматически сочетается со словами разных частей речи, ср. **Magn** (*знать*) = *досконально*, **Magn** (*спать*) = *крепко*, **Magn** (*ранить*) = *тяжело*, **Magn** (*белый*) = *ослепительно*, **Magn** (*круглый*) = *идеально*, **Magn** (*здоровый*) = *абсолютно*, **Magn** (*слёзы*) = *горькие*, **Magn** (*честность*) = *кристальная* и т.п.

С выражением интенсивности часто бывает связана оценка. Для выражения положительной и отрицательной оценки предназначены параметры **Bon** и **AntiBon**.

Bon имеет значение ‘хороший’, выражает стандартную похвалу и присоединяется, как и **Magn**, к именам и глаголам: **Bon** (*терпение*) = *ангельское*, **Bon** (*влияние*) = *благодарное*, **Bon** (*участь*) = *завидная*, **Bon** (*атмосфера*) = *здоровая*, **Bon** (*спать*) = *сладко*, **Bon** (*резать*) = *аккуратно*, **Bon** (*покупать*) = *дешево*, **Bon** (*продавать*) = *дорого*. **AntiBon** имеет значение ‘плохой’ и присоединяется также к именам и глаголам: *влияние – тлетворное, участь – жалкая, атмосфера – тяжёлая, спать – беспокойно* и т.д.

«Оглаголивание» понятий, выраженных существительными

К основным глагольным лексическим параметрам относятся функции **Oper**, **Func₀**, **Func₁** и **Labor**. Чтобы уяснить содержательное существо этих параметров, рассмотрим ситуацию, обозначаемую словом *влияние*. В этой ситуации принимают участие два действующих лица: А – первый участник, тот, кто влияет, и Б – второй участник, тот, на кого влияют. Ситуация может быть описана и с точки зрения первого участника, и с точки зрения второго участника (конверсия).

Oper – это полувспомогательный глагол, соединяющий название первого или второго участника ситуации в качестве подлежащего с названием самой ситуации (в данном случае – словом *влияние*) в качестве дополнения. В общем виде **Oper₁** – это то, что А (обозначенное подлежащим) делает с Б (обозначен-

ным дополнением): *влияние – оказывают, любовь – питают, восхищение – испытывают, войну – ведут.*

Орег₁ соотносится с Орег₂. Ср. Орег₁: *А оказывает влияние на Б*; Орег₂: *Б находится под влиянием А*; варианты: *Б испытывает влияние А, Б подвергается влиянию А.*

Func₀ – это полувспомогательный глагол со значением ‘иметь место’, при котором название ситуации выполняет функцию подлежащего. Этот параметр передаётся глаголами, которые имеют ключевое слово в качестве подлежащего и показывают функционирование того, что названо подлежащим: *влияние – имеет место (Имеет место влияние А на В), тишина – царит, война – идёт, задача – стоит, надежда – греет.* Func₁ – это полувспомогательный глагол, соединяющий название ситуации в качестве подлежащего с названием участника ситуации в качестве дополнения. Func₁ (*влияние*) = *исходить от (Влияние на В исходит от А).* Func₂ (*влияние*) = *распространяться (Влияние А распространяется на В).*

Labor – это полувспомогательный глагол, соединяющий название одного участника ситуации в качестве подлежащего с названием другого участника ситуации в качестве основного дополнения и с названием самой ситуации в качестве второстепенного дополнения. Labor (*влияние*) = *подвергать (А подвергает В своему влиянию).*

Данные лексические параметры берут на себя выражение глагольных категорий и выполняют по существу чисто синтаксическую функцию «оглаголивания» существительных. Ср. Орег₁ (*прием*) = *оказывать*; Орег₁ (*препятствие*) = *чинить*; Орег₂ (*прием*) = *встречать*, Орег₂ (*препятствие*) = *сталкиваться с...*; Func₁ (*предложение*) = *поступать (от кого-либо)*; Func₂ (*предложение*) = *касаться (чего-либо)*, Labor₁ (*насмешки*) = *осыпать (кого-либо насмешками)* и т.п. Функцию «оглаголивания» существительных выполняет и параметр Sorul (связка), представленный такими словами, как *быть, служить, являться, доводиться (родственником)* и др.

К выражению синтаксической функции «оглаголивания» близок и параметр Real, который представлен глаголами, озна-

чающими реализацию того объекта, который назван ключевым словом: *ванну и душ – принимают, в бане – моются, квартиру – снимают, телефонный номер – набирают, такси – берут* и т.д. Трудность для изучающих русский язык как неродной в этой связи представляет, в частности, тот факт, что в русском языке нет единого способа для оформления идеи использования транспортных средств: *такси – берут*, но *троллейбус, автобус* или *поезд* нельзя *взять*, на них *сажаются* и едут.

Каузация ситуации и модификация действия

Многие глагольные лексические параметры имеют самостоятельное лексическое значение. Среди них выделяются параметры неучастников ситуации и параметры участников ситуации. К числу параметров неучастников ситуации относятся **Caus** (каузировать, т.е. ‘делать так, что некая ситуация начинает иметь или имеет место’); **Liqu** (ликвидировать, ‘делать так, что ситуация перестает иметь место или не имеет места’. Например, Caus (стоять) = *ставить*, Caus (сидеть) = *посадить*; Caus (дом) = *построить*, Liqu (дом) = *разрушить*; Caus (слёзы) = *вызвать*, Liqu (слёзы) = *вытереть, смахнуть*.

Ср. также ряд словосочетаний: *наживать состояние, шить платье, составлять список, формировать правительство, разбивать сквер, снимать фильм*, где с помощью абсолютно разных по значению глаголов и существительных выражается одно типовое значение – Caus, т.е. ‘делать так, чтобы в результате появилась определённая субстанция’.

Приведём примеры комбинации некоторых параметров при выражении сложных смыслов: CausOper₁ (паника) = *повергнуть (кого-либо в панику)*; CausFunc₀ (паника) = *сеять (панику)*; Liqu (спать) = *будить*, LiquOper₁ (должность) = *освободить (кого-либо от должности)*.

Среди глагольных параметров выделяются параметры с **фазисным** значением, назначение которых – модифицировать действие или состояние: Inscr = ‘начинать’, Fin = ‘переставать’, Cont = ‘продолжать’.

Особенно активно реализуются в речи функции начала и конца действия, процесса или состояния: *свет зажёгся, вспыхнул* (Inсер) – *свет погас, померк* (Fin); *ветер поднялся, налетел* (Inсер) – *ветер стих* (Fin); *дождь пошёл* (Inсер) – *дождь кончился, перестал* (Fin); *слёзы появились, показались, наворачнулись, выступили, заблестели* (Inсер) – *слёзы высохли* (Fin). Одинаковый общий смысл (Inсер) представлен в следующих примерах: *беседа завязалась, восстание вспыхнуло, вопрос возник, интерес появился, ситуация сложилась, скандал разразился*. Ср. Fin – *заря догорела, интерес пропал, мода прошла, семестр кончился*.

В речи нередко выражаются комбинации из разных параметров: InсерMagn (слёзы) = *брызнули, потекли, полились*; ContOper₁ (спокойствие) = *сохранять (спокойствие)*, ContFunc₀ (напряженность) = *сохраняться*, ContFunc₀ (запах) = *держаться*.

Лексические параметры участников ситуации

Основными субстантивными лексическими параметрами являются параметры S (типовое название участника ситуации), S_{instr} (типовое название инструмента ситуации), S_{loc} (типовое название места ситуации), S_{mod} (типовое название способа действия), S_{res} (типовое название результата ситуации) и Figur (образное обозначение ситуации). Все они присоединяются только к глаголам. Ср. S₁ (*учить*) = *учитель*, S₂ (*учить*) = *ученик*; S₁ (*лечить*) = *врач*, S₂ (*лечить*) = *пациент*; S_{loc} (*хоронить*) = *могила*, S_{loc} (*биться*) = *поле боя*; S_{instr} (*думать*) = *ум*; S_{mod} (*ходить*) = *походка*, S_{mod} (*писать*) = *стиль*, S_{mod} (*говорить*) = *выговор, дикция*; S_{res} (*победа*) = *плоды (победы)*, S_{res} (*совещание*) = *итоги (совещания)*; Figur (*брак*) = *узы (брака)*, Figur (*заговор*) = *нити (заговора)*, Figur (*сатира*) = *жало (сатиры)*, Figur (*туман*) = *пелена (тумана)*, Figur (*рабство*) = *ярмо (рабства)*. Зная «имена» участников ситуации и их типичные действия, говорящий может компактно описать различные «сценарии»: напр., в ресторане *посетитель делает заказ, а официант принимает заказ*, в поликлинике *врач осматривает пациента*, в банке *клиент открывает счёт* и т.д.

Кроме активных и пассивных участников ситуации выделяют также типичных, эталонных (узуральных) её участников – это S_{usual} , т.е. имена физических предметов, которые обычно принимают участие в данной ситуации на правах её участников. S_{usual} – имя конкретной вещи, которая должна определяться перечислением её физических свойств: ср. S_1 (*квакать*) = *квакушка* ('тот, кто квакает') и S_{usual} (*квакать*) = *лягушка*; S_{instr} (*думать*) = *ум* ('то, чем думают') и $S_{\text{instr}}^{\text{usual}}$ (*думать*) = *мозг*; S_{loc} (*жить*) = *жилье* ('то, в чем живут') и $S_{\text{loc}}^{\text{usual}}$ (*жить*) = *дом*; S_{loc} (*сидеть*) = *сиденье* ('то, на чем сидят') и $S_{\text{loc}}^{\text{usual}}$ (*сидеть*) = *стул*.

Лексические функции в продуктивной речевой деятельности

Понятие «лексическая функция» имеет большое значение для обеспечения процессов говорения и письма, так как расширяет представление и о синонимических средствах языка, и о возможностях взаимного соединения слов в потоке речи. Важно осознавать, что говорящий имеет возможность выразить одно глубинное значение с помощью различных языковых средств. Носитель языка интуитивно выбирает нужные слова для выражения того или иного глубинного смысла. Более того, владение способами выражения лексических функций позволяет говорящему на родном языке включаться в языковую игру и выражать особые дополнительные смыслы, трансформируя устойчивые сочетания по аналогии: *сокрушительная победа* (ср. *сокрушительное поражение*), *потерпевшие победу* (о ветеранах Великой Отечественной войны) – по аналогии с *потерпеть поражение* (ср. *одержатъ победу*). Изучающие иностранный язык осознанно овладевают лексическими функциями. При осмыслении того, как реализуется та или иная функция в иностранном языке, параллели с родным языком могут сослужить плохую службу, так как на их основе неизбежны ошибки вследствие интерференции. Типичными в русском языке будут, напр., такие ошибки: *сильный чай* вместо *крепкий чай* (ср. *strong tea*), *трудно работать* вместо

упорно работать (ср. *work hard*), *сделать вопрос* (вместо *здать вопрос*), *сделать друзей* (вместо *приобрести друзей*), *взять автобус* (вместо *сесть на автобус*) и др. Буквальный перевод со словарём словосочетаний, основанных на реализации лексических функций, всегда является источником ошибок.

Во время порождения высказывания замысел говорящего требует подбора определённых слов для своего речевого воплощения. Если говорящий хочет сообщить, что степень проявления какого-либо свойства или признака была высокой, то он должен знать, что выбор нужного прилагательного зависит от того, каким именно существительным обозначено данное свойство, напр., если речь идёт о *веселье, радости, аплодисментах*, то они будут *бурными*, а *печаль, покой, тишина*, напротив, *глубокими*. Выбор той или иной конкретной реализации данной функции может быть частично мотивирован на определённом лексическом участке. Так, напр., если существительное обозначает отрицательно оцениваемое действие, значительное по своему масштабу, то Орег₁ при нём будет выражаться глаголом *совершать/совершить: совершить агрессию, злодеяние, подлог, подлость, прегрешение, предательство, преступление, ограбление, убийство* и т.п. (ср. *сделать* (а не *совершить!*) *пакость* – ‘мелкое плохое дело’).

Можно также выработать определённый алгоритм для обозначения начала или окончания действий, связанных с конфронтацией людей или государств. Войны и конфликты обычно осмысляются с помощью метафоры огня, поэтому естественно предположить, что *ссора, война, восстание, бунт, мятеж, конфликт, спор* могут *вспыхнуть*, затем постепенно *разгораться*, а для их прекращения требуется их *погасить*. Однако в узусе (в традиционно сложившемся употреблении) можно *погасить ссору*, но не принято говорить, что *войну удалось погасить*; обычно не *гасят*, а *подавляют бунт* и *мятеж*. Во многих других случаях вообще нельзя привести удовлетворительного объяснения, почему *негодование* может быть *бурным*, а *злость бурной* не бывает, почему *любовь* только *горячая*, а не *тёплая*, а *отношения тёплые*, но не *горячие*.

Лексические функции участвуют в выражении регулярных семантических отношений, вступая в синонимические и антонимические связи, организуя лексические ряды по тому или иному признаку.

Следует обратить внимание на то, что значением лексического параметра может быть как слово, так и словосочетание: ср. Magn (*знать*) = *как свои пять пальцев*, Magn (*дождь*) = *как из ведра*. От одного исходного слова данный параметр может иметь несколько реализаций: ср. Magn (*спать*) = *крепко, беспробудно, без задних ног, сном праведника* и т.п. Таким образом, понятие лексических параметров позволяет создать единое описание, в котором словосочетание, фразеологизм и отдельное слово объединяются по выполняемой ими функции.

В том случае, когда одна и та же лексическая функция при одном и том же слове представлена разными единицами, свободная замена одного интенсификатора на другой далеко не всегда возможна. Например, высокая степень проявления чувства при слове *любовь* выражается прилагательными *горячая, страстная, преданная, беззаветная, крепкая, верная, вечная, безграничная* и др. Многообразие способов выражения значения 'сильная любовь' объясняется тем, что интенсивность любви может измеряться по разным параметрам: темперамент – *страстная*, прочность – *крепкая*, длительность – *вечная* и др.

Даже стандартные интенсификаторы *очень, слишком, совсем* также не допускают свободной замены: *слишком хорошо* предполагает продолжение негативного плана (*Это слишком хорошо, чтобы можно было поверить*), *совсем хорошо* используется в том случае, если есть указание на положительную динамику (*Сегодня больной чувствует себя совсем хорошо*).

Антонимические отношения выявляются, в частности, при выражении функции Magn и связаны с противопоставлением большой и малой степени признака: *высокий урожай/низкий урожай, крепкие связи/слабые связи, близкий родственник/дальний родственник, глубокие проблемы/мелкие проблемы, тяжёлая травма/лёгкая травма*.

Имея в виду продуктивную речевую деятельность, необходимо помнить о том, что многие синонимические и антонимические

связи, характерные для слов в свободном употреблении, в составе устойчивых сочетаний разрушаются, напр., *пользоваться авторитетом* (среди товарищей) и *использовать авторитет* (для достижения какой-либо цели) не являются синонимичными в отличие, напр., от выражений *использовать косметику* и *пользоваться косметикой*, различия между которыми могут быть нейтрализованы в контексте. В связи с этим прогнозировать появление определённого антонима при выражении противоположного значения удаётся далеко не всегда: *сильный голод* – *лёгкий голод* (вместо ожидаемого **слабый голод*), *сильно удивился* – *слегка удивился*, *сильные повреждения* – *незначительные повреждения*, *глубокое внимание* – *рассеянное внимание*, *глубокое понимание* – *поверхностное понимание*, *большие успехи* – *слабые успехи*. Ср. также разрушение антонимических связей: *глубокое уважение* – **мелкое уважение*, *горячая поддержка* – **холодная поддержка*, *сильная любовь* – **слабая любовь*, *высокая награда* – **низкая награда*.

Изучение лексических параметров имеет большое значение для переводческой деятельности. «Параметрические» значения, выражаемые в одном языке лексическими средствами, могут быть выражены в другом языке грамматическими средствами. Более того, даже в рамках одного языка «параметрическое» значение может быть выражено лексически при одном слове и с помощью приставок или суффиксов – при другом; например, значения большой или малой степени проявления какого-либо признака ('очень худой' – *худющий*, *худой как щепка*, *кожа да кости* и др.), начала или окончания действия (ср. 'начать говорить' – *заговорить* и *вступить в разговор*). Следовательно, полное представление о типичных «параметрических» значениях можно получить, изучая классы значений, выражаемых в разных языках грамматическими, словообразовательными и словоизменительными способами.

Лексические функции, описывающие несвободную сочетаемость слов, представляют собой «фразеологизованный» участок языка, находящийся на стыке лексикологии и фразеологии, поэтому от рассмотрения лексических функций переходим к проблемам фразеологии.

Часть II

**ФРАЗЕОЛОГИЯ
ДЛЯ РЕЧЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ**

Введение

Понятие фразеологизма

Термин *фразеология* происходит от греческих слов *phrasis* со значением ‘выражение’ и *lógos* – ‘слово, учение’. В русском языке этот термин употребляется в двух смыслах. С одной стороны, под фразеологией понимают совокупность семантически связанных устойчивых выражений, напр., таких: *высотать из пальца, точить лясы, прийти к шапочному разбору, без году неделя* и т.п. С другой стороны, термином *фразеология* обозначают также соответствующий раздел языкознания, который изучает совокупность устойчивых сочетаний слов. Сверхсловные устойчивые образования обычно называются фразеологическими единицами, или фразеологизмами.

Фразеологизмы – это общее название для всех готовых сочетаний слов с целостным обобщённым значением, которые не производятся говорящим в речи как свободные словосочетания типа *съесть суп, хорошо плавать*, а каждый раз извлекаются из языковой памяти и воспроизводятся в устойчивой, фиксированной лексико-семантической структуре. Так, напр., говорящий хочет охарактеризовать кого-либо из своих знакомых как квалифицированного специалиста, мастера в каком-нибудь деле. При этом он может построить высказывание из «деталей», напр., *опытный, прекрасно знает своё дело* и т.п. Если же говорящий считает, что в данной ситуации уместно употребить экспрессивные языковые средства разговорного стиля, то он прибегнет к готовому выражению *съесть собаку* (в каком-нибудь деле), а не будет строить его из глагола *съесть* и дополнения при нём – *собаку*.

Значение фразеологизма далеко не всегда и лишь частично выводится из значений составляющих его слов.

Если говорить о механизме образования фразеологизмов, то стоит отметить, что формирование фразеологизмов протекает при взаимодействии всех компонентов сочетания и сопровождается трансформацией смысла на основе какого-либо тропа, напр., переосмысление на базе метафоры – *последняя спица в*

колеснице, метонимии – *любить до гроба*, алогизма и гиперболы – *согнуть в три погибели* и т.п. Переосмысление происходит на основе общей схемы: от конкретного явления к возможным его реализациям и следствиям, напр., *выбиться из колеи* → ‘перестать вести привычный образ жизни’; *плыть по течению* → ‘пассивно относиться к жизни, не сопротивляться сложившимся обстоятельствам’.

Мотивированность/немотивированность фразеологизмов

Для речевой деятельности человека важным оказывается вопрос о мотивированности значения фразеологизма. Степень мотивированности связана с типологией устойчивых сочетаний. Рассмотрим с этой точки зрения некоторые типы фразеологизмов.

Ядро фразеологии составляют так называемые идиомы (от греч. *idiōta* – ‘своеобразное выражение’), лексико-грамматический состав которых настолько переосмыслен, что о сложении значений их компонентов речь не идёт. Идиомы имеют слитное, нерасчленённое значение. Особенно ярко эта слитность проявляется в случаях, когда устойчивый оборот эквивалентен по смыслу одному слову (существительному, глаголу, наречию и др.). Напр., *заячья душа* – трус, *чернильная душа* – бюрократ, *голубая кровь* – аристократ, *белые мухи* – снег, *баклуши бить* – бездельничать, *стереть в порошок* – уничтожить, *класть/положить зубы на полку* – голодать, *вставлять палки в колёса* – мешать, *положа руку на сердце* – откровенно, *как свои пять пальцев (знать)* – досконально, основательно.

Идиомы – фразеологические единицы, которые не переводятся дословно на другой язык. Имея слитное значение, они выполняют знаковую функцию, аналогичную слову.

По степени спаянности компонентов и мотивированности значения принято вслед за академиком В.В. Виноградовым⁵² вы-

⁵² Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М., 1986.

делять фразеологические сращения и фразеологические единства.

Фразеологическое сращение – это оборот, нередко образного характера, смысл которого не мотивируется значениями образующих его компонентов. Иными словами, в разряд сращений входят идиомы, утратившие свою внутреннюю форму (*точить лясы, попасть впросак, турусы на колёсах*). Ср. также: *водить за нос* ('обманывать, обещая что-нибудь и не выполняя обещанного'), *седьмая вода на киселе* (о дальнем родственнике), *фирма веников не вяжет* ('кто-либо не занимается пустяками'), *во весь опор* ('очень быстро'). Фразеологические сращения характеризуются наивысшей степенью слитности компонентов, их целостное значение не зависит от их лексического состава и, по словам В.В. Виноградова, так же условно и произвольно, как значение немотивированного слова-знака.

Семантическая немотивированность может быть связана с тем, что сращение содержит лексический, семантический архаизм или историзм, напр., *бить баклуши*: слово *баклуша* сейчас самостоятельно не употребляется, а раньше имело значение 'чурка для выделки деревянных изделий (напр., ложек)'. Современный пользователь языка, слыша выражение *беречь как зеницу ока*, как правило, понимает смысл сказанного в целом ('очень беречь'), но не задумывается о том, что же значит слово *зеница*, которое явно не входит в активный запас современного человека и не употребляется изолированно (*зеница* – 'зрачок'). К разряду немотивированных относится также выражение *решиться живота*, в котором *решиться* – значит 'лишиться', а *живот* – 'жизнь'. Примером национально-специфического фразеологизма, отражающего историю ткачества на Руси, может служить сращение *попасть впросак*, где *просак* – канатный стан, на котором сучили веревки. Формирование смысла этого фразеологизма становится яснее, если знать, что *просак* представлял собой длинную сеть веревок, и, значит, попасть в такой *просак* было не просто неприятно, но и опасно: можно было лишиться одежды, волос, возможно, и жизни.

Фразеологическое единство – это образный оборот, смысл которого, не являясь простой суммой значений его компонентов, всё же в той или иной степени мотивируется значениями образующих его слов. Иными словами, к единствам относятся идиомы, сохраняющие прозрачную внутреннюю форму (*мелко плавать, сидеть на мели, всплыть на поверхность, задирать хвост, тянуть ляжку, кот заплакал, мокрая курица, без ножа резать, плясать под чужую дудку, держать в чёрном теле, держать камень за пазухой* и др.). Фразеологические единства по сравнению с фразеологическими сращениями характеризуются меньшей семантической спаянностью компонентов, их значение образно мотивируется на основе лексических значений составных элементов. Так, напр., целостное значение фразеологического единства *сделать из мухи слона* воспринимается на основе наглядного представления, своего рода картинки, как из маленькой мухи получается большой слон. Итак, фразеологические единства выступают как мотивированные единицы языка, имеющие внутреннюю форму. В единствах отчётливо осознаётся их метафорическая природа. Ср.: *белая ворона* ('о человеке, резко выделяющемся среди других'), *игра не стоит свеч* ('затрачиваемые средства или усилия не оправдываются'), *плыть против течения* ('действовать активно, не подчиняясь обстоятельствам, бороться с трудностями'), *пустить козла в огород* ('дать кому-нибудь доступ к тому, к чему допущенный как раз и стремился, чтобы использовать в своих целях'), *наводить мосты* ('устанавливать связи'), *плясать под чужую дудку* ('поступать так, как угодно кому-либо') и т.д. Именно наличие образности отличает фразеологические единства от омонимичных им свободных сочетаний. Ср. *идти в ногу* (свободное сочетание) – 'шагать той же ногой, что и идущий рядом' и *идти в ногу* (фразеологическое единство) – 'действовать согласованно'; *утереть нос* (ребёнку) и *утереть нос* – 'презойти кого-либо в чём-либо'; *намылить голову* (шампунем) и *намылить голову* (кому-нибудь) – 'сильно отругать, сделать выговор'.

К фразеологическим единствам, которые по смыслу близки слову или эквивалентны слову (*заячья душа* – трус), примыка-

ют те перифразы (иносказательные описательные обозначения объекта через указание на его признаки), в которых одно из слов имеет прямое значение, а другое – переносное. Такие перифразы имеют значение, эквивалентное одному слову. Напр., *царь зверей* – лев, *чёрное золото* – нефть, *белое золото* – хлопок и т.п. (см. раздел «Перифразы»).

Кроме идиом, в число фразеологизмов включают так называемые фразеологические сочетания – такие семантически разложимые обороты, целостный смысл которых складывается из значения компонентов и при этом один из компонентов имеет связанное употребление. Фразеологически связанным называют такое употребление, которое реализуется в сочетании с определённым и достаточно ограниченным кругом слов: *закадычный друг, заклятый враг, железное терпение, твёрдый характер, плакать навзрыд, опрорхнуть промчатся, вступить в разговор, зло берёт* и др. (см. об этом также в разделе «Лексические функции»). Характер связанного употребления можно проиллюстрировать, рассмотрев фразеологические обороты *страх берёт, смех берёт, злость берёт, зависть берёт, досада берёт, тоска берёт*. Глагол *брать*, используемый в этих сочетаниях, употребляется далеко не со всеми названиями чувств и эмоций. Нельзя сказать: **грусть берёт, *удивление берёт, *гнев берёт, *сомнения берут, *радость берёт* и т.д. Такое употребление глагола *брать* является связанным. Многие слова, входящие в состав фразеологических сочетаний, существуют в языке только в составе фразеологических единиц. Напр., *закадычным* может быть только *друг*, *заклятым* – только *враг*, глагол *разинуть* сочетается лишь со словами *рот* и *пасть*, хотя возможно нарушение этого закона сочетаемости в художественной литературе: *Окна разинув, стоят магазины* (В. Маяковский).

Своеобразную группу составляют фразеологические сочетания, в которых связанный компонент представляет собой не слово, а устойчивый оборот. Напр., *драть* (свободный компонент) *как сидорову козу*, *орать* (свободный компонент) *во всю Ивановскую*, *вертеться* (свободный компонент) *как белка в колесе* и т.д.

По сравнению с фразеологическими сращениями и единствами фразеологические сочетания обладают большей степенью мотивированности значения и меньшей спаянностью компонентов, что даёт возможность говорящему в ряде случаев прибегать к синонимическим и квазисинонимическим заменам: *потупить глаза – опустить глаза, глаза слипаются – глаза закрываются, крошечная тьма – непроглядная тьма, затронуть честь – задеть честь, расквасить нос – разбить нос, закадычный друг – близкий друг, плакать навзрыд – громко плакать, орать во всю Ивановскую – кричать во всю Ивановскую* и т.п.

К фразеологическим сочетаниям примыкают речевые штампы и клише типа *принять меры, поставить вопрос, прошу слова* и т.п., которые будут рассмотрены отдельно (см. раздел «Штампы и клише»).

Многие лингвисты вслед за В.В. Виноградовым относят к фразеологизмам лишь обороты, грамматически и логически эквивалентные словосочетанию. Однако расширенное понимание фразеологии допускает включение в их состав и тех пословиц и крылатых слов, которые могут представлять собой целое предложение с иносказательным смыслом (*Волков бояться – в лес не ходить; Не всё то золото, что блестит; А ларчик просто открывался* и т.п.), поскольку это воспроизводимые единицы, а не создаваемые в процессе речи.

Нередко включают в число фразеологизмов и так называемые фразеологические выражения, которые состоят из компонентов, значение которых в принципе реализуется без ограничений, свободно. К фразеологическим выражениям нередко относят разного рода клише и те поговорки, крылатые слова, афоризмы, рекламные слоганы, цитаты и т.п., которые имеют прямой, а не иносказательный смысл. Напр., *всерьёз и надолго; на данном этапе; целиком и полностью; в здоровом теле здоровый дух* (Ювенал); *любви все возрасты покорны* (А.С. Пушкин) и т.д. Основанием для включения таких единиц во фразеологию служит то, что они представляют собой объединения слов, воспроизводимых памятью именно в данном составе.

Структурная роль фразеологизмов при построении высказывания

Совершенно очевидно, что фразеологизмы, логически эквивалентные словосочетанию, слову или предложению, могут играть разную синтаксическую роль при построении высказываний.

Фразеологические единицы выступают в предложении как в качестве главных, так и второстепенных членов предложения. Напр., в роли сказуемых: *Твой приятель – ещё тот гусь лапчатый; Денег у него кот наплакал; Он и мухи не обидит*; подлежащих: *Об этом поговаривали злые языки; Не слышал, чтобы такие тёртые калачи исправлялись*. Фразеологизмы могут быть в функции определений: *Так может поступить только человек без царя в голове*; дополнений: *Она вышла замуж за первого встречного*; обстоятельств: *согласен целиком и полностью; стал удирать во все лопатки; ненавидеть всеми фибрами души*.

Нередко фразеологизмы оказываются грамматически не связанными с членами предложений, выполняя функцию междометий: *Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Вот так клюква! Как бы не так! Подумать только!*

Слова, входящие в состав фразеологизмов, могут изменяться в процессе построения высказываний. Напр., *обвести вокруг пальца: Она обвела его вокруг пальца; Она легко обведёт его вокруг пальца; Она всегда их обводит вокруг пальца*. Однако не все фразеологические единицы обладают свободой варьирования формы. Так, напр., фразеологизм *выносить сор из избы* чаще всего используется в моральных суждениях, и при этом глагол употребляется в форме инфинитива или императива: *Не надо выносить сор из избы! Не выноси сор из избы! Как тебе не стыдно выносить сор из избы! Выносить сор из избы – это последнее дело* и т.п. Ср. не очень понятные высказывания: *Вчера она вынесла сор из избы; Она всегда выносит сор из избы*. Неясно, выражается ли здесь смысл свободных сочетаний или фразеологизма.

Фразеология и картина мира

Фразеология связана с историческим и духовным опытом определённого языкового коллектива, с его культурными традициями. Фразеологизмы в образной форме отражают картину мира народа. Фразеологическая картина мира того или иного народа – это представление сложных концептов в виде образов. Образность многих фразеологизмов русского языка связана с повседневной жизнью человека, возможными бытовыми перипетиями, заботами, обычаями и способом мышления русского народа. Во фразеологии находят отражение⁵³:

- жизнь и труд крестьянина: *огород городить, возжа под хвост попала, пятое колесо в телеге, грести лопатой*;
- ремесла: *лыка не вяжет, ободрать как липку, вить веревки (из кого-либо), на одну колодку, попасть впросак, тянуть канитель* (ткачество), *тянуть ляжку* (труд бурлаков), *снять стружку, разделать под орех, без сучка и задоринки* (столярное и плотницкое дело);
- военное дело: *встретить (встречать) в штыки, тихой сапой, держать порох сухим, прямой наводкой, брать (взять) на вооружение, дать (давать) отпор, выйти (выходить) из строя, турусы на колёсах* (словом *турусы* в древности называли дощатые башни с отверстиями по бокам, которые ставили на колёса и использовали для штурма вражеских крепостей);
- грамотность и книжность: *прочитать от доски до доски, от корки до корки, начать с красной строки, приложить руку*;
- музыкальное искусство: *задать (задавать тон), играть первую скрипку, минорный тон, слабая струнка*;
- денежные отношения: *за длинным рублем, гроша ломаного не стоит*;

⁵³ Часть примеров из учебника: Русский язык и культура речи / Под ред. В.Д. Черняк. М., 2002. С. 88.

- транспорт: *дать (давать) задний ход, спустить (спустать) на тормозах, ставить (поставить) в тупик кого-нибудь* (из речи железнодорожников);
- природа: *с бору по сосенке, через пень колода*;
- народное врачевание: *заговаривать зубы, как рукой сняло* – фразеологизмы связаны с верой в излечение от болезней с помощью заговоров или движений рук целителя;
- ритуальные формы народной культуры (сватовство, поминки, поверья, мифы, заклинания, гадания): *от ворот поворот, у черта на куличках, чтоб тебя черт побрал, чтоб тебе пусто было, гадать на бобах*;
- «наивные» (не научные) представления о мире: близко – *под рукой, под боком, под носом, на носу*; далеко – *на краю земли, на краю света, за тридевять земель*; ср. также: *бок о бок, сыт по горло, сидит в печёнках, чувство локтя* и др.;
- своеобразные образы-эталоны, дающие многочисленные устойчивые сравнения: *работает как лошадь, устал как собака, ругается как сапожник, носится как угорелый, спит как сурок, красив как бог, здоров как бык, здорова как корова, задиристый как петух, грязный как свинья, ласковый как телёнок, голодный как волк (как собака)*.

Во фразеологизмах, как мы видим, отражаются национально обусловленные стереотипы восприятия окружающей действительности, которые допускают в речи говорящего даже такие игровые высказывания: – *Там кошка, голодная, как собака* (В. Токарева). Эталоном усталости, злости, чувства голода в русском языковом сознании является *собака*; эталоном упрямства – *осёл* (*упрямый осёл, упрям как осёл*); эталоном глупости – *баран, курица* (*глуп как баран, глупая курица*), эталоном стройной женской фигуры – *берёзка* (*стройная как берёзка*). Хищного, жестокого и злого человека сравнивают с волком, хитрого – с лисой, а трусливого – с зайцем. Эталоны могут совпадать в разных языках, но чаще в них проявляется национальное своеобразие. В русском языке *медведь* – эталон неуклюжести, неповоротливости (*неуклюжий как медведь*), во французском –

необщительности, используется применительно к угрюмому человеку, избегающему людей.

В русском языке есть фразеологизмы, представляющие собой переводы, кальки соответствующих выражений в других языках, напр., *синий чулок* – перевод англ. *blue stocking*, *ломиться в открытую дверь* – фр. *enfoncer une porte ouverte*. Ср. также: русск. *лёд разбит (сломан)* – об устранении препятствий, недоверия, отчуждённости и фр. *la grace est rompue*; русск. *лить воду на свою мельницу* – нем. *alle Wasser auf seine Mühle richten* (в русском языке есть фразеологизм со сходным значением: *тянуть одеяло на себя*).

Иногда переводы бывают неточными. Так, напр., при первоначальном переводе французского оборота *ne pas être son assiette* (*быть не в своей тарелке*) слово *assiette* было понято только в одном, прямом его значении – ‘тарелка’, в то время как во французском оно имеет и другие значения, в частности, ‘состояние’, ‘положение’, ‘настроение’.

Нередко перевод приобретает специфически русские черты, напр., в немецком языке *auf großem Fuß* – букв. на большую ногу, русский перевод – *на широкую ногу* (*широкий* в русском языке имеет особое ассоциативное значение, ср.: *широкая душа, человек широких взглядов, широкий человек* и др.).

Фразеологические картины мира различных народов могут совпадать в каких-то своих фрагментах, отражая либо общность человеческого мышления, либо культурное взаимодействие народов, либо общие источники происхождения. В языках с общим типом культуры есть общий фонд фразеологизмов как результат активного языкового и культурного взаимодействия. Так, во всех европейских языках много фразеологизмов, восходящих к античной мифологии или Библии. Напр., русск. *прокрустово ложе* – англ. *Procrustean bed*, нем. *das Prokrustesbett*, фр. *lit de Proc(r)uste*, русск. *камень преткновения* – чешск. *kámen úrasu* (*úras* – ушиб). Ср. также эквивалентность фразеологизмов в русском и английском языках: *ни рыба ни мясо* (русск.) – *neither fish nor flesh* (англ.); *между небом и землёй* (русск.) – *between*

heaven and earth (англ.); *пуд соли съест с кем-н.* (русск.) – *eat a peck of salt with smb.* (англ.).

Нередко внутренняя форма фразеологизмов лишь частично совпадает в разных языках, но и эти примеры показательны: русск. *убить двух зайцев одним выстрелом* – англ. *to kill two birds with one stone* (букв. ‘убить двух птиц одним камнем’); русск. *лёд тронулся* – чешск. *ledy se hnuly* (букв. ‘лёд двинулся, шевельнулся’), нем. *der Stein kommt ins Rollen* (букв. ‘камень приходит в движение’); русск. *купаться в золоте* – нем. *im Geld schwimmen* (букв. ‘плавать в деньгах’).

К числу фразеологических единиц, встречающихся в разных языках в сходных значениях, можно отнести также следующие: *жить как кошка с собакой*, *биться головой об стенку*, *снять с себя последнюю рубашку*, *бросать камни в чей-л. огород*, *витать в облаках* и др.

Своеобразие восприятия мира, отражающееся во фразеологии, особенно заметно в единицах со сходными значениями, но различающихся формально. Ср.: *ждать у моря погоды* (русск.) – *ждать у дерева зайца* (кит.), *отправиться к праотцам* (русск.) – *есть хлеб ангелов* (фр.). Ср. также: носители русского языка говорят друг с другом *с глазу на глаз*, англичане – (букв.) *лицом к лицу* (*face to face*), немцы – (букв.) *под четырьмя глазами* (*unter vier Augen*), а французы – (букв.) *голова к голове* (*tête-à-tête*).

Общность и культурно-национальная специфика языков проявляется в наличии фразеологических единиц, характеризующих речь человека. В каждой лингвокультуре есть фразеологизмы, оценивающие эффективность речевой деятельности человека. В русской фразеологии на первый план выходит этическая сторона речи, которую социум оценивает положительно, а «красивость» речи скорее порицается: *И речисто да нечисто; Красна речь слушаньем, а беседа смиреньем; И невелика беседа, да честна*. Отрицательно оценивается факт многословия, беспредметность, пустота речи, ложь и сплетни. Неумеренная похвала в чей-либо адрес негативно воспринимается русским сознанием: *петь осанну, петь дифирамбы, произносить панегирики*. Такие фразеологизмы предполагают отрицательное от-

ношение субъекта речи к восхвалению кого-либо, похвала воспринимается как неискренняя, лживая, незаслуженная: не в меру превозносить, захваливать кого-либо. В русском сознании речь может ассоциироваться с дорогой, с передвижением в пространстве: *говорить вокруг да около*, т.е. не касаясь сути дела, обиняками, околичностями, *нести окоlesiцу* и др.

Во многих культурах речевая деятельность может соотноситься с текущей водой: *цедить сквозь зубы, переливать из пустого в порожнее, лить воду*. Во многих языках, напр., в китайском, японском, корейском, значение несодержательной речи также передаётся с помощью образа воды.

Есть примеры совпадения внутренней формы фразеологизмов и в других тематических группах. Напр., русский фразеологизм *кожа да кости* ('очень худой, измождённый человек') имеет соответствия во всех современных европейских языках, во многих тюркских, а также в китайском (ср. букв. *кости, завёрнутые в кожу*) и корейском языках. Примечательно, что эти образы были уже во фразеологии древних народов: ср. древнегреч. *osti kai derma* (букв. 'кости и кожа'), лат. *ossa ac pellis* (букв. 'кости и кожа').

Законы мышления народов отличаются универсальностью, притом что образное видение мира разными народами является национально специфичным. Так, напр., значение 'очень похожи' в русском, украинском, болгарском, французском и некоторых других языках выражается с помощью фразеологизма *как две капли воды*, в Белоруссии об очень похожих людях говорят: *они как выплюнутые*, в немецком и чешском – *как два яйца*, в английском – *как две горошины*, в шведском и финском – *как две ягоды*, в японском – *как две половинки дыни*, в корейском – *как две палочки* и т.д. Особенности быта также накладывают отпечаток на форму выражения значения фразеологизма: смысл 'жить недружно, ссориться' в русском, английском, итальянском, французском и других языках осмысливается в виде *жить как кошка с собакой*, а в монгольском, напр., – *как волк с овцой*. Одно и то же значение выражается с помощью разных образов, напр., призыв быть смелым по-русски может быть выражен с

помощью пословицы: *Волков бояться – в лес не ходить*, а по-китайски: *Не забравшись в логово тигра, не поймает тигрёнка*. Ср. также: *Шила в мешке не утаишь* (русск.) – *Огонь в бумагу не спрячешь* (кит.).

Фразеологизмы в разных языках могут совпадать по ядру, но отличаться в каких-то деталях значения.

Так, напр., фразеологизм со значением ‘очень далеко’ строится в ряде языков по двум основным моделям: 1) где-то за пределами данной страны, данного места; 2) там, где находятся сверхъестественные силы. По первой модели в русском языке строятся такие фразеологизмы, как *в тридевятом царстве в тридесятом государстве, за тридевять земель, за семью морями* и т.п. В немецком, норвежском и английском языках есть смысловые эквиваленты этих фразеологизмов: нем. *Über alle Berge* (букв. ‘за всеми горами’), норв. *over alle hauger* (букв. ‘за всеми холмами’), англ. *on the other side of the world* (букв. ‘на другой стороне мира/света’). По второй модели в русском языке строятся такие фразеологизмы, как *у чёрта на рогах, у чёрта на куличках*. Ср. исп. *en los quintos infiernos* (букв. ‘в пятих преисподнях’), франц. *être au diable habiter* (букв. ‘у чёрта жить’), нем. *beim Teufel seiner Großmutter wohnen* (букв. ‘у бабушки чёрта жить’)⁵⁴.

Совпадая по форме, фразеологизмы могут существенно различаться по значению, напр., *быть как выжатый лимон* по-русски означает ‘сильно устать’, а по-немецки *выжать как лимон* – значит ‘пристально разглядывать’ кого-н.

К числу национально-специфических, с трудом переводимых фразеологизмов можно отнести, напр., англ. *to have the ball at one's feet* (букв. ‘иметь мяч у ноги’) – быть господином положения, иметь шансы на успех. Национально-специфическая внутренняя форма может передавать и некоторые универсальные смыслы. Напр., англ. *to be hand and glove with somebody*

⁵⁴ Примеры взяты из: Солодуб Ю.П., Альбрехт Ф.Б. Современный русский язык. Лексика и фразеология современного русского литературного языка. М., 2002.

(букв. ‘быть с кем-л. рукой и перчаткой’) – быть очень близким с кем-л. – русск. *быть с кем-л. не разлей вода*, нем. *an der Nasenspitze ansehen* (букв. ‘видеть по кончику носа’) – русск. *по глазам видеть*.

Несмотря на черты сходства во фразеологической картине мира разных народов, необходимо помнить, что фразеология с трудом поддаётся переводу в силу того, что образное видение мира основывается на метафорических переносах, в основе которых чаще всего лежат субъективные признаки.

В плане переводимости фразеологизмов показателен такой пример⁵⁵:

На международной конференции в Париже у переводчиков возникли затруднения, когда они услышали в докладе русских инженеров информацию о том, что в своей работе инженеры наткнулись на подводные камни. Удивление рассеялось лишь после того, когда стало ясно, что русские имели в виду ‘неожиданные трудности’. Когда подводные камни были переведены на английский как озорные эльфы, американские кибернетики опротестовали этот перевод, предложив свой вариант – *bags* (‘мешки’).

⁵⁵ Куликова И.С., Салмина Д.В. Теория языка. Ч. II. Язык – Человек – Народ. СПб.; М., 2009. С. 164.

Глава 1. Фразеология в аспекте понимания

Семасиологический подход к описанию фразеологизмов

Фразеология любого языка является сокровищницей его образных выражений, помогающих воспринимать сложные абстрактные понятия на основе ярких наглядных представлений. Образность многих фразеологизмов русского языка связана с культурой, бытом, обычаями, образом жизни и способом мировосприятия русского народа. Расшифровка образов требует определённого уровня этнокультурной компетенции. Так, не зная реалий русской жизни, нельзя уяснить для себя внутреннюю форму фразеологизмов *бить баклуши, точить лясы, потемкинские деревни, семь пятниц на неделе, кричать во всю Ивановскую, верста коломенская* и др.

Не случайно для характеристики фразеологизмов используется термин «идиоматичность», под которым, как уже указывалось, понимается смысловая неразложимость, своеобразие, слитность и неделимость выражения на отдельные компоненты, затруднённая мотивировка его значения. Напр., такие идиомы, как *березовая каша, собаку съел, почем зря* и др., нельзя понять, если исходить из значений компонентов, входящих в их состав.

Значение фразеологизмов, как уже было отмечено, не складывается из значений составляющих его частей. Это утверждение абсолютно справедливо для идиом-сращений (*показать кузькину мать*), в которых образ, положенный в основу идиомы, если он недостаточно знаком слушающему, не способен активизировать его понимание. Но единства, сохраняющие мотивировку значения, посылают такой сигнал адресату, что с его помощью декодирование смысла, который был заложен в высказывании говорящего, происходит эффективнее. Дело в том, что при восприятии фразеологизма такого рода у читающего и слушающего создаётся более яркая картинка, чем при восприятии соответствующих нейтральных слов и выражений. Более

очевидную мотивировку значения имеют те фразеологические единицы, которые прямо соотносятся со свободными словосочетаниями, т.е., условно говоря, могут быть «наложены» на них. Ср.: *бросать камень в кого-либо, поднести на блюде кому-либо, набивать карман, растопить лед, рука об руку, поджимать хвост, опускать руки, разводиться руками, вилять хвостом*. Существуют и устойчивые выражения с прозрачным образом в их основе, но не имеющие соответствия в реальности, что не только не затрудняет их понимание, но, напротив, катализирует его. Ср.: *резать без ножа, решетом воду носить, подложить свинью, от чистого сердца, от жилетки рукава, дырка от бублика, седьмая вода на киселе* и др. Такие идиомы с прозрачной внутренней формой разрушают автоматизм восприятия, активизируют внимание адресата.

Многозначность фразеологизмов

Как и слова, фразеологизмы могут быть однозначными и многозначными. Хотя большинство фразеологизмов отличается однозначностью (*чесать языком* – ‘говорить вздор, пустословить’; *душа парашки* – ‘чистосердечный, прямодушный, откровенный’), тем не менее полисемия не исключительное явление во фразеологии. При восприятии многозначных фразеологизмов могут возникать трудности, если контекст недостаточен для чёткой реализации только одного значения. Так, напр., если о незнакомом для адресата человеке скажут, что *он валяет дурака*, то отрицательная характеристика будет для него очевидна, а что конкретно это может означать, не совсем ясно. Ср. значения фразеологизма *валять дурака*: 1) ‘ничего не делать’; 2) ‘делать глупости’; 3) ‘вести себя несерьёзно, шутить, забавляться’.

Многозначность фразеологизмов появляется чаще всего в результате закрепления в языке их переносных значений. Так, фразеологизм *боевое крещение* в значении ‘первое участие в бою’ получил переносное значение вследствие расширенного употре-

бления – ‘первое серьёзное испытание в каком-нибудь важном деле’. Расширенное употребление фразеологической единицы *дать/давать волю* также приводит к развитию многозначности: 1) *кому-либо*: ‘предоставлять свободу в поступках, действиях’: *Я за всех не ответчица, коли они всякому в своём доме волю дают* (А.Н. Островский); 2) *чему-либо*: ‘не сдерживать что-либо (о чувствах, о проявлении чувств)’: *Крепись, нельзя волю слезам давать!*

Без достаточного контекста трудно понять, что значит *дать жизни*, поскольку этот фразеологизм имеет также расширенное употребление. В речи *давать/дать жизни* может значить ‘вести себя агрессивно по отношению к кому-л., наказывать кого-л.’: *Вот даст тебе отец жизни!* Кроме того, известно и другое значение – ‘вести себя эмоционально, ярко’, напр., *Ну, вчера ты и дал жизни!* Таким образом говорящий может описать, выразив своё эмоциональное отношение, любое активное действие адресата или третьего лица: танец, пение, яркий доклад, участие в дискуссии и т.п.

В результате повторной метафоризации одного и того же словосочетания появляются такие многозначные фразеологизмы, которые обладают только метафорическими значениями. Например, фразеологизм *вилять хвостом* означает: 1) ‘хитрить, лукавить’: *Ты, брат, извини! Я человек прямой, хитрить, вилять хвостом не умею*; 2) ‘колебаться в выборе решения, уклоняться от прямого ответа’: *Говори! Не вилай хвостом... сума перемётная!* (Салтыков-Щедрин); 3) (перед кем?) – ‘лестью, угодничеством добиваться чьего-либо расположения’: *Из-за своих личных, можно сказать, семейных расчётов вилять хвостом перед заводовладельцем...* (Мамин-Сибиряк). Эти значения обычно дифференцируются в контексте, но в недостаточном ситуативном окружении могут осознаваться нечётко, породить пучок интерпретаций.

Многозначность фразеологизма может возникать и в том случае, если слово, входящее в его состав, имеет ореол ассоциаций с нечёткими, расплывчатыми границами. Так, напр., *мокрая*

курица потенциально означает: 1) ‘безвольный, бесхитростный человек, размазня’; 2) ‘человек, имеющий жалкий вид, подавленный, расстроенный чем-либо’.

Переносные значения часто развиваются у фразеологизмов терминологического характера: *центр тяжести, удельный вес, точка опоры, привести к одному знаменателю, родимое пятно* и др.

Паронимия во фразеологии

Фразеологических паронимов в русском языке немного, однако они осложняют восприятие и понимание в целом. К фразеологическим паронимам относят фразеологизмы, сходные по форме, но различающиеся по значению: ср. *изо дня в день* – регулярно, *со дня на день* – скоро; *до черта* – много (*Работы до черта*), *до чёртиков* – очень (*Устал до чёртиков*); *язык проглотил* – замолчал, *язык проглотил* – вкусно и т.д.

Омонимия фразеологизмов

Фразеологическая омонимия – тоже явление достаточно редкое. Но всё же отмечены случаи, когда фразеологизмы, одинаковые по составу, выступают в совершенно различных значениях. Ср., напр., 1) *брать слово* – ‘по собственной инициативе выступать на собрании’ и 2) *брать слово* (с кого?) – ‘получать от кого-либо обещание, уверение в чём-либо’. Фразеологизм *гнуть спину* может быть понят и как 1) ‘трудиться до изнеможения’, и как 2) ‘унижаться, раболепствовать перед кем-либо’. Однако контекст снимает эту неопределённость благодаря разной сочетаемости фразеологизмов-омонимов: *Мне надоело гнуть спину на тебя* и *Мне надоело гнуть спину перед тобой*. Фразеологические омонимы нередко возникают на базе многозначных фразеологизмов. Так, напр., фразеологизмы *пушкой не пробить*₁ – ‘очень много кого-л., чего-л.’ и *пушкой не пробить*₂ – ‘о

ком-л. особенно упрямом' утратили общий смысловой стержень и стали омонимами.

Среди фразеологических омонимов выделяются обороты, совпадающие и не совпадающие по звучанию со свободным словосочетанием. К первой группе можно отнести обороты *вытянуться в нитку*₁ в значении 'исхудать' и *вытянуться в нитку*₂ – 'проявить усердие', *за спиной*₁ – 'тайно, скрытно' и *за спиной*₂ – 'в прошлом' и др. Фразеологическая омонимия возникает здесь вследствие распада полисемии. Но у этих фразеологизмов сохраняется внутренняя форма, т.е. тот образ, который положен в основу наименования. Фразеологические омонимы могут быть и следствием окончательного разрыва значений многозначных фразеологизмов. Напр., значение фразеологизма *ходить на цыпочках* – 'ходить на кончиках пальцев ног' послужило основой для появления его омонима *ходить на цыточках* – 'заискивать, всячески угождать кому-нибудь'.

Омонимичные фразеологизмы могут появляться в результате образного переосмысления одного и того же понятия, когда за основу берутся его разные коннотативные признаки. Напр., фразеологизм *пускать (красного) петуха* в значении 'устраивать пожар, поджигать что-либо' восходит к образу огненно-рыжего петуха, напоминающего по цвету пламя, а фразеологизм *пускать (давать) петуха* в значении 'издавать фальшивые звуки' создан на основе сходства звучания голоса певца, сорвавшегося на высокой ноте, с «пением» петуха.

Отдельные фразеологизмы способны совмещать в себе противоположные значения (явление энантиосемии). Например, глагольный оборот *вертится в голове* может означать: 1) 'постоянно находится в сознании, волнует ум': *Вертелся в голове сумбурный сон, который ночью несколько раз обрывался пробуждениями* (К. Федин); 2) 'никак не вспоминается': *Кажется, что так легко припомнить, так и вертится в голове, мучительно близко вертится, а что именно – не знаю. Никак не схватить* (В.М. Гаршин).

Глава 2. Фразеология для говорения и письма

Синонимия фразеологизмов

Фразеологизмы пополняют ресурсы синонимических средств языка и имеют большое значение для говорящего, предоставляя ему возможность для экспрессивных замен в процессе создания текста.

Проблема синонимии фразеологизмов неоднозначно решается исследователями. Существует и предельно узкое понятие фразеологических синонимов, и достаточно широкое. При рассмотрении фразеологизмов с позиции говорящего целесообразно исходить из широкого понимания фразеологической синонимии, рассматривая в качестве синонимов тождественные или близкие по значению фразеологизмы, которые могут отличаться стилистической окраской, сферой употребления, прагматическим слоем значения.

Наиболее яркой семантической особенностью фразеологизмов является их способность вступать в синонимические связи и отношения друг с другом: *стреляная птица, стреляный воробей, тёртый калач* – ‘опытный, бывалый человек’; *водить за нос, втирать очки, морочить голову, обводить вокруг пальца* – ‘поступать нечестно, обманывать кого-либо’.

Одну и ту же мысль можно выразить, используя различные фразеологизмы, которые могут выступать в речи как синонимы в широком смысле этого слова, т.е. близкие по значению выражения. Напр., общность семантики ‘усердно трудиться’ объединяет несколько фразеологизмов: *засучив рукава, в поте лица, не покладая рук*. Каждый из этих фразеологизмов вносит дополнительный оттенок в общее значение: *засучив рукава* – ‘очень старательно’, *в поте лица* – ‘особенно интенсивно, прилагая все силы’, *не покладая рук* – ‘непрерывно, без усталости’.

Фразеологизмы, как и слова, нередко образуют синонимические ряды, в которые в качестве синонимов входят и отдельные слова. Таким образом создаётся целый комплекс разноу-

ровневых выразительных средств для обозначения какого-либо содержания. Ср., как можно выразить значение ‘много’, используя фразеологизмы, отдельные слова и лексико-грамматические средства: *множество, горы (продуктов), море (напитков), кипы (бумаг), хоть пруд пруди, что песку морского, как зимой снегу, как собак нерезаных, с три короба, куры не клюют, тьма тьмуша, несть числа, миллионы* и др.

Разумеется, эти средства не являются взаимозаменяемыми во всех контекстах. Они различаются возможностями сочетаемости, употребляются в разных ситуациях. Так, напр., фразеологизм *куры не клюют* сочетается только со словами, обозначающими ценности, в основном – деньги; выражение *с три короба* соотносится с речевой деятельностью (*наговорить, наобещать, наболтать* и др.); *море* в значении ‘много’ соединяется преимущественно со словами, обозначающими жидкие субстанции, единую массу, абстрактные понятия (*море слёз, море людей, море счастья*) и т.п.

К синонимам относятся и фразеологизмы, частично совпадающие по составу, и те, у которых повторяются лишь отдельные компоненты. Ср. *задать баню – задать перцу, повесить голову – повесить нос, гонять лодыря – гонять собак*; а также: *овчинка выделки не стоит – игра не стоит свеч*.

Фразеологические синонимы, подобно лексическим, могут быть точными, полностью совпадающими в значениях, и частичными.

К **точным** фразеологическим синонимам можно отнести такие, как *стреляный воробей – тёртый калач*. К **неточным**, различающимся по смыслу, относятся, напр., такие: *за тридевять земель – куда Макар телят не гонял*. Оба фразеологизма имеют значение ‘очень далеко’, но второй содержит дополнительный смысловой компонент – ‘глухое место’. Фразеологический синонимический ряд: *и был таков, и след простыл, поминай как звали, только его и видели, как сквозь землю провалился, как в воду канул, и помин простыл* и т.п. – объединяется значением ‘быстро скрылся, исчез’. Фразеологизмы в этом ряду отличаются

ся тем, что *поминай как звали* – ‘скрылся безвозвратно’, и *след простыл* – ‘скрылся давно’, *только и видели* – ‘скрылся мгновенно, обычно на глазах у очевидцев’, *как сквозь землю провалился*, *как в воду канул* – ‘скрылся неожиданно и безвозвратно’.

Фразеологические синонимы имеют различия и в степени интенсивности действия. Так, напр., в ряду: *лить слёзы*, *обливаться слезами*, *утопать в слезах*, *выплакать все глаза* – каждый последующий фразеологизм отличается от предыдущего более сильной степенью проявления действия. Ср. также градацию признака, выражающего идею разрушения: *сломать*, *разбить* *вдребезги*, *стереть с лица земли*.

Фразеологизмы, имеющие смысловые отличия, используются говорящим контактно для уточнения мысли или для усиления впечатления. Ср. *О Куропаткине отзывались хорошо. Он импонирует. Говорили только, что он связан по рукам и ногам, что у него нет свободы действий* (В.В. Вересаев). Лексические и фразеологические синонимы и квазисинонимы могут использоваться одновременно: *Венеция меня очаровала, свела с ума* (А.П. Чехов).

Особый приём контактного использования фразеологических синонимов в тексте состоит в том, что они могут объединяться в одно целое посредством выделения общего члена: *Вы хотите посвятить себя всецело сцене – это хорошо, и **стоит тут овчинка выделки и игра свеч**, но... хватит ли у вас сил?* (А.П. Чехов).

Фразеологические синонимы, как и лексические, могут различаться сферой употребления. Так, напр., фразеологизмы *разделать под орех*, *задать перцу*, *устроить головомойку* приемлемы только в разговорной речи, а *учинить расправу*, *камня на камне не оставить* имеют книжный характер.

Антонимия фразеологизмов

Фразеологические антонимы распространены меньше, чем синонимы. Антонимия фразеологизмов поддерживается анто-

нимическими отношениями их лексических синонимов. Ср.: *дорогой, ценный – дешёвый, бесценно: на вес золота – гроша ломаного не стоит; умный – глупый: семи пядей во лбу – пороха не выдумает; румяный – бледный: кровь с молоком – ни кровинки в лице нет.*

Фразеологическая антонимия чаще всего основывается на семантическом противопоставлении компонентов, входящих в состав оборотов однотипной структуры. Это фразеологизмы, частично совпадающие по составу, но имеющие компоненты, противопоставленные по значению. Ср.: *надевать маску – сбрасывать маску, с тяжёлым сердцем – с лёгким сердцем, с открытыми глазами – с закрытыми глазами, не из храброго десятка – не из робкого (трусливого) десятка, заварить кашу – расхлёбывать кашу, лёгок на ногу – тяжёл на ногу, поворачиваться лицом – поворачиваться спиной* и т.п. Компоненты, которые противопоставляют эти фразеологизмы, могут и не быть антонимами, но получить противоположный смысл только в составе фразеологизмов (*лицо – спина, заварить – расхлёбывать*).

Для говорящего наибольший интерес представляют фразеологические антонимы с повторяющимися компонентами. С их помощью легче создавать контраст, так как они легче трансформируются. Ср. *Ты заварил кашу, тебе её и расхлёбывать*. Используя одноструктурные фразеологические антонимы, можно придать речи каламбурное звучание.

Резервом для говорящего в плане выразительных средств являются так называемые фразеологические антонимо-синонимические ряды⁵⁶. Напр., по параметру высоты: *верста коломенская, каланча пожарная – от земли не видать, чуть от земли видно*; по параметру количества (много – мало): *как грибов в лесу, как песку морского, как собак нерезаных, вагон и маленькая тележка – по пальцам перечесть, раз-два и обчелся, с гулькин нос, капля в море, всего ничего* и т.д.

⁵⁶ См. Русский язык и культура речи. М., 2002.

Функции фразеологизмов в речи

Фразеология – неисчерпаемый источник экспрессивных средств. Выразительность множества фразеологизмов объясняется тем, что они возникли в результате непрямого употребления слов.

1. Фразеологизмы являются выразительным средством **оценки**. Фразеологизм не столько называет то или иное явление действительности, сколько оценивает его. Оценочное значение неодобрения, презрения, иронии содержится непосредственно в смысловой структуре многих фразеологизмов: *чернильная душа* (разг., неодобр.) в значении ‘бюрократ’; *шишка на ровном месте* (прост., презр.) в значении ‘совсем незаметный, невлиятельный человек’.

Выразительность оценки, свойственная фразеологизмам, во многом связана с метафорической и метонимической природой большинства фразеологизмов: *волчий аппетит, деланная улыбка, куриная память, буря в стакане воды, фирма веников не вяжет* (основаны на метафоре); *смотреть удочки, шевелить мозгами* (основаны на метонимии); *медный лоб, забрить лоб, с чужого плеча* (основаны на синекдохе). Оценочность фразеологизмов, основанных на непрямом использовании слов, усиливается за счёт их стилистической окрашенности (*отставной козы барабанщик, телячий восторг, бездонная бочка*).

Фразеологические единицы, образованные в результате намеренного алогичного объединения слов, имеют характер оксюморона и используются для усиления экспрессии: *выйти сухим из воды, ломиться в открытую дверь, без году неделя* и т.п.

2. Фразеологизмы нередко выступают как средство **эвфемизации** речи. Так, например, есть фразеологические обороты, которые представляют собой разного рода иносказания: *нечист на руку, пороха не выдумает, богом обиженный, приказать долго жить, заложить за галстук, в костюме Адама (Евы), быть в интересном положении* и т.п. Такие выражения подобны эвфемизмам, назначение которых – назвать что-либо не прямо, а на-

мерно неопределенно, неточно из этикетных, религиозных и других соображений (см. раздел «Эвфемизмы»).

3. Фразеологизмы используются как готовые экспрессивные **сравнения**, так как многие фразеологические словосочетания представляют собой застывшие сравнительные обороты: *как сквозь землю провалился, как с гуся вода, как от козла молока, как гром среди ясного неба, как корова языком слизнула, как две капли воды*.

4. Фразеологизмы могут участвовать в создании **антитезы**: *Таким образом, рай в шалаше на другой же день превратился в ад* (Ильф и Петров).

Трансформация фразеологизмов в речи

Помимо прямого, традиционного существует и не прямое, нетрадиционное использование фразеологических единиц, которое представляет собой то или иное авторское преобразование устойчивого оборота. Среди приемов авторской обработки фразеологизмов известны следующие⁵⁷:

1. Переосмысление оборота. Самый распространенный случай при этом – возвращение его компонентам в контексте буквального значения, напр., *отправиться к праотцам* – ‘пойти в обезьянник’.

Большим любителем творчески перерабатывать фразеологизмы был А.П. Чехов. Ср.: *Если я умру раньше Вас, то шкаф благоволите выдать моим прямым наследникам, которые на его полки положат свои зубы; В этом чувстве есть правда величюю с муху, но мнительность моя и зависть к чужим трудам раздувают её до размеров слона*.

2. Замена компонентов фразеологизма: *С тех пор, как я принял начальство, – может быть, вам покажется даже невероятным, больные все как мухи выздоравливают* (Н.В. Гоголь);

⁵⁷ См. об этом: Рахманова Л.И., Суздальцева В.Н. Современный русский язык: Учеб. пособие. М., 1997.

Мы тут наметили года через два строить авгиевы коттеджи (Ильф и Петров); *прохвостовы ложа* (о раскладушках, которые ломались, как только ими начинали пользоваться). Ср. также: *Леди с воза – пони легче; Не по Хуану сомбреро* и т.п.

3. Введение в состав фразеологической единицы дополнительного компонента, т.е. расширение состава фразеологизма. Авторские вставки дают возможность уточнить ту ситуацию, конкретизировать то лицо, сферу его деятельности, его поступки и т.д., по отношению к которым использован фразеологизм. Ср.: *Ломиться в открытые, даже в настезь распахнутые двери*.

4. Включение фразеологически связанной части фразеологизма в непривычный контекст. Этот прием относится к авторскому преобразованию фразеологического сочетания, к замене его свободного компонента. Ср.: *Старичок, и тот глядит, **разиня** глаза* (А.Н. Толстой); *Проходя мимо стола, я задел какую-то **разинутую** папку* (И. Андреев); *Солнце блестит во всю ивановскую* (Из письма А.П. Чехова М.П. Чеховой, 28 мая 1890 года).

5. Косвенное использование фразеологизма. Этот прием состоит в том, что, употребляя лишь часть оборота, может быть, даже лишь какую-то часть его компонента, автор вызывает в памяти читателя весь оборот. Ср., напр., у И. Ильфа в «Записных книжках» заготовку: *Фабрика военно-походных кроватей имени товарища Прокруста*, где слова *Прокруст* и *кровати* напоминают о выражении *прокрустово ложе* (а тем самым, разумеется, намекают и на качество выпускаемой продукции).

6. Создание лексически нового варианта по модели общенародного оборота. Ср. газетный заголовок «*Пороги, которые мы обиваем*», в котором читатель, знакомый с произведениями О'Генри, узнает породившую газетный заголовок модель – «*Дороги, которые мы выбираем*». Встречаются нередко и случаи сочетания различных приемов. Например, в газетном заголовке «*После выборов по голосам не плачут*» использованы модели двух пословиц: *после драки кулаками не машут* и *снявши голову по волосам не плачут* и их отдельные компоненты – *после* и *плачут*. Творческим целям может служить не только точная модель

фразеологической единицы, но и часть этой модели и смысл оборота. Так, на основе выражения *ломаного* (или *медного*) *гроша не стоит* Б. Окуджава в стихотворении «Союз друзей» дает ему новый, авторский смысл: *И я за жизнь его тогда не дам и самой ломаной гитары.*

7. Объединение (контаминация – от лат. *contaminatio* – соприкосновение, смешение) в составе фразеологизма языковых единиц на основе их сходства в каком-либо отношении.

Напр., *попасть (выйти) в тираж* (о человеке: стать непригодным к чему-либо) и *списать (сдать) в архив* (о человеке: отстранять от работы, считая непригодным к выполнению каких-либо обязанностей; предавать забвению как нечто устаревшее, негодное) дают речевое образование *списать в тираж*. Ср. также примеры подобных смешений:

ждать у моря погоды и *искать ветра в поле* – *ждать ветра в поле*;

списывать в архив и *сбрасывать со счетов* – *списывать со счетов*;

прикрываться именем и *плавать под флагом* – *прикрываться флагом*;

не играть роли и *не иметь значения* – *не играть значения*;

попасть впросак и *сесть в галошу* – *попасть в галошу*;

носить камень за пазухой и *точить нож на кого-либо* – *носить нож за пазухой*;

уйти с головой (в какое-либо дело) и *уйти в свою скорлупу* – *уйти с головой в свою скорлупу*.

Хотя контаминации нередки в речи, но они чаще всего квалифицируются как ошибки.

Вполне допустимо употребление слова на основе фразеологизма в устной и свободной письменной речи, в частности языке прессы и художественной литературы. Ср.: *Бить баклуши* > *баклушиничать*; *втирать очки* > *очковтирательство*; *скалить зубы* > *зубоскал*; *вертеть хвостом* > *вертихвостка*.

8. Двойная актуализация фразеологизмов, т.е. такое употребление фразеологических единиц, которое ведёт к параллельно-

му восприятию как переносного значения фразеологизма, так и прямого значения компонентов омонимичного ему свободно-го сочетания: *Пожарный всегда работает с огоньком* (Эмиль Кроткий).

Сферы использования фразеологизмов

Умелое использование фразеологизмов вносит в речь экспрессию, образность, эмоциональную выразительность, обнаруживает уровень речевой культуры говорящего или пишущего, его речевой вкус. Однако при использовании фразеологизмов возникают определенные сложности: во-первых, чрезмерное употребление выразительных средств может привести к искусственности речи, во-вторых, возникает опасность неточного употребления.

При использовании устойчивых оборотов необходимо помнить, что в стилистическом отношении фразеологизмы отличаются от слов. Основная масса слов стилистически нейтральна, чего нельзя сказать о фразеологизмах, основное назначение которых – выражение разного рода оценок, эмоций и отношения говорящего к высказываемому, что является существенным элементом фразеологического значения. Поэтому не может быть текстов, состоящих только из одних фразеологизмов.

Фразеологизмы русского языка могут быть разделены на 4 основных стилистических пласта:

1. Большая часть фразеологизмов относится к разговорной речи. Область применения таких фразеологизмов – бытовое общение, устная форма диалогической речи: *задирать нос, заткнуть за пояс, класть зубы на полку, кусать себе локти, не пускать на порог (кого?), перегибать палку, стричь под одну гребёнку (кого?), из-за угла, из-под палки, из рук вон, и так и сяк, ни жарко ни холодно (кому?)*.

2. Фразеологизмы просторечного характера употребляются преимущественно в обиходно-бытовой речи и имеют грубова-

то-сниженный стилистический оттенок: *вынь да положи, лезть в бутылку, лыка не вяжет, не лаптем щи хлебаю, ни кожи ни рожи, олух царя небесного, шишка на ровном месте* и др.

Многие разговорно-просторечные обороты содержат усиленное значение, благодаря которому эмоционально-экспрессивные оттенки фразеологизмов проявляются с наибольшей силой. Усилительное значение особенно характерно для наречных оборотов типа (*бежать*) *во все лопатки, (похожи) как две капли воды*.

3. Межстилевые фразеологизмы не имеют какой-либо стилистической окраски и активно употребляются в разных стилях устной и письменной речи. Это сравнительно небольшой разряд фразеологических единиц: *во всяком случае, во что бы то ни стало, время от времени, (дать, передать) из рук в руки, любой ценой, минута в минуту, на каждом шагу, на точке замерзания, ни за что на свете, от всей души, под открытым небом, целиком и полностью, играть роль* 'скрывать свою подлинную сущность', *называть вещи своими именами, поставить точку* (на чем?), *появиться на свет 'родиться', приходит в голову* и др.

4. Книжные фразеологизмы свойственны по преимуществу письменной речи и обычно придают ей оттенок приподнятости и торжественности; они присущи в основном общественно-публицистической, официально-деловой и беллетристической речи. Эмоционально-экспрессивные свойства книжных фразеологизмов обнаруживаются на фоне стилистически нейтральных слов; ср.: *погибнуть* (нейтр.) – *положить живот свой* (кн.); *родной ребёнок* (нейтр.) – *плоть и кровь* (кн.); *умереть* (нейтр.) – *смежить очи* (кн.).

Экспрессия торжественности или приподнятости – необязательное свойство книжных фразеологизмов. Они могут быть и стилистически нейтральными. Таковы характерные для литературно-книжной речи обороты иноязычного происхождения типа *зондировать почву* (фр. *sonder le terrain*), *про и контра* (лат. *pro et contra*), а также фразеологизмы из греко-латинской мифологии типа *авгиевы конюшни, бочка Данаид, нить Ариадны*.

Штампы и клише в продуктивной речевой деятельности

Речевые штампы и клише типа *принять меры, поставить вопрос, прошу слова, как дела* и т.п. обычно рассматривают в разделе «Фразеология» наряду с фразеологическими сочетаниями. Рассмотрим это явление более подробно в аспекте активных речевых действий.

Термины «штамп», «шаблон», «трафарет» применительно к речевой деятельности человека имеют обычно ярко выраженный отрицательный характер. Эти слова связываются в сознании с бездумным и лишённым вкуса использованием выразительных средств. Если о человеке говорят, что *у него штампованный язык, он говорит штампами*, то нетрудно уловить в таких высказываниях неодобрение. Но всегда ли в действительности плохо пользоваться штампами и клише?

Штамп – это слово или сочетание слов, которое говорящим или пишущим осознаётся как готовая устойчивая и часто используемая форма: *как было указано выше, необходимо подчеркнуть, как известно* и т.п. Для чего создаются штампы? Назначение этих устойчивых слов и оборотов речи состоит в том, чтобы облегчить производителю речи процесс создания текста, ускорить поиск речевых средств. Штампы удобны тем, что находятся как бы на поверхности языкового сознания и поэтому быстрее всего приходят на помощь говорящему. Но поскольку за этим термином «штамп» прочно закрепилась негативная оценка, то всё положительное, что связано с самим этим явлением, учёные предлагают утвердить за другими словами, такими, как «стандарт» и «стереотип». Эти понятия относят к целесообразному применению готовых формул в соответствии с коммуникативными установками. Стандартом считают такое использование автоматически воспроизводимых языковых средств, которое способствует достижению положительного стилистического эффекта. Под стереотипом понимают определённый текст, вписанный в структуру коммуникативного акта и отражающий соответствующую микроситуацию. Стереотип призван стабилизировать любую социально значимую деятельность че-

ловека. Психолингвистический аспект стереотипа соотносится с личным опытом человека, с его ориентацией на традицию, со способностью к усвоению образца в когнитивном, оценочном и поведенческом отношении⁵⁸.

Потребность в штампах особенно велика в тех сферах речевой деятельности, где необходима строгая однозначность при восприятии, точное понимание, которое, в свою очередь, обеспечивается за счёт однотипности выражения мысли. Применительно к функциональному стилю стереотип служит критерием оценки правильности речи с её коммуникативно-стилистической целесообразностью. Каждый стиль отбирает из общелитературного языка те языковые средства, которые в наибольшей степени приспособлены к выражению типовых смыслов, соответствуют коммуникативному назначению. Так формируются языковые единицы, наиболее точно соответствующие содержанию. Именно они становятся частотными. Готовых клишированных оборотов особенно много в официально-деловом стиле речи: *ввиду отсутствия, в целях улучшения, принять меры, поставить вопрос* и т.п. Такие обороты речи нередко вызывают насмешку. Но в официально-деловом документе, не допускающем разнообразия средств выражения, такие штампы могут являться элементами стиля. Так, напр., канцелярское клише *Предъявленному верить* – стандартная и экономная форма отражения тематико-ситуативной специфики деловой речи. Деловые бумаги не пишутся и тем более не сочиняются, они составляются по определённому образцу. Поэтому невозможно представить себе вольную форму в заявлении с просьбой о командировке или в заявлении по поводу устройства на работу, в доверенности на получение денег и т.п. Ср. в шутку составленный К.И. Чуковским текст доверенности:

Доверенность

Пусть Воронину Сергею отдадут мою зарплату. Он, как будто, человек честный и, надеюсь, денег моих не растратит.

⁵⁸ Котюрова М.П. Стереотипность речи // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М., 2003. С. 398.

Деловое общение стремится свести отношения к однотипным, т.е. стандартным, повторяющимся ситуациям, тем самым создаётся стандартизованная речевая манера официально-делового стиля.

Элементы официально-делового стиля, введённые в чуждый для них контекст, называют канцеляризмами. Фразеологически связанные канцеляризмы по сути и являются штампами, если они используются в речи, не регламентируемой нормами официально-делового стиля. К канцеляризмам-штампам относятся такие конструкции: *во избежание (чего?)*, *при наличии (чего?)*, *мероприятия по улучшению (чего?)*, *дело о + отглагольное существительное в предложном падеже* и т.п. Русские писатели нередко пародировали канцелярскую окраску речи. Ср.: *Дело об изгрызении плана одного мышами* (А.И. Герцен), *Дело о влечении и разбитии стёкол вороною* (А.Ф. Писемский), *Объявив вдове Ваниной, что в неприлеплении ею шестидесяतिकопеечной марки...* (А.П. Чехов) и т.п.

В официально-деловом стиле закрепились глагольно-именные сочетания, которые употребляются вместо глаголов: *объявить благодарность*, *принять к исполнению*, *дать указание* и т.п. Использование в документах вместо них глаголов *поблагодарить*, *исполнить*, *указать* так же не оправдано, как и неуместное использование «расщеплённого сказуемого» в разговорной речи, в публичных выступлениях и т.п. Ср.: 1) *В новом здании театра на глазах у зрителя будет происходить открывание и закрывание рамы* (пример И.Б. Голуб), где употребление составного сказуемого с отглагольным существительным не мотивировано, оно делает высказывание громоздким, и 2) *Пострадавшим будет оказана неотложная медицинская помощь*, где за счёт использования именной стандартной конструкции достигается максимальная точность выражения содержания.

Без устойчивых выражений немислим и научный стиль речи: *как показывают наши данные*, *по утверждению учёных*, *к вопросу о...*, *решить проблему* и т.п. Стереотипность научного изложения оценивается положительно, потому что благодаря этому качеству активизируется понимание читателем научной кон-

цепции, излагаемой автором. Стереотипность строевых единиц научного текста допускает довольно широкое варьирование в пределах стандарта. Так, напр., чтобы выразить стандартный для научного стиля смысл *'надо изучить этот вопрос'*, можно использовать следующие синонимические (в широком смысле) средства в рамках этой модели: **надо** (*нужно, необходимо, следует, важно* и т.п.) **изучить** (*исследовать, рассмотреть, проанализировать* и т.п.) **вопрос** (*проблему, положение, утверждение, принцип, сущность* и т.п.). Таким образом, стереотипизация заключается в формировании парадигмы, описывающей типичные, стандартные ситуации и образующей устойчивые контексты.

Привычное бытовое общение в стандартных ситуациях также подчиняется определённому ритуалу – речевому этикету и поэтому тоже не может обойтись без своего рода штампов: *будьте добры; вы не скажете, как пройти к...; скажите, пожалуйста, кто последний* и т.п. Как отмечал Л.П. Якубинский, «говорение в связи с определёнными шаблонами быта влечёт образование целых шаблонных фраз, как бы прикреплённых к данным бытовым положениям и шаблонным темам разговора». В языке есть определённый набор высказываний, закреплённых традицией, которые предписывают адресату определённую форму ответа. Существует стереотип ответа на вопрос *Как ваши дела*, который не предполагает развёрнутый ответ, раскрывающий действительное положение дел, а сводится в основном к усреднённой форме: *Спасибо. Нормально. Ничего*. На вопрос *Не могли бы вы передать соль?* нельзя ответить *Нет* или *Да, могу*. В рамках этикетного поведения как правильный ответ воспринимается только соответствующее действие. Этикетное речевое поведение жёстко предопределено не только традиционными вопросами и ответами, но и обстоятельствами разговора, его общей тональностью.

Штампы и клише могут быть полезными явлениями в речевой коммуникации в тех условиях общения, где они необходимы.

В построении высказывания, в выборе слов говорящий всегда обнаруживает свой взгляд на мир. Успешность речевого общения зависит от того, насколько этот взгляд согласуется с мировосприятием адресата. Реакцию собеседника предсказывают стереотипизированные конструкции типа *Страшно то, что..., Естественно..., Удивляет то, что..., Важно то, что...*

Образная экспрессия неизбежно переходит в разряд штампов при условии массового воспроизводства, это особенно отражается в функционировании перифраз: *белое золото, чёрное золото, люди в белых халатах, оборотни в погонах* и т.п. Таким образом, источником штампов в негативном смысле становится публицистика, средства массовой информации. Постепенно штамп начинает восприниматься иронически и воспроизводиться в ироническом контексте. Штампом может стать всякое получившее широкое распространение речевое средство: часто повторяемые эвфемистические формулировки-объяснения (*Президент работает с документами*), стёршиеся от постоянного употребления определения (*неизгладимое впечатление*), шаблонные метафоры (*море цветов*), избитые рифмы (*любовь – кровь, морозы – розы*) и т.п.

Штамп – это «окаменелая» фразеология, в которой без оснований продолжают усматривать стилистическое назначение воздействия.

Таким образом, одним из главных условий возникновения штампов, понимаемых как негативное явление, можно считать слепой автоматизм, механический характер воспроизводства. Речевые штампы, как известно, избавляют говорящего от необходимости думать, подыскивать более точные выражения, и его речь при этом теряет индивидуальность, а самое главное – утрачивает своё основное назначение – способность воздействовать на адресата. Но, как отмечают исследователи, многое дурное в языке, в том числе и штампы, связаны не только с позицией говорящего, но и с пассивностью слушающего.

Литература

Основная

Милославский И.Г. Русский язык для говорения и письма. Как мысли выразить себя, другому как понять тебя? М., 2008.

Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. М., 1997.

Современный русский язык / Под общ. ред. Л.А. Новикова. СПб., 1999.

Шмелёв Д.Н. Современный русский язык. Лексика. М., 1977.

Дополнительная

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика // Избр. труды. Т. 1. М., 1995. Разделы: «Семантические валентности слова»; «Лексические синонимы»; «Лексические конверсивы».

Апресян Ю.Д. Прагматическая информация для толкового словаря // Избр. труды. Т. 2. М., 1995.

Арутюнова Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. М., 1980.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996. Разделы: «Русский язык»; «Толкование эмоциональных концептов».

Виноградов В.В. Лексикология и лексикография // Избр. труды. М., 1977.

Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. М., 1972.

Гак В.Г. Сопоставительная лексикология французского и русского языков. М., 1977.

Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация (общие вопросы). М.: Наука, 1977.

Гумбольдт В., фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избр. труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.

Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М., 1981.

Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М., 2000.

Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка. М., 1982.

Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации. М., 2009. Раздел «Эмоции в языке, культуре и коммуникации».

Морковкин В.В. Опыт идеографического описания лексики. М., 1977.

Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб., 1997. Раздел «Лексическая оппозитивность: антонимы и конверсивы».

Панов М.В. О стилях произношения (в связи с общими проблемами стилистики) // Развитие современного русского языка. М., 1963.

Потебня А.А. Мысль и язык (глава X). Киев, 1993.

Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц: в 2 ч. / Под ред. Е.Н. Дибровой. М., 2001. Часть I.

Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж, 1979.

Телия В.Н. Русская фразеология. М., 1996. Раздел «Культурно-национальная специфика единиц фразеологического состава языка».

Теория метафоры. М., 1990.

Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. М., 2007. Раздел «Скрытые языковые трудности».

Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

Словари

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М., 1978–1980 (и др. издания).
2. Толковый словарь русского языка. Т. 1–4 / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935–1940 гг. (и др. издания).
3. Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.; Л., 1950–1965.
4. Словарь русского языка. Т. 1–4 / Под ред. А.И. Евгеньевой. М., 1980–1984 (и др. издания).
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992 (и др. издания).
6. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2000.
7. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Складчиковой. СПб., 1998.
8. Мельчук И.А., Жолковский А.К. Толково-комбинаторный словарь. Вена, 1984.
9. Русский семантический словарь / Под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1998 (Т. 1), 2001 (Т. 2).
10. Толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание / Под ред. Л.Г. Бабенко. М., 1999.
11. Тематический словарь русского языка / Под ред. В.В. Морковкина. М., 2000.
12. Ахманова О.С. Словарь омонимов русского языка. М., 1974 (и др. издания).
13. Колесников Н.П. Словарь омонимов русского языка. М., 1978.
14. Вишнякова О.В. Паронимы в русском языке. М., 1974.
15. Колесников Н.П. Словарь паронимов и антонимов. Ростов н/Д, 1995.
16. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М., 1968 (и др. издания).
17. Словарь синонимов русского языка. Т. 1–2 / Под ред. А.П. Евгеньевой. Л., 1970–1971.
18. Горбачевич К.С. Русский синонимический словарь. СПб., 1996.
19. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общим руководством Ю.Д. Апресяна. Первый выпуск. М., 1997; Второй выпуск. М., 2000.

20. Введенская Л.А. Словарь антонимов русского языка. Ростов н/Д, 1971.
21. Колесников Н.П. Словарь антонимов русского языка. М., 1972.
22. Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка / Под ред. Л.А. Новикова. М., 1976 (и др. издания).
23. Новиков А.Б. Словарь перифраз русского языка. М., 1999.
24. Словарь сочетаемости слов русского языка / Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. М., 1983.
25. Словарь новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х гг.) / Под ред. Н.З. Котеловой. СПб., 1995.
26. Современный словарь иностранных слов. М., 1992.
27. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. М., 1996 (и др. издания).
28. Яранцев Р.И. Словарь-справочник по русской фразеологии. М., 1985.
29. Фразеологический словарь синонимов / Под ред. В.П. Жукова. М., 1978 (и др. издания).
30. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / Под ред. В.М. Мокиенко. СПб., 1998.
31. Фразеологический словарь русского литературного языка / Сост. А.И. Федоров. М., 2001.
32. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

КОНТРОЛЬНЫЕ ЗАДАНИЯ

Контрольная работа № 1

Примерные задания для домашней контрольной работы, ориентированной на проверку усвоения раздела лексикологии для рецептивных речевых действий на русском языке.

1. Подберите отрывок из литературного произведения на русском языке объёмом около 100 слов.

2. На основе данного текста проведите компонентный анализ значения пять существительных, пять глаголов и три прилагательных.

3. Выпишите слова с положительной и отрицательной оценкой.

4. Выделите слова с ассоциативным компонентом значения, докажите его наличие, опираясь на фразеологию и словообразовательные возможности слова (ср. *петух – петушиться, ишак – ишачить, как осёл* и т.д.).

5. Выбрав из текста предложение, содержащее несколько многозначных слов, выпишите набор значений для данных многозначных слов, пользуясь толковыми словарями, и покажите, каким образом достигается семантическое согласование слов в данном предложении. Выделите общий смысловой компонент, обеспечивающий связность предложения.

6. Сконструируйте самостоятельно абсурдную фразу, объясните, почему она лишена смысла (ср. *Зелёные бесцветные идеи бешено спят*).

7. Найдите в тексте языковые и авторские метафоры и метонимии, объясните, с какой целью автор прибегает к этим средствам, каким образом их использование влияет на характер понимания.

8. Выделите в тексте омонимы, объясните, почему наличие омонимов не осложняет (или осложняет!) понимание предложения. Придумайте 2–3 предложения, в которых наличие омонимов может привести к коммуникативной неудаче из-за неоднозначности понимания.

Контрольная работа № 2

Примерные задания для домашней контрольной работы, ориентированной на проверку усвоения раздела лексикологии для продуктивных речевых действий на русском языке.

1. Подберите отрывок из литературного произведения на русском языке объёмом около 100 слов.

2. Измените ряд слов из данного текста в соответствии с известными вам лексическими параметрами – 15–20 примеров (например, параметр «очень» для слова *дождь – ливень*, параметр «хорошо» для слова *сон – сладкий* и т.п.).

3. Выбрав из текста 2–3 предложения, подберите ко всем словам синонимы и квазисинонимы, определите, как меняется или не меняется смысл высказываний от произведённых замен.

4. Изложите какой-либо общеизвестный сюжет (микротест – фрагмент рассказа, стихотворение и т.п.) с помощью синонимических средств, меняющих стилистическую окраску исходного текста.

5. Найдите в тексте или придумайте самостоятельно категоричные по отношению к адресату высказывания, смягчите их с помощью эвфемизмов (3 примера).

6. Опишите с помощью перифраз какой-либо фрагмент текста, объясните целесообразность такой замены. Приведите другие примеры (2–3).

7. Подберите ряд антонимов к многозначным словам из текста, употребите их в составе предложений.

8. Одну и ту же ситуацию, представленную в данном тексте, обозначьте с помощью конверсивов. Приведите самостоятельно подобранные примеры (не менее 5).

Вопросы для итогового контроля

Общие вопросы

1. Понятие лексической системы. Несовпадение фрагментов лексических систем в разных языках.
2. Парадигматические и синтагматические отношения в лексике.

3. Внутренняя форма слова в разных языках.
4. Функции слова: сигнификативная, номинативная, экспрессивная.
5. Лексическое значение слова.
6. Компонентный анализ значения слова.
7. Ассоциативный потенциал слова в разных языках.
8. Актантная структура слова.

Подход от формы к смыслу

9. Традиционные толковые словари русского языка.
10. Семасиологические категории и их роль в процессе понимания.
11. Языковая природа многозначности.
12. Многозначность и коммуникативные неудачи.
13. Омонимия как причина непонимания в недостаточном контексте.
14. Метафора и её роль при рецептивных видах речевой деятельности.
15. Механизм метонимических переносов.
16. Метонимия и проблема понимания.
17. Понятие паронима и его роль в речевой деятельности.

Подход от смысла к форме

18. Сочетаемостьные свойства слова.
19. Закон семантического согласования и его роль при построении высказываний.
20. Понятие идеографического (активного) словаря.
21. Ономасиологические категории в лексической системе и их роль в процессе говорения.
22. Понятие семантического поля.
23. Родо-видовые отношения в лексике.
24. Типы синонимов и их функции в процессе говорения.
25. Эвфемизмы и перифразы как разновидности синонимических отношений.
26. Грамматическая и лексическая конверсия. Функции конверсивов в речи.
27. Лексические антонимы. Типы отношений в антонимических парах.
28. Функции антонимов в продуктивных видах речевой деятельности.
29. Функции метафоры и метонимии в процессе говорения.
30. Понятие лексической функции. Лексические замены и лексические параметры.

Фразеология

31. Понятие фразеологизма. Типы фразеологизмов по принципу мотивированности / немотивированности значения.
32. Многозначность фразеологизмов. Фразеологические омонимы.
33. Фразеологические синонимы и их функции.
34. Фразеология и картина мира.